

ДАНИИЛ КОВАЛЬСКИЙ

БЕСОВА ДЛАНЬ

■ СКОЛЬКО УДАРОВ СУДЬБЫ
ПОТРЕБУЕТСЯ, ЧТОБЫ ТЕБЯ УРОНИТЬ?

Её жизнь была максимально скучной — дневной сон и ночные погони в лесу за тёмными тварями с мечом наперевес. Пока остальные восхищались её умениями, Дэл честно пыталась найти во всём этом смысл. И не находила.

Свой смысл она потеряла давно и теперь лишь играла со смертью в поддавки, надеясь, что в следующей вылазке ей повезёт. Но инстинкт был сильнее — и тёмные твари проигрывали её мечу.

Но проиграет ли ей человек из леса? И куда эта схватка её заведёт?

Глава 1. Отмеченная

За окном раздались детские крики. Кажется, весёлая игра была в самом разгаре.

Она сдержала тяжкий вздох, оглядела собственные руки. Слишком много грязи. Перед обработкой нужно было бы их ополоснуть. Солнечный луч показался на ладонях, подсвечивая мелкие царапины и пару мозолей с грязными пятнами. Она поджала губы и перевела взгляд на окно. Детей до сих пор хорошо слышно. Впрочем, солнце достаточно высоко, чтобы они не переживали за свои жизни.

Лишь бы бес не дёрнул их выйти ночью.

— Ты голыми руками их убивала, Дэл? — хмыкнул целитель и кинул ей полотенце.

Влажное. Она принялась оттирать свои ладони. Слишком грязные. На полотенце оставалась грязь и какие-то красные пятна... видно, задела какую-то ссадину, когда нещадно тёрла руки.

Она услышала сдавленный смешок и подняла глаза на этого весёлого шутника Брайса, который ещё в Академии успел сильно надоесть. Ещё недавно они слишком редко виделись, чтобы она смогла снова устать от его шуток, но с недавних пор она зачастила с походами в лечебную палатку, в которой она постоянно пересекалась с белобрысым дураком-целителем.

Под её злым взглядом он не стушевался, схватил со своего стола какую-то баночку и пошёл к ней. Без возражений она протянула ему израненные ладони и отвернулась куда-то к окну. Детей до сих пор было слишком хорошо слышно. Если напрячься, то можно и слова конкретные расслышать. Интересно, во что они сейчас играют?

— Теперь ты бес!

В такие догонялки и она в детстве играла. Правда, роль беса ей редко давали, ведь она всегда убегала быстрее, чем её успевали "осалить".

Резкая боль заставила её зашипеть. Она не успела ничего сказать, просто выразительно посмотрела на целителя и в ответ получила новый взрыв смеха.

— Понятно... — протянул Брайс. — Ты их взглядом испепелила. От тебя ждать иного...

Она закатила глаза, очередная тупая шутка от этого целителя. Он остался таким же идиотом, ничего не изменилось с тех пор. Только теперь никто ему меч не доверит, у него теперь другая работа, с которой он справлялся. Если бы только рот не открывал, было бы совсем хорошо.

Она прикрыла глаза. Боль исчезла, стало как-то спокойней. Казалось, и дети стали немного потише. Мягкие прикосновения к ладоням, тихая палатка, а ещё и бессонная ночь в лесу, по которому она бегала и искала интересных для Штаба тварей — это всё держало её на грани сна и бодрствования.

— Тебе реально нравится размахивать мечом? Или тебя просто в стрелки не взяли?

Мечом. Она прикрыла глаза. Вместо темноты увидела вспышки ярких глаз тёмных тварей, жизнь которых зависела от удачного взмаха мечом. Он всегда входил слишком легко в их плоть. Возможно, с ней в самом деле был дух Ишты, и она была проводником его силы, и не более. Но когда она в последний раз в самом деле молилась ему, а не во время общей молитвы складывала ладони и думала о своём? Когда в последний раз она обращалась к нему по-настоящему?

— Не хочу отсиживаться на воротах, пока за ними живут эти твари, — проговорила наконец Дэл, не открывая глаз.

Взмах. Тёплые капли брызнули в глаза. Она не вытирала — уже привыкла, тем более инстинкты работают лучше зрения. Взмах наугад оборвал жизнь существа. Либо ты их, либо они — тебя и всех твоих друзей. Краткой передышки хватает ровно на один глубокий вздох. Иногда ещё она успевала смахнуть запекшуюся кровь с лица рукавом зелёной куртки, после чего снова летела в бой. И снова. И снова. Человек бы не выдержал всю ночь сражений, но она и никогда не была обычным человеком.

На эти слова Брайс ничего не ответил. Остатки мази втёр в область вокруг старого шрама на ладони, вытер свои руки и пошёл налить себе воды. Звук воды, наливающейся в стеклянный стакан, вывел из тяжких мыслей, вытащил обратно в реальность. Дэл кулаком протёрла глаза, уже порядком уставшие. К мешкам под ними она привыкла, как и вечным царапинам, ранам, синякам на теле. Сколько раз очередная тварь швыряла её на землю, царапала когтями, но каждый раз она успевала нанести последний удар на мгновение раньше. Она всегда успевала на мгновение раньше. Удача или просто отточенные рефлексy — она не знала. И знать не очень-то и хотела.

Стук стакана о стол. Второй такой же остался в руках у Брайса, и он тут же отхлебнул от него. Дэл хмыкнула и схватила стакан, что ей предназначался, и аккуратно глотнула. Холодная. Приятно.

— Сколько лет прошло с нашего выпуска? — проговорил задумчиво Брайс со стаканом в руке.

— Шесть с половиной.

— И сколько людей осталось с нашего выпуска?

Она задумалась, но лишь ненадолго.

— Пятеро...

— Четверо, — поправил Брайс. — Четыре с половиной человека. Да и я лишь выжил просто потому, что был чуть умнее всех остальных, и не пошёл в вояки.

С половиной. Лекс. Тот счастливый парень, быстрее всех бегающий, в итоге лишился ног на одной из вылазок. Будь она рядом, она бы не допустила этого. Но в итоге теперь он передвигался на коляске и счастливым его никто не видел с тех пор. Если бы только она была рядом, она бы успела совершить последний взмах раньше, чем челюсти твари сомкнулись на одной из его ног. Но она в этот момент самозабвенно рубила в гуще леса каких-то тварей, пытаясь побить свой собственный рекорд в количестве убитых.

После случая с Лексом она всегда ходит в одиночку, чтобы снова никого не подвести.

После случая с Лексом она более ни с кем не общалась, чтобы не за кого было переживать. С Брайсом они пересекались лишь в лечебной палатке, нелюдимый мальчик Стивен с их выпуска оказался в рядах стрелков, а к ним на ворота она никогда не заходила, лишь иногда слышала отзвуки стрельбы по тварям. Оставалась лишь Лайза — та самая девочка, которая в последнее время редко выходила за ворота города, предпочитая долгие посиделки с высшим командованием войск. Она была всегда чуть умнее остальных, ничего удивительного, что она уже там.

Пока она занималась стратегией и разработкой планов, Дэл могла не переживать за неё.

Она залпом хлебнула воды из стакана. Ребят-выпускников было значительно больше. Однако большинство тех, с кем она начинала выходы за ворота, в итоге погибли. Как и предсказывали инструкторы ещё в первые дни. От этого они и предостерегали каждого ученика из Академии. Так и произошло.

Дэл встала с места, потянулась, услышала хруст костей и усмехнулась. Приятно. Она

ещё жива, ещё может сражаться.

— Люди про тебя говорят, — вдруг сказал Брайс.

Она обернулась на светловолосого целителя, ещё сжимающего стакан в своей руке. Щетина на его уставшем лице как-то не вязалась с его образом мальчишки, который всегда глупо шутил и смеялся над ещё более глупыми идеями Лекса, который мечтал победить всех-всех тварей. Теперь у Лекса больше не было мечты, её съели твари вместе с ногами. Его ногами. И Брайс вместе с ним не смеялся.

Этот повзрослевший мальчишка со светлыми глазами смотрел на неё, сжимал стакан и... Дэл закусил губу.

— Это шутка?

Он мотнул головой.

— Тут рассказывают, что ты самолично убила штук двадцать тварей, пока вы везли муку в город. А потом одного из стрелков спасла, отрубив голову бесу. Весь город о тебе говорит, да только не все тебя в лицо знают, великого героя нашего города. — Брайс отхлебнул воды из стакана, — Кто-то даже тебя бесом называет, но тихо. А большинство верит, что ты — земное воплощение Ишты, сына творца нашего Таха...

Опять одни и те же сказки. Даже уже не смешно.

— Пусть верят, — отрезала Дэл.

Все эти рассказы даже не тронули. Ей не привыкать слышать о себе слухи. Пусть бес, пусть ангел, пусть дочь бога — лишь бы могла сражаться и дышать воздухом. И ходить. Снова кольнуло в области сердца. Тупые мысли о чужих ногах, о чужом человеке, которого просто не успела спасти. Сколько времени не прошло — больно было до сих.

Время. Солнце слишком высоко, а она даже не отдохнула. Следующая ночь должна быть напряженной.

— Ты только вернись, тихоня Дэл.

У самого входа из палатки она обернулась на смотревшего в окно Брайса. Рука нервно поправляла воротник у халата. Пусть он и не смотрел на неё — всё и без слов было понятно.

Он никогда раньше не беспокоился за неё. Да никто за неё не беспокоился, если не считать Лайзу и Матфея. Но у Лайзы сейчас есть заботы поважнее, а Матфей... слишком далеко от неё, чтобы хоть что-то сказать. Как давно она не слышала его голоса...

Брайс за неё волновался. Но почему от этого радостно не стало, а даже наоборот — сердце защемило?

Без волнений и лишних чувств всегда было проще махать мечом, и не переживать о собственной жизни. Без привязанностей было легче выходить за ворота, в городе ничего не держало, да и за жизнь не приходилось переживать.

Впрочем, ей ли не плевать на тупого шутника Брайса?

— Постараюсь, — коротко ответила она и вышла.

Солнце ослепило. Шумно. Жарко. Ярко. Дэл скривилась. Ночью было приятней. Вокруг слишком много людей, самых разных, но все они предпочитали проходить мимо, и отводили от неё взгляд. Смешные. Но солнце в самом деле слепило, мешало, волновало. В такие солнечные дни она предпочитала спать, копить энергию для ночных сражений.

На улице у детей была своя игра, кажется, это были простые "догонялки". Дэл невольно приостановилась, оперлась на стену здания и оглядела громких ребят. На зеленой полянке они носились, пытаясь догнать друг друга, коснуться и передать бремя "водящего" кому-то другому. В конце концов мальчишка хлопнул по плечу девочку и проговорил:

— Теперь ты бес!

— Нечестно! — вскрикнула она. — Ты открыл глаза, а должен с закрытыми водить!

— Где ты видела бесов с закрытыми глазами?

— Ну у нас же правила...

— Боже, да что ты ноешь! Как девчонка!

Дэл усмехнулась. Если бы можно было сказать тем тварям, что они играют не по правилам, то всё было бы проще. Что бы они сказали на это? Могут ли они вообще говорить? За всё это время она ни разу не слышала ни единого слова от них — лишь всхлипы, крики, урчания, как у животных.

Девушка тяжело вздохнула, взгляд от детей отвела. Однажды они вырастут, и тоже пойдут в Академию с горящими сердцами. Там они и поймут, что не всегда всё происходит по правилам игры. Лишь бы они не поняли это слишком поздно.

Их ведь тоже убьют там. Половину из них. А оставшаяся будет также, как и она бродить по улицам и не понимать — зачем это всё.

Зато станут сильнее.

Солнце грело слишком сильно. Она даже отвыкла от этого. Обычно Дэл возвращалась к себе домой к рассвету, когда было ещё холодно. А сейчас в куртке, растёгнутой осенней было слишком жарко. Снимать её она не собиралась, как бы не пекло, как бы ни косились странно люди в рубахах без рукавов.

В родном и прохладном доме было спокойней, чем на жаркой оживлённой улице. Она аккуратно стащила с плеч свою куртку, оглядела её внимательно — заметила лишь маленькую дырку. Ненадолго задумалась, прежде чем качнуть головой и всё же повесить её на крючок. Надо зашить.

В комнате она сразу же упала на продавленный диван и прикрыла уставшие глаза. И вместо пустоты снова виднеются чьи-то глаза, в которых горел неестественный огонь. Она давно ничего не боялась: ни страшных глаз тварей, ни собственной смерти, ничего. Просто это уже надоело.

От этой накопившейся усталости уже ничего её не избавит.

Она повернулась к спинке дивана, положила руки под подушку, да попыталась выкинуть из головы все картины. С пустотой в сознании заснуть было значительно легче. Уже с закрытыми глазами она стянула резинку с волос, да буквально облегчение почувствовала от распустившихся по плечам волос.

А если в эту ночь она никому не понадобится? Если ей разрешат выспаться как следует, а не поторопят в очередную вылазку за безопасные стены.

Она усмехнулась. Мечты.

На этот раз забытьё пришло достаточно быстро. Только прикрыла веки — и тут же агрессивно в дверь застучали. Так быстро? Она с неохотой раскрыла глаза... темно в комнате, никакие солнечные лучи уже не пробивались сквозь шторы. Пришлось спрыгнуть с дивана и буквально накинуть куртку, чтобы раскрыть дверь и увидеть за ней парня в серой форме. Взгляд зацепился за нашивку — офицер.

Сегодня она снова вернётся в лес.

— Доброй ночи, капитан! — гаркнула она.

Тот оглядел её мельком, задержал взгляд на неформенной куртке с нашивкой капрала. Вопросов задавать не стал — и правильно. Вместо этого ответил типичной формулой:

— Во имя народа нашего и бога нашего.

И, развернувшись, пошёл в сторону других домов. Небо ещё сохраняло остатки заката — на этот раз разбудили её немного заранее, но это было даже к лучшему.

Она успела хлебнуть воды побольше, да съесть пару кусков зачерствевшего хлеба. Каждый раз она забывала сходить за свежим. Каждый раз приходилось грызть сухари вместо мягкого хлеба. А ещё она снова зацепилась взглядом за дырку на куртке. И снова от этого кольнуло.

За такой монотонной работой, как штопание вещей, думать ни о чём не хочется. Движения тысячу раз сделаны до этого и потому доведены до автоматизма. Такое даже расслабляет. Не так много времени понадобилось, чтобы избавиться от неприятной мелкой дырки. На всякий случай ещё раз осмотрела при неровном свете лампы куртку, чтобы убедиться — никаких изъянов не осталось.

Никаких. Вообще.

От этого осознания она смогла вздохнуть спокойно.

И лишь тогда она накинула её на плечи, завязала перед зеркалом хвост из своих тёмных коротких волос, пусть и неаккуратный, но зато практичный. В последнюю очередь она натянула форменные сапоги, да завязала посильнее, дабы шнурки не подвели её в разгар сражения. Напоследок она коснулась двери и пробормотала себе под нос хорошо заученную ещё с детства молитву богу Иште.

Давно она не читала молитвы. Как-то спонтанно вышло это. Но после короткой молитвы пришло долгожданное облегчение. Возможно, стоило это делать почаще. Вспомнились слова Брайса о том, что в народе её считают воплощением Ишты. Она опустила взгляд на свои ладони, в куче царапин и шрамов. Могло ли такое быть в самом деле? Кто-то же оберегал её в каждом бою, хотя снова и снова она искала повода рвануть в самую гущу опасности.

Жаль только, что её друзей бог почему-то не оберегал.

Она в последний раз оглядела куртку, коснулась нашивки на плече, чуть дёрнула — и ничего не произошло. Всё держалось твёрдо, куртка была в хорошем состоянии.

Дэл выдохнула и наконец вышла из дома.

Идти по пустой тёмной улице было значительно легче, чем по той оживлённой дневной, по которой она возвращалась домой. Да и за эти шесть часов она смогла немного выспаться, силы смотреть по сторонам появились. Особый взгляд она бросила на палатку врачей, где горели окна. Они работали посменно, так что Брайса там уже не увидишь.

И хорошо.

В ночном капитанском штабе — такой же палатке, по сути, только чуть больше — было много людей и много шума, да только это была уже привычная атмосфера для Дэл. Главное, в этой толпе было найти макушку нового капитана, отвечающего за её отряд, и... она опять забыла его имя. Она даже в своём гвардейском отряде работала в одиночку и от капитана слышала лишь приказы в штабе и ничего более.

Чья-то рука легла на плечо и чуть его сжала.

Бес подери! Она вздрогнула и слишком резко обернулась.

— Я тебя и искал.

Взгляд тут же в пол опустила. Капитан. Точно, она его уже видела, и на плече видна нашивка капитанская. Только имя его вспомнить никак не могла, хоть убей.

Тот её смущение не заметил или решил оставить без внимания. Просто проговорил:

— Сегодня ты снова в распоряжении Тактического штаба и младшего тактика Лайзы. И

у них особые планы на тебя, Дэл.

Она усмехнулась, звучало как-то это слишком напыщенно. Она очень давно не выполняла простые задания, ибо на неё вешали всё самое сложное, пока остальные оберегали простые грузы на пути в другой город, или контролировали опушку леса, лишая отряда стрелков большей части работы. Впрочем, она не возражала. Сложнее задания — больше убитых тварей.

— Слушаюсь, капитан! — проговорила она, кивнула и пошла в сторону выхода из этой палатке. Тактический штаб находился чуть далее.

А ещё она положила машинально руку на то самое плечо, которого коснулся этот капитан. И почувствовала нашивку капрала, хорошо знакомую ей. Если прикрыть глаза, то можно почувствовать ещё раз это. Но... невовремя. Тяжелый выдох — а с ним и все лишние мысли прочь.

Возможно, она и в самом деле не слышала имени своего капитана, ведь давно не выполняла общие задания для своего отряда, а значит, и под его руководством практически не работала. А ведь отряд гвардейский, довольно почётный, назначение сюда — это высшая награда за долгие месяцы безупречной службы. Отсюда — только в капитаны. Да только Дэл не горела желанием брать под своё руководство кучу выпускников Академии, чтобы половина из них погибла на первом же задании. Вся эта служебная лестница вела только в работу в Штабе, без вылазок в лес или сражения с тварями.

А лучше всего у Дэл получалось именно убивать тёмных тварей.

Из палатки она вышла и... прямо на пути возникла женщина. Спутанные грязно-тёмные волосы и взгляд тяжёлый, исподлобья, хоть глаза и светлые.

Под этим взглядом она почувствовала себя неудобно. Как провинившаяся девчонка. И с места сложно сдвинуться, пока на тебя смотрят так.

Женщина усмехнулась:

— Это же ты... та самая девочка, что играючи сносит головы бесам?

В глазах её что-то мелькнуло хорошо знакомое Дэл. Тот самый огонь. Неестественный. Нечеловеческий. Как и у тех тёмных тварей. Рука рефлекторно рванула к ножнам... которые ещё не нацепила. Пальцы подрагивали, цепляли лишь пустоту и... не переставали дрожать. Пришлось сжать в кулак, покрепче, чтобы в случай чего... бес подери, не будет же она бить ведьму? Дэл поджала губы.

Она абсолютно безоружна перед этой тварью.

— Отмеченная печатью бесовской, тяжело тебе придётся, девочка, — она прищурилась и оглядела её с головы до ног, словно задумавшись, — А... или ещё не отмеченная? Впрочем, неважно, от судьбы всё равно не убежишь...

— Дайте пройти! — грубо проговорил один из мечников и оттолкнул опешившую Дэл от прохода.

Они схватили за плечи ведьму и пошли в палатку, оставив девушку одну возле входа. Неужели, это и в самом деле была ведьма? Настоящая? Ещё ни разу за всю свою жизнь она не столкнулась с таковой, хотя многое слышала... в их войсках было всего пару человек, что выжили после встречи с ведьмами и колдунами, и каждый из них об этом предпочитал не говорить.

Дэл моргнула.

Это было пророчество? Или это просто бредни?

Она потёрла переносицу в попытках сосредоточиться. Даже если это и проклятие или

даже пророчество, что она сможет с ним сделать? Всё равно судьба её догонит и... отметит. И что это вообще значило?

Дэл сделала наконец шаг от палатки. Только у ведьмы могли так блеснуть глаза. Это была она. И... она смогла её напугать. Прохладный ветер проник под куртку, заставив поёжиться. Наверно, нужно было всё-таки застегнуться и... перестать думать об этих словах.

Вернуться бы туда, понаблюдать за тем, куда же её ведут, за её поведением.

Она мотнула головой. Глупые мысли. Ненужные мысли.

Отмеченная... кто-то вскользь говорил, что такие силы у неё не просто так взялись, что это может быть и в самом деле отметина богов... или бесов. Она подняла глаза на непроницаемое небо, на котором ни звёзд, ни луны. Интересно, а наблюдает ли за ними этот самый Ишта, чьим воплощением её кто-то считает? Или через такие облака никто за ней следить не будет в здравом уме?

Она прикрыла глаза и... тут же распахнула. Она и забыла, что темнота приходит только с отвратительными воспоминаниями. Глупые мысли. И она глупая, раз думает, что интересна богам, и раз допускает их существование.

Если бы боги существовали, то этих бесов вовсе не было бы.

Она слишком бодро вошла в палатку Штаба. Здесь было намного спокойней, чем в капитанской палатке, полной солдат и офицеров. Люди передвигаются спокойно, переговариваются не так громко, а в основном большинство голов опущены — изучают что-то важное.

И в этом спокойствие, где слышен лишь скрип перьев и мозгов, она чувствовала себя чужеродным элементом.

Только взгляд на тёмно-рыжую макушку заставил позабыть о неловкости. Опять бумажки изучает. Лайза опять придумывает очередные гениальные планы. Та, словно услышав её мысли, подняла глаза и улыбнулась той самой теплой улыбкой, от чего сердце ухнуло куда-то в пятки. Слишком знакомая улыбка. Слишком давно они не виделись.

Да только в этой улыбке она видела лишь копию другой улыбки, навечно потерянной для неё.

— Давно не виделись, Дэлия! — и рукой махнула ей в знак приветствия.

Она сдержала ответную улыбку. Не изменилась, и в самом деле. Просто теперь в её руках клинка не увидишь. Да и зачем тактикам бегать в лесу, если можно было решать за других, куда и зачем им бегать? Многие знакомые ей солдаты мечтали сидеть в Штабе и не высовывать носа за Ворота.

Только Лайза не была такой. Но теперь она сидит под этим тентом, почти безвылазно, и никто ей больше не даст выйти за город. На месте Штаба Дэл тоже бы не хотела терять такого ценного тактика.

Она прошла мимо рассуждающих о чём-то мужчин в серых гимнастёрках, да поторопилась пожать протянутую руку улыбающейся во все тридцать три зуба подруге. Как за столько лет она не поменялась?

— Наши поймали в дневное время ведьму, живую, представляешь? Такое в последний раз удавалось лишь... лет пятнадцать назад.

Ведьма. Та самая. Лайза подняла на неё взгляд в ожидание реакции. Пришлось пожать плечами. Та поджала губы — расстроилась, что не вышло удивления.

— А ещё... мы знаем, где находится убежище одного колдуна.

Дэл приподняла брови — вот это звучало намного интересней. Только... зачем ей об

этом говорят? Или... она уже начинала догадываться, что за "планы" были на неё от Лайзы и команды Тактического штаба.

Кажется, Лайза заметила перемену в её настроении и тут же поспешно сказала:

— Я бы не стала тебя на такое бросать, но она уверила, что он ослаблен после недавних ритуалов. И мы обязаны его захватить! Он из тех, кто управляет всеми этими тварями, и он сможет дать ответы почти на все наши вопросы.

Ответы на все вопросы... звучало заманчиво. Она вспомнила слова ведьмы и нервно сглотнула. Она должна узнать, что это значило, про какую отметину она говорила. И неважно, кто скажет ей об этом.

Лайза подняла карие доверчивые глаза и проговорила тихо:

— Мы не можем это никому доверить, кроме... тебя.

Под давлением такого взгляда на всё что угодно согласишься.

Снова Дэл кивнула, не готовая к спорам, вопросам и к чему-либо ещё.

— Сколько человек тебе нужно? Мы можем...

— Ни одного, — отрезала Дэл.

Тут же Лайза нахмурилась, явно не готовая к такому повороту.

— Подожди, это же колдун, и...

— Ослабленный.

— Но он же остаётся опасным...

— Я не хочу нести ответственность за ещё кого-то. Я не хочу... опять не успеть.

Лайза поспешно опустила глаза на карты. Кажется, она поняла, о ком шла речь. Не нужно было так резко говорить. Не нужно было ей напоминать. Наверняка она ещё сильнее страдала от воспоминаний.

На мгновение Дэл вспомнила крик Лекса, громкий и отчаянный, смешанный с болью. Если бы она была ближе и помнила об отряде, то успела бы спасти ему хотя бы одну ногу. Если бы она не увлеклась, то он бы не смотрел на неё с укором с инвалидного кресла.

Она больше не хочет видеть во снах глаза тех, кого не успела защитить. Проще будет пойти на это дело одной. И уж лучше она сама отдаст свою жизнь в борьбе с этим колдуном, чем будет хоронить очередные последствия своих ошибок.

В глазах читалась эта мрачная решимость.

И Лайза сдалась.

— Мы дадим тебе пару защитных амулетов, чтобы он наверняка не смог колдовать в тебя.

Получилось. Дэл облегченно выдохнула и проговорила торопливо:

— Постараюсь во славу бога нашего и народа нашего.

Традиционная формула. Ещё бы в грудь ударить себя костяшками пальцев ровно два раза — в честь Таха и сына его Ишты. Но это было бы уже лишнее. И без этого Лайза была уверена, что она постарается изо всех сил, пусть и не ради бога и народа, а ради неё.

— Конечно! Ведь я в тебя верю!

Давно такого она не слышала в свой адрес — такого оптимизма, такой уверенности и... это же Лайза. Она же со всеми так общается со времён Академии. Но она подняла взгляд — и увидела лучистые светло-карие глаза Лайзы. Бес подери... кажется, она не льстила. Надежда читалась отчётливо в её глазах.

После этого Дэл не могла позволить себе провалить это задание.

Глава 2. Побитая

— И на кой бес нам нужна эта стрелялка? — воин двумя пальцами приподнял за дуло револьвер.

Ребята вокруг него в серых форменных куртках рассмеялись. Один из них щёлкнул его по виску.

— Дурак, если меч сломается, эта «стрелялка» спасёт тебе жизнь.

Этот «дурак» закатил глаза.

— Ей даже самого маленького бесика не прибить. Так... испугаешь.

— Даже это поможет тебе унести шкуру.

Он опустил голову, поправил в очередной раз куртку, проверил нашивку старшего рядового, которую выдали ему совсем недавно, и наконец пробубнил:

— Всё равно меч лучше...

Его не услышали. Его проигнорировали. Его в очередной раз окунули в грязь лицом, да ещё и повозили публично. И всем было плевать, какой он на самом деле хороший воин — настолько, что слишком быстро вырос из юного рядового в старшего. Ничего, в сегодняшней миссии он всем покажет.

Сегодня площадь у Ворот была усеяна людьми в серо-зелёных куртках. Чьи-то лица он узнавал, чьи-то были отдалённо знакомы, но все они не выделялись. Все, кроме одной невысокой девчонки с тёмно-зелёной курткой, почти болотного оттенка. Он прищурился, пытаюсь разглядеть — но это непроницаемое лицо ему было незнакомо.

И даже эта незнакомая девчонка с коротким хвостиком выглядела, словно ей было всё равно на весь этот грёбанный мир, на всех стоявших рядом солдат, на воинский кодекс, который предписывал одеваться в одних цветах.

Такие люди выводили его из себя.

— Почему не в форме? — усмехнулся воин, хлопнув её по плечу.

Девчонка обернулась и... хмурый взгляд не изменился, когда оглядел с головы до ног высокого солдата. У неё глаза почти чёрные, пустые и... он нервно сглотнул. Она не походила на опытного воина почти ничем, кроме взгляда — пронзительного и пустого.

Дэл молча приподняла средний палец, не собираясь даже слов тратить на этого типа. Слишком часто Зелёная куртка была её опознавательным знаком, который выделял её в толпе солдатских форменных кофт. И она не собиралась отчитываться какому-то старшему рядовому с детскими пухлыми щеками.

Они смешно двигались, особенно когда он шевелил губами, пока он пытался найти правильные слова.

— Ты чего творишь, девчон... — и тут же осёкся, взгляд его задержался на плече, где держалась чуть выгоревшая нашивка капрала.

Только понял.

Она усмехнулась, опустила наконец палец и проговорила:

— Не рекомендую употреблять такой тон по отношению к капралу гвардейского отряда. Голос повышать не нужно было. Достаточно было тихого и уверенного, только бы взгляд не отводить от удивленно расширенных глаз этого самоуверенного рядового.

Он проблеял что-то в своё оправдание, она же молча отвернулась, пошла в сторону от

него да невзначай коснулась рукояти своего меча. Смешной паренёк. Возможно, он перепутал её с юной рядовой, не разглядел как следует нашивку. Хотя... почему ей не должно было быть плевать?

Она убрала руку от меча, и вместо этого коснулась нашивки. Лишь когда почувствовала хорошо знакомые неровности и швы, опомнилась и тут же опустила пальцы. Дэл даже его привычки скопировала... сколько раз она замечала, как Матфей точно также хватался за свою нашивку, словно в этом находил успокоение.

Она честно попыталась не вспоминать лицо Матфея, особенно тот последний посмертный образ, которому она закрыла глаза навсегда.

От этого воспоминания каждый раз было не по себе, холодок по телу неприятный бежал, словно снова и снова в лесной тьме она замечает хорошо знакомые глаза, только в которых не было ни жизни, ни чувства, ничего. Стеклянные безжизненные глаза. Растрёпанные волосы и хорошо знакомая зелёная куртка, испачканная в его крови.

Она в очередной раз проверила, как меч выходил из ножен. Легко. Быстро. Раз-два. И снова она вложила его обратно. Легко. Три-четыре. И снова вытащила. Легко. Раз-два.

Она в очередной раз проверила, нет ли пятен на лезвии меча. Всё должно было быть чисто. Всё должно быть в порядке. В отражении меча она увидела свои глаза — и нахмурилась. Сколько раз она смотрела в отражение, чтобы проверить куртку, чтобы найти хотя бы одну царапину, требующую её внимания, но на выражение лица почти никогда внимания не обращала. И в глаза себе не смотрела.

Понятно, почему тот парень испугался её.

Она отвела взгляд от своего отражения и вернула меч обратно в ножны.

Дэл вытащила из кобуры револьвер, которым ещё ни разу не приходилось пользоваться — лишь во время редких тренировок, когда она уставала от размахивания мечом, и решалась вспомнить, как пользоваться этой штукой. Всё могло произойти — оружие сломается, или его выбьют из рук. Всегда должен быть план Б.

Она выстрелила в дерево, пуля выбила несколько щепок. Не заклинило. Приятно. Лишь бы хватило время на то, чтобы прицелиться точно в ногу этому колдуну.

Северо-восточнее ворот в получасе пути находилась его берлога. Он слишком ослаблен, да и на её шею болтались сразу два амулета, защищающих от практически любой боевой магии. Всё складывалось в её пользу, если только этот маг не окажется мастером боевых искусств. Такое могло произойти. Но... меч был сильнее любых особых ударов. В крайнем случае она быстро вытащит огнестрельное и отстреляет ему руки с ногами.

Дэл вернула оружие на место, застегнула кобуру и огляделась. У выхода к Воротам уже собирались воины. Скоро будет выход. Скоро всё начнётся.

Она медленно направилась в сторону всех остальных. Если через три часа после задания она не подаст знак, то эти мальчишки пойдут за ней. Это было главным условием Лайзы, и от него отказаться не вышло. Оставалось надеяться, что этот колдун окажется лёгкой добычей и не будет сильно сопротивляться. Его нужно было доставить живым. И мальчишки должны вернуться живыми.

— Объявляется ночная молитва во спасение наших жизней. Да защитит нас Тах!

Толпа переговаривающихся солдат замолкла, и все привычно сложили ладони. Кто-то прикрыл глаза. Кто-то зашептал про себя молитву. Она же тяжело вздохнула и просто прикрыла глаза, чувствуя смятение. Наверно, ей нужно было попросить о помощи хотя бы одного из этих богов. Без этой поддержки сложно будет победить колдуна и притащить его в

город, на потеху солдат и Тактического Штаба.

Она действительно очень давно не повторяла молитвы Таху. Выходила без них. Просто собиралась с мыслями, пока все молчали. А в этот раз пришлось пробурчать под нос что-то вроде: "прости за всё и дай мне сил, чтобы выжить". Звучало неказисто, зато — искренне.

Возможно, в этот раз он её наконец услышит.

Наконец раздался громкий голос командующего:

— Вперёд! Во славу бога нашего и народа нашего!

Машинально она всё же стукнула костяшками пальцев по груди. Ровно два раза. Ровно так, как учили в Академии. Впрочем, так сделали и все остальные. Привычка, от которой становится немного легче, от которой чувствуется волна единения. Она не одна, ещё куча солдат в едином порыве готовы отдать себя ради бога и народа.

Хотя... глупые мысли. Всю жизнь она была одна. Люди прибивались... а потом судьба их убирала, одного за другим, оставляя её снова одну.

Ворота раскрывались медленно. Каждую ночь она встречала с этим скрипом. И каждую ночь она вылетала за стены города едва ли не в числе первых. В этот раз она сразу рванула вдоль одной из боковых троп, пока все остальные остались на Главной тропе.

С каждой секундой топот чужих ног становился всё тише и тише. И лишь через минуту такого бега она смогла приостановиться, оглядеться. Никого не слышно. Даже тёмные твари не рычат. Она здесь совсем одна.

Дэл сделала глубокий вдох, зажмурилась от чувства холодного влажного воздуха в лёгких. Приятно. Лицо расслабилось, губы чуть приподнялись — она скучала по этому месту. И наконец она сорвалась с места, чувствуя, как бежать стало намного легче.

Именно здесь она могла быть сама собой — агрессивной, невежливой, злой тварью, которая не уступает во всём этом тёмным существам. Она бежала, огибая деревья чисто на инстинкте. Родная стихия. Любимая темнота, в которой она ориентировалась лучше, чем в дневной улице. Кажется, она родилась для того, чтобы бежать по этому лесу.

С каждым шагом сил становилось больше и больше. А при виде тёмной твари на пути стало ещё лучше.

Лохматая шерсть торчала во все стороны. Больше всего эти твари напоминали клубок шерстяных ниток, разрезанных каким-то хулиганом. Если бы от них не воняло мертвечиной, то они могли бы даже понравиться ребёнку. Да только острые когти портили впечатление, как и горящие красные глаза.

Эта тварь стояла спиной к ней. Лёгкая добыча. Губы ещё сильнее приподнялись, быстрым движением руки она вытащила клинок и обхватила рукоять сразу двумя руками.

Оно обернулось слишком поздно.

Взмах лезвия — и кровь во все стороны. Брызнула и на куртку, и на её лицо. Красные глаза слишком быстро потухли. С одного удара получилось... Дэл усмехнулась и с силой вытащила лезвие из тела твари. Затаила дыхание, прислушалась, пару раз глазами стрельнула по сторонам. Никого. И после этого она вытерла меч о шерсть уже мёртвой твари. Сосредоточенно вытирала, пытаясь стереть даже мелкие пятна. Но тёмно-красные разводы всё равно остались. Надо бы найти лужу и избавиться от них.

Но пока она убрала меч в ножны, бросила взгляд на мёртвую тварь и скривилась. Ладонью смахнула кровь с лица, и снова бросилась в бег.

Рука держалась недалеко от рукояти, готовая в любой момент обнажить клинок. Убить. Уничтожить. Никто не встанет на её пути. Она улыбнулась от переполнявшего странного

чувства. Слишком легко.

Она бежала, вдыхая глубоко в себя этот свежий воздух леса, и чувствовала, что вот-вот рассмеется звонко, совсем как ребёнок. Наверно, так выглядело счастье — нестись по тёмному лесу и уничтожать каждую тварь, встретившуюся на пути. Никаких размышлений. Лишь чистые рефлексy. Лишь соревнование с судьбой, которое она снова и снова с улыбкой выигрывала.

Но главная цель этого путешествия была впереди.

Лишь к пятому существу и долгому-долгому бегу она почувствовала, что дышать стало тяжелее. Она чуть дольше вытирала клинок, чтобы отдышаться, да посмотреть на тёмное небо. Ни намёка на рассвет. Времени прошло слишком мало. Впереди виднелась поляна со старой ивой. Говорят, что ветви её смотрят в сторону севера — никакого компаса не надо, чтобы по ней ориентироваться. Как сказала Лайза, от неё нужно было бежать налево.

Бежать нужно много, но она справится. Она же сильная.

Она громко выдохнула, вернула меч в ножны и побежала дальше, чтобы наконец достичь той самой сосны. Сколько раз она видела поляну с ней, что успела запомнить хорошо. Она подняла голову на беззвёздное небо, на едва заметную луну за облаками. На этой поляне она чувствовала себя голой — ветер обдувал со всех сторон, никакой защиты в виде кустов и листьев не было. Она поёжилась, в карманы куртки руки положила, да взглянула на верхние ярусы сосны.

Такая высокая, казалось, что она и в самом деле касалась макушкой неба. Хороший ориентир в этом лесу.

И от неё нужно было рвануть налево. Снова вернуться в лес, и бежать достаточно долго, чтобы добежать до незаметной землянки, где и сидит тот самый колдун. Слишком ценный колдун.

С каждой мыслью о том, как она сможет поймать колдуна и привести его в город, сил прибавлялось всё больше и больше. Она будет вторым человеком, который поймал настоящего волшебника. Она сможет после этого как следует отдохнуть, отоспаться сразу три дня вместо нескольких часов.

Бежать по шишкам, веткам, корням было самую малость неудобно, но ей было уже плевать. Скоро она заметит ту самую землянку, вытащит колдуна и... она поспешно остановилась, поняв, что видит чей-то силуэт вдалеке. Бес подери!

Она вытащила меч. Врасплох застать его не получится — уж слишком громко хрустят ветки под ногами.

Дэл сжала сильнее рукоять и замедлила шаг, чтобы хоть как-то стать тише. Он же колдун, наверняка он чувствовал её приход, возможно, это всё было бессмысленно. Но она шла, пытаясь не наступать на ветки, и смотрела прямо на этот высокий силуэт. Нет, это не солдат. Слишком спокойно он стоял. Да и на том боку, где обычно находились ножны, у него не было совсем ничего.

— Куда идёшь, девочка? — услышала она впереди голос.

Спокойный голос. Слишком спокойный для человека, за которым пришёл воин. Она сжала зубы, пытаясь не отреагировать на эту насмешку. Девочка... кажется, всё пошло не по плану.

Она пошла дальше, вытаскивая на ходу меч. Ему придётся сражаться. Ей придётся сражаться. В темноте было плохо видно черты лица, но он был чуть выше её и совершенно точно был без оружия.

Колдун. Растрёпанный, в тёмном плаще, как и полагалось типичному колдуну. Свет появившейся луны осветил его лицо. Обычное, человеческое. Лишь улыбка под светом такой луны казалась страшной.

— Ты нападёшь на безоружного? А как же солдатская честь?

Издевался. Бесов колдун...

Дэл сорвалась с места, крепко сжимая рукоять меча. Взмах, от которого он слишком легко увернулся. Она не должна его убить. Всего лишь схватить и отвести в город. Всего лишь. А она поддалась эмоциям, поддалась этой бесовой улыбке, которая сквозила насмешкой над «девочкой».

Он такой же бес, как и тысячи убитых ею до этого. Сегодня она штук десять таких погубила. У этого беса просто обличие человеческое, но внутри он был таким же тёмным и гадким. Возможно, и кровь у него такого же цвета.

— Видно, ты не любишь болтать... — проговорил задумчиво он.

Глаз с неё не сводил, наблюдал за каждым движением пальцев на рукояти. Застать его врасплох — самая глупая идея, какая только могла возникнуть у мечницы. Да только она не собиралась сдаваться.

— Ты будешь сражаться с солдатом безоружным? — хрипло проговорила она, не отводя глаз от рук колдуна.

Провокация. Она тоже могла издеваться.

Колдун усмехнулся, резко нагнулся и схватил ветку с земли. Ветку? Она оглядела предмет — да, ветка с множеством сучков, не напоминающая какой-либо жезл колдуна. Эту палку она разрубит в два счёта, как и множество тварей на своём пути. Он поудобней перехватил её и наконец снова поднял на неё взгляд, в котором отражалась луна.

Второй удар пришёлся ровно по ветке, раздался громкий скрежет, подобный металлу. Неужели... заколдовал?

— Хорошо сделано, да? — он улыбнулся.

Она сжала губы, да попыталась ударить чуть ниже, да и там он легко отразил палкой, чтобы ей же махнуть в её сторону. Рефлексы быстрее. Она подставила своё лезвие, услышала в очередной раз скрежет. Палка. Бес подери... она со всей злостью ногой махнула ему в живот. Та попала в цель. Колдун согнулся, выпустил палку из рук и обхватил руками место удара.

Слишком просто. Вторым сильным пинком она заставила его упасть на землю, да тут же села напрямик ему на спину, чтобы обездвигить. Послышался хруст костей. Она мрачно усмехнулась этому звуку, жаль, колдун только не пискнул даже от боли.

Из-за пазухи куртки она свободной рукой достала заколдованные наручи. Без этого предмета она бы не смогла ничего сделать с колдуном. Только... чтобы их надеть на запястья, нужно было освободить обе руки.

После недолгого колебания, она всё же выпустила меч, чтобы заломить руки за спину колдуну. Стоило только нацепить на одно запястье наруч, как колдун задёргался, зашевелился под ней и... сильный толчок заставил её упасть с его спины.

Дэл поспешно вскочила, схватившись за меч, а колдун оглядел наполовину надетый наруч и усмехнулся:

— Интересная разработка, но...

Она рванула с мечом наперевес, чтобы рубануть его по ногам и окончательно лишить возможности встать. И вот она почувствовала, как сталь входит в тело, улыбнулась и...

получила резкий удар по затылку, от которого словно искры из глаз посыпались. Меч вылетел из ослабших рук.

Второй удар поддых кулаком заставил скорчиться от резкой боли. Бесславная битва. Голова закружилась, но она всё же вытащила из кобуры револьвер, взвела курок и выстрелила — почти наугад, примерно в область живота, но, услышав крик, взбодрилась.

Рука быстро вернула оружие на место, а сама она рванула к силуэту, расплывавшемуся перед глазами, да ударила ещё раз в живот. И ещё. И ещё.

— Тварь... — прорычала она и стёрла собственную кровь с подбородка.

Она наклонилась перед ним, потянулась к боку, чтобы перевернуть его. Просто натянуть второй наруч на запястье. Просто лишить его возможность шевелить руками и использовать магию. Просто толкнуть с силой.

Колдун ударил её в живот раскрытой ладонью. Как ударил — скорее, хлопнул по животу. Глупо как-то... зачем? Она опустила глаза на почерневшую его руку, и почувствовала запах горелого... мяса горелого. Она поспешно отстранилась, схватилась за валяющийся меч.

— Не совершай больше таких ошибок, Дэлия, — проговорил он мягко и легонько дунул на свою обугленную руку, на которой болтался бесполезный наруч.

Он был колдуном. Пусть поверженным, окровавленным, с глубокой раной на ноге, но колдуном. Она схватилась за болящий живот и... пальцами коснулась края дыры в своей зелёной куртке. Дыры. Огромной дыры в куртке и в рубаше. Она нервно сглотнула, а потом пальцы чуть тронули кожу... и тут же он зашипела от резкой боли.

Кажется, он решил прожечь ей живот.

— Ублюдок! — сплюнула она и ударила его резко по рёбрам.

Он тихо засмеялся-закашлялся, придерживая рукой свою рану на ноге.

— А ты смешная... и сильная, вынужден признать. Не верил, пока сам не увидел.

Колдун вёл себя словно ничего не произошло, словно не он обессиленный сейчас истекал кровью от раны. Резкая вспышка злости, она ещё раз хотела зарядить ему по рёбрам, чтобы заткнулся, но нога почувствовала лишь воздух. Он испарился. Буквально. Остался лишь тот самый плащ, да лёгкий дым.

Испарился вместе с наручем, который должен был лишить его доступа к магии.

И ничто ему не помешало.

Она топнула по тому месту, где совсем недавно лежал колдун, а потом ещё и ещё... слишком много злости. Она его упустила! Упустила! Нужно было не ждать, а до конца доделывать всё. Но теперь ни колдуна не осталось, ни тех самых волшебных наручей, с которыми можно было задержать волшебника. Ничего.

И сил в ней больше ни на что не осталось. Дэл не успела схватиться за дерево, рухнула прямо на месте, лицом в сырую землю. Если прикрыть глаза, чувствовалось, как земля крутилась прямо под ней, ничего устойчивого. Она провалилась. Глупо. По-детски. Проиграла этому колдуну.

— Мы ещё встретимся... — сквозь зубы процедила она сырой земле. — И я убью тебя.

Выглядело это неубедительно. Выглядело это по-детски.

Она не сдержала слёзы горечи, смогла лишь в землю уткнуться, чтобы выкричать в неё всю свою боль и досаду. Хотелось умереть прямо на месте. Хотелось исчезнуть. Такой позор. Она не могла проиграть. Она не должна была проиграть.

Но это произошло. И сил никаких в ней не осталось.

Наверно, даже рык тёмной твари не заставил бы её подняться — настолько плохо и отвратительно она себя чувствовала во всех смыслах. Провалила. Проиграла. Никчёмная девчонка. Пара ударов — и он в отключке, но нет...

Вскоре и никаких чувств не осталось, в груди поселилась долгожданная пустота, но с ней не было и никаких сил. Всё исчезло. Испарилось. Ни желания, ни сил, ни чувств. Ничего. Пустая оболочка на месте человека.

И в страхе от этой пустоты она снова принялась шептать молитвы Иште, неразборчиво, быстро, снова и снова, чувствуя горячие слёзы на щеках. Лейтмотивом простое и жалкое: "дай мне сил, дай мне сил, дай мне сил...". Но почему-то в этот раз Ишта был равнодушен к её молитвам.

Она лежала в этой пустоте, мечтая, чтобы мимо прошла тёмная тварь и пронзила когтями её сердце, пока она без сил лежит на траве. Лишь бы избавиться от этой пустоты. Лишь бы не понимать собственную никчёмность.

Хруст веток. Тихие разговоры. Прислушаться бы, выделить хоть слово из этого потока, но ей не хотелось. С каждым шагом голоса становились всё тише и тише. Они же могут пройти мимо. Пройти и оставить её умирать от огромного ожёга, оставить на растерзание бесам.

А могут и найти. Найти и спросить про колдуна.

Она взмолилась Иште. Взмолилась о том, чтобы её никто не нашёл.

Наконец кто-то дернул её за плечо и развернул спиной вниз. Она медленно открыла глаза и увидела лица тех самых мальчишек. Слишком быстро прошло время. Слишком быстро они её нашли.

Она смотрела на них, а потом перевела взгляд на беззвёздное небо.

Интересно, а смотрели на неё уже умершие друзья? Видели её поражение? Им же с неба виднее, чем любому из живых.

Однажды она увидит людей сверху. Возможно, скоро, если раны окажутся смертельными.

— Бес подери... — тихо выдал один из воинов.

Она усмехнулась.

— Эй, Дэлия, ты жива хоть?

Судя по взглядам рядовых, выглядела она совсем не лучшим образом. Но волноваться из-за этого не хотелось. Ничего не хотелось.

— Эй! — какой-то парень щёлкнул пальцами перед её глазами.

Она тяжело вздохнула и проговорила медленно:

— Пре-кра-ти.

Говорить почему-то было сложно. Кажется, в горле пересохло. Кто-то позади еле подавил смешок. Тот же парень нахмурился, но, опустив взгляд ниже её недовольного лица, тут же скривился. Что же там такое?

— В десяти минутах ходьбы отсюда стоит повозка, да сегодня и тварей не так много, как обычно... что с колдуном?

Он до сих пор держал её за плечо, отчего было совсем некомфортно. Нужно было признаться. Хотя... по её состоянию было понятно, что задание провалено. Дэл тяжело вздохнула, прежде чем произнести тихо:

— Ранен. Но исчез.

— Он же должен быть без сил, как нам доложили...

— Плохо доложили, — пробурчала Дэл. — Сколько до рассвета?

Этот рядовой отцепился от неё, бросил взгляд на небо, ненадолго задумался и наконец выдал:

— Пару часов где-то, — он обернулся на парней. — Вы двое! Возьмите капрала на носилки! Остальные — на прикрытие.

Сразу с нескольких сторон послышалось "есть!", а она нервно сглотнула. Носилки... неужели, они совсем не верили в неё? Или готовили их для колдуна? Она сжала зубы, скривилась, когда парни схватили её, чтобы перетащить на те самые носилки.

— Меч... не забудьте про меч... — проговорила она.

Они не забыли. Быстро нашли его на земле, и положили прямо к ней, она же сжала рукоять сразу двумя руками и задумалась. Так непривычно было уходить с битвы не на своих ногах... и этот колдун её почти убил. Или... а хотел ли он её убить? Если он оставил такой страшный ожог на её теле, и смог даже с блокирующими магию наручами исчезнуть, то наверняка на убийство ему хватило бы сил.

Не хотел? Или просто игрался с ней, наблюдал, посмеивался, в любой момент готовый уйти с боя. И все эти картинные падения, оставленные слабые места, в которые она с готовностью ударила — это тоже было частью игры?

Откуда вообще все взяли, что у него не будет сил? Неужели поверили той самой ведьме? Бес подери... она крепче сжала рукоять меча. Все ведь подумают, что она проиграла без шансов обессиленному колдуну. Полное дерьмо. Оставалось только лежать и ждать, тем более, носилки легонько покачивались, пока парни их несли. Она могла просто лежать и смотреть на тёмное небо, да на верхние ветви запутанных деревьев этого леса. Обычно она смотрела вперёд, а вверх — крайне редко, времени не хватало, потому что вся её жизнь лишь "бей-беги".

Она аккуратно убрала руку с меча и положила на живот. Проигнорировала резкую боль, возникшую от одного лишь прикосновения, и нашла наощупь обугленные края куртки. Огромная дыра. Такую уже ничем не зашить. В такой куртке она не сможет больше ходить.

От этой мысли бросило в дрожь.

Нет.

Только не это.

Дэл крепко зажмурилась.

И снова она аккуратно снимала эту куртку, пытаясь не думать о прикосновении к холодной коже, его холодным пальцам. Она обещала позаботиться о куртке. Она должна была сохранить хоть что-то от него рядом.

И последняя память о нём оказалась разорванной проклятым колдуном, насмешливым и самодовольным придурком, для которого её жизнь оказалась лишь прикольной игрушкой.

Лучше бы он её добил.

Она закусила губу, но слёзы от этого не остановились. Щеку прикусила — но это не помогло. Она не контролировала свои слезящиеся глаза, не могла сдержать эту боль. Больше ни одного боя с этой курткой, с его нашивкой на плече. Больше ни одного вечера в штопании новых мелких дырок в куртке. Каждую ночь они появлялись, и каждый вечер перед новым боем она сидела подолгу, зашивая каждую самую мелкую. Как тогда, когда он был ещё жив.

А теперь... у неё больше не было этой вещи, этой памяти. Колдун её не убил. Он сделал ей хуже — он убил ту самую последнюю нить, что связывало её с уже неживым Матфеем.

Она убьёт его. Она превратит его в мясное рагу. Она порежет его на мелкие части. А

перед этим она попробует на нём самые худшие пытки, какие только могла бы придумать. И в эти долгие минуты она расскажет ему обо всём.

О своей любви к Матфею. О множестве друзей, которых она не смогла спасти. И о своей погубленной жизни, которая держалась на этой проклятой зелёной куртке.

Рукавом уже бесполезной куртки она стёрла слёзы с лица и заметила кровавые пятна, оставшиеся на ткани. Это ведь его кровь.

Дэл усмехнулась.

Это было только началом.

— Это ты его ранила? — проговорил вдруг один из парней, что нёс её со стороны головы.

Она тяжело вздохнула — наверно, он ни разу в жизни не видел колдунов, — да медленно кивнула. У него глаза удивлённо расширились.

— И какая у него кровь? Как у нас, или...

Она подняла свои руки, все тёмные от застывшей крови.

— Вот такая. Обычная. Человеческая.

Бесов колдун. Она его убьёт. Всадит меч в грудь без сожалений. Эта тварь явно не захочет сотрудничать с ними. А даже если захочет — она совершит последнюю ошибку в своей жизни и не даст ему возможности прожить ещё немного. Да, Штаб будет недоволен таким произволом. Да, после этого она, упрямая и своевольная, больше не понадобится войскам. Возможно, ей больше не дадут выйти за Ворота. Но она его убьёт.

Дэл прикрыла уставшие глаза, да поддалась этому лёгкому покачиванию, упала буквально в сон, чтобы больше не думать над этим.

Но перед самым падением она в очередной попросила у Ишты сил, чтобы одолеть этого колдуна. Возможно, наконец-таки боги её услышат и впервые в жизни подарят ей желаемое, заплатят за годы мучений такой мелочью, как жизнь какого-то колдуна. А после этого она обязательно сложит ладони и возблагодарит высшие силы за помощь.

Колдун будет жертвоприношением. Она его убьёт.

Во славу бога нашего и народа нашего.

Глава 3. Победённая

Впервые она возвращалась не на своих ногах в город.

Она смотрела на величественные Ворота, на стоявших стрелков с ружьями. Один из них показал на неё рукой и наклонился к своему собеседнику. Тот лишь отмахнулся, не сводя глаз с неё. Знакомый взгляд исподлобья. Давно она не видела этот взгляд стрелка, с которым когда-то пыталась состязаться даже в стрельбе, но оказалась слабее. Возможно, она просто слишком давно не поднимала глаза вверх. Стивен не изменился. Можно было узнать его по непроницаемому лицу, да по выбивающимся из-под козырька тёмным волосам. И взгляд его до сих пор непонятный.

Она перевела взгляд на спины лошадей и тяжело вздохнула.

Дэл проиграла.

Проиграла ослабленному колдуну.

И ей придётся за это ответить.

Повозка остановилась аккуратно возле Штаба. Один из рядовых протянул руку, но она лишь грозно глазами сверкнула, да сама с кряхтением поднялась. Мир немного кружился перед глазами, слабость определённая была, но... она спрыгнула с повозки, да схватилась за лежащий меч. Она скривилась, заметив кровавые разводы. Нужно от них избавиться. Медленно вернула меч в ножны и побрела в сторону ручья.

— Эй! А как же доклад команду...

— Позже, — огрызнулась Дэл, да пошла своей дорогой.

Каждый шаг давался с болью, но ей оставалось лишь сжать зубы и идти, идти, идти. Пока наконец она не смогла дойти до реки, в которой уже отражалось рассветное солнце. А ещё в ней отражалось тёмное лицо Дэл с многочисленными ссадинами и кровавыми пятнами, в которых самым светлым пятном были тёмные глаза с отражавшимся в них светом. Она скользнула по отражению ниже и закусил губу от увиденного. Со стороны это выглядело ещё страшнее. Определённо, куртку уже не зашить. Никак.

Дэл не выдержала — хлопнула ладонью по воде. Отражение расплылось, исчезло, оставив лишь тёмное неразборчивое пятно. Волны шли по воде, а она смотрела, смотрела, смотрела, как снова появляется её собственное отражение с чёрным отпечатком ладони на животе. Кто знает, может, этот след останется с ней на всю жизнь, будет напоминанием о проклятом колдуне.

Она пробурчала под нос ругательство и первой горстью воды смыла всю грязь с лица.

Когда на лице остались лишь ссадины, да пара царапин, она присела на корточки и принялась за свой меч. Грязь поддалась, стекла на землю, оставив его блестеть на рассветном солнце. Красиво... она только улыбнулась, увидев это, но взгляд снова зацепился за поверхность воды, совсем не идеальную.

Меч не должен быть мокрым. Нужно вытереть.

Она положила меч на колени, стащила куртку с плеч, оставшись в рубахе. Посмотрела на мелкие тёмные пятна, на разорванную ткань, на нашивку капрала. Ненадолго задумалась, но всё же вытерла меч о свои штаны, а куртку перебросила через плечо и попыталась встать.

Почему такие простые движения давались так сложно?

Но она встала. Через силу. Через боль. Встала и вернула на законное место свой меч, сияющий от чистоты и солнечных лучей. И похромала в сторону палатки Тактического

штаба. А взглядов было слишком много. Сочувствующие, пронзительные, удивлённые. От них неприятно чесалась спина, хотя они смотрели на область живота, где был этот злополучный ожог.

В Штабе было слишком шумно, походило это на какой-то спор. Она сделала шаг в палатку, оглядела головы в попытке найти рыжую. А наткнулась на взгляд командующего Дайлера — и он не был доброжелательным.

— Капрал Дэлия... — проговорил кто-то.

В палатке стало намного тише от одной лишь фразы. Она в очередной раз заметила множество обращенных на себя взглядов, совсем как на улице. Опять.

И Лайза смотрела на неё, стояла она совсем недалеко от командующего. Но во взгляде её ничего не было — ни беспокойства, ни страха, ни радости.

Она проиграла. Проиграла и этим подставила младшего тактика.

— Капрал гвардейского отряда Дэл... прибыла к вашему распоряжению, — и приложила правую руку к сердцу, как принято.

— Откуда этот след на вашем теле, капрал? — выдал один из командиров. Капитан, которого не узнала ещё вечером.

И имени до сих пор его она так и не узнала.

— Оставлен магией колдуна, капитан, — проговорила она твёрдо, не показывая своего страха.

А он был. Почему первым вопросом стал именно этот? Она уже успела придумать, что скажет о причинах поражения, о состоянии колдуна и о примерном уровне его силы. Но вот этот вопрос выбил её из колеи. Ответ никого не удивил, вызвал лишь пару перегибков со стороны командования.

А вот Лайза не отводила своего взгляда.

Она же отвечала за всю эту миссию. Настаивала на поддержке, на целом отряде, который помог бы. Она ведь почти победила его, люди бы помогли.

Дэл закусила губу.

— Ваш доклад мы выслушаем после того, как вы оправитесь от ран, капрал, — мягко выдал Дайлер после недолгого размышления.

Она нервно сглотнула. Моргнула. Нахмурилась. И всё? Их только это интересовало?

— Так точно, товарищ командующий войсками! — она снова приложила руку к сердцу, развернулась и вышла. Шаг ровный. Лицо непроницаемое. Лишь бы не думать о взглядах.

Свежий ветер растрепал волосы и покрасневшие щёки.

Нужно было оставить свой меч в арсенале, прежде чем идти в палатку врачей, но... сил на то, чтобы дойти куда-то ещё, не осталось. Лишь бы не рухнуть на полпути к целителю.

Она сжала зубы, собираясь с мыслями. В последний раз она чувствовала себя такой бессильной лишь глядя на мёртвого Матфея, которому только-только закрыла глаза. Даже в случае с Лексом она смогла что-то сделать — замотать раны, убить ту тварь, что напала на него, и дотащить полуживого солдата до ворот на своей спине.

Она коснулась зелёной куртки на своём плече. С ней придётся распрощаться. Или... можно положить дома и использовать в качестве одеяла. Или повесить в шкафу и каждую неделю надевать на себя, отдавая дань памяти Матфею.

Ещё можно было что-то сделать.

Но для этого нужно было выжить и попросить второй шанс у командования.

И снова взгляды. До целителя нужно было дойти. Нужно было сохранять ровное лицо,

не поддаваться нервной дрожи и не разораться на этих гражданских, которые при её приближении отшатывались, словно она больна страшной заразой.

Простая отметина на животе страшила их больше, чем любая боевая рана.

Отметина... она прикрыла глаза. Светлые ведьмовские глаза, растрёпанные волосы и тихий уверенный голос. «Отмеченная печатью бесовской, тяжело тебе будет». Рука невольно дёрнулась к ожогу. Это было предсказание, и оно уже сбылось. Слишком быстро и удивительно точно. А она слишком поздно поняла это. Наверно, Штаб тоже об этом знал и всё понял намного раньше.

Тяжело будет получить второй шанс после такого.

Она отодвинула тент от входа в палатку целителя. Светлая голова Брайса склонилась над столом, кажется, он что-то читал. Снова он здесь. Она усмехнулась своей удачи и сделала шаг в палатку.

Он тоже её заметил. Окинул быстрым взглядом, приподнял брови и вскочил со своего стула. Смешной. Не ожидал такого.

— Я обещала. И я вернулась. Доброе утро!

Брайс не выглядел счастливым. Он поспешно подошёл к ней, чтобы подхватить, но она машинально отошла. Нет.

— Сама справлюсь...

Он закатил глаза и проговорил раздражённо:

— Ну молодец, Дэл... тебя так бес подрал?

— Конечно! Бесы как раз отрастили человечьи руки и...

Последние шаги до кушетки преодолеть было сложнее всего. Ноги дрожали, норовили вот-вот подкоситься и уронить её прямо перед целителем. Нет. Она справится сама. Она же сказала.

— Тебя не сюда надо, а в госпиталь... я с такими ранами не работаю. Сейчас отправлю туда кого-то...

Дэл дошла наконец до кушетки и упала на неё. Голова тут же взорвалась от резкой боли в макушке. Бес подери... она зажмурилась и попыталась промолчать.

Она слышала шаркающие шаги Брайса, постепенно удаляющиеся от неё. От этого почему-то было смешно. Не так всё и плохо было, чтобы она сразу же отправилась туда. Но времени на передышку было. Возможно, она сможет дойти до этого места самостоятельно, без бесовых носилок.

Госпиталь... и сколько ей придётся лечиться? Она ещё ни разу туда не попадала, ведь там лежали тяжело раненные. Лишь пару раз она приходила, чтобы навестить Лекса и принести ему лазаньи из дома, и даже тогда здание удручило её — серое, большое, лекари носятся постоянно, переругиваются, никакого покоя и системы.

Он слишком резко вошёл обратно.

— Так, я послал мальчишку туда. Должны прийти с носилками, так что можешь не волноваться.

— Хочешь избавиться от меня? Я и сама дойду, — проговорила хрипло Дэл.

Брайс тяжело вздохнул. Тоже раздражённый.

— Тебя в таком состоянии только к смерти посылать.

— И я дойду.

Она рассмеялась, запрокинув голову. Но тут же прекратила — слишком больно было от этого.

— Конечно, ты всегда добиваешься своего.

Брайс замолчал, снова заходил по палатке, какими-то склянками зашумел. Дэл пыталась дышать аккуратней, а ещё стащить с себя ножны с мечом. Они рухнули слишком громко на пол.

И после этого стало слишком тихо. Только шаги были слышны.

— Стаскивай рубаху, я пока обработаю раны, — устало проговорил Брайс совсем рядом.

Сделать было это сложно. Аккуратно положила рядом с собой куртку, ещё на плече державшуюся. Сняла уже негодную рубаху и кинула её куда-то в сторону. Открыла глаза — Брайс стоял рядом с какой-то коробкой, оглядывал внимательно.

— А не всё так плохо... ни одной рваной, да и вообще ран практически нет. А выглядела ты будто тебя стая тварей покромсала.

— Это не твари... ну точнее, тварь была одна.

Брайс нахмурился и снова посмотрел на ожог, который слишком похож на человеческую ладонь. Наверно, он должен был знать, что это. Наверно.

И в ответ она получит испуганного целителя, который в здравом уме не будет её лечить.

— Хорошо. Пусть будет одна, — спокойно проговорил целитель и зачерпнул из коробки прозрачной мази.

От неё закололо холодом, но это было лучше, чем просто боль.

А Брайс ведь не дурак, как бы она его не называла. Если обычные люди без особых знаний уже боялись её, то и он мог легко понять, что за «тварь» могла сделать такое. Понять и не сказать.

А если прикоснуться к ней опасно?

От этой мысли по телу пошли мурашки.

— Что, уже замёрзла? — усмехнулся Брайс. — Я скоро уже закончу... а с синяками можно попозже разобраться.

Она прикрыла глаза и головой качнула.

Слишком поздно что-то поменять. Если с ним что-то произойдёт после этого, то это будет лишь ещё одна жизнь, которую она погубила.

Ей не привыкать.

Он убрал свою руку, снова заходил по палатке. Спустя несколько секунд в неё полетела рубаха. На ощупь как холщовая. Она молча кивнула и набросила на себя. Достаточно свободная, чтобы не касаться ран и не бередить их.

Она снова упала на кушетку, чтобы наконец отдохнуть. Ночь была сложной. И день вышел не лучше.

— Наверно, тебе понадобится пара дней на лечение. Можно и без госпиталя обойтись, устроить простой отдых, просто приходить для обработки ожога.

Можно было спать дома, а не в чужом месте. Правда, она больше времени убьёт на уборку, до которой руки так и не доходили. Возможно, пыль сотрёт со всех вещей и... потом не будет знать, чем заняться. Будет лежать на продавленном диване, а в голову будут лезть воспоминания.

— Я выберу госпиталь.

Брайс ничего на это не ответил. Да и кому нужны были его слова? Она уже приняла решение.

Дэл схватилась за куртку, лежащую рядом. Приложила к щеке капральскую нашивку, да прикрыла уставшие глаза. Куртка пахнет лесом, как всегда, только горький запах горелого

примешался. И эта примесь портила абсолютно всё, потому что вместо свободного бега в лесу вспоминался ехидный колдун, который даже не напрягался в бою с ней.

Она сжала зубы.

Она убьёт его.

В палатке долгое время было тихо. Брайс нашёл покой за своим столом, к ней почти не обращался. Напавший на неё сон был беспокойным, быстрым, прервавшимся от резкого шума.

Она тут же подскочила, толком глаза не открыв.

Брайс со скривившимся лицом потирал ногу, а из кулака у него торчала какая-то бумажка.

Заметив её взгляд, целитель тут же распрямился и проговорил:

— Кажется, Штаб настолько озабочен твоими травмами, что любезно решил подослать пару охранников у выхода из моей палатки.

Дэл приподняла брови. Брайс приподнял кулак с запиской.

— А вот здесь главный целитель госпиталя объясняет мне, дураку, почему они не могут забрать тебя. Так что терпеть меня здесь ты будешь как минимум неделю. Бес их знает, почему так долго, но... я не уверен, что после этой недели ты избавишься от надзора. Просто он переместится в иное место... например, в камере.

Дэл опустила глаза. Первый и последний вопрос начальства был про этот бесов ожог. Они тоже боялись. Не знали, что может произойти. Просто так колдуны не оставляют следы на своих жертвах. И просто так колдуны не оставляют никого в живых.

Это было логично, просто она об этом не подумала.

— Это из-за колдовской отметины.

Брайс в ответ кивнул:

— Да наверняка! Я бы тоже озаботился об этом.

Он всё знал. И говорить не нужно было.

Всё знал и не испугался.

— С другой стороны, я смогу отдохнуть... — Брайс прилёг на соседнюю кушетку. — Сюда больше никого не пришлют. Поставят вторую палатку срочной помощи. Может, даже поближе к Воротам, чем моя. Всё равно бесы не прорывались уже лет сорок.

— А как же еда, лекарства и всё такое?

На это он лишь пожал плечами, а потом проговорил:

— По ночам здесь будет другой лекарь, а то... у меня семья, знаешь ли...

— Понимаю.

Ситуация выглядела прескверной. Изоляция. Доклад после выздоровления. Такое ощущение, что они не хотели с ней общаться до тех пор, пока не исчезнет отметина. А исчезнет ли она?

Словно прочитав её мысли, Брайс указал на живот.

— Болит?

Дэл лишь пожала плечами. Попробовала прикоснуться через ткань и... никакой реакции. Просто кожа иной на ощупь кажется, а так всё в порядке.

— Нет, — наконец проговорила она.

— А что тогда болит?

Дэл тяжело вздохнула, опустилась обратно на кушетку и прикрыла глаза. Она не знала даже, что ответить на всё это. Возможно, на деле ничего и не болело, просто сил не было.

— Ммм, я понял, болтать ты не намерена... — проговорил Брайс. — Впрочем, как и всегда.

Она его уже не слушала, предпочитая просто лежать, обняв порванную куртку и пытаться уснуть. С ней было спокойней. Запах Матфея выветрился из неё, но, если очень хорошо представить... он же тоже пах лесом, а ещё кострами, на которых любил жарить сосиски со своими друзьями-солдатами.

Ничего удивительного, что воображение снова нарисовало картину, где во тьме безлунной ночи Матфей в своей зелёной куртке разжёт костёр недалеко от леса, и принялся нанизывать сосиски на ветки. Словно живой. Словно она может протянуть руку и коснуться его плеча. Словно он никогда и не умирал.

Слишком живая картина.

Дэл сделала несмелый шаг, и поймала острый запах дыма, уж слишком сильно бьющий по носу. Она удивлённо приподняла брови. Слишком реальной оказалась фантазия.

— Эй... Матфей?

Он приподнял голову от своего занятия, и она вздрогнула. Не он. В той же самой зелёной куртке, на которую нацеплена нашивка капрала, с тем же самым тёмным гнездом на голове вместо причёски, но глаза у него совсем другие, да вокруг них и морщины... она вздрогнула. Слишком знакомый силуэт.

Он улыбнулся, но в тёмных глазах этих ни радости, ни каких-либо чувств. Пустота.

— Я забыл сказать, что мы ещё встретимся. Так вот... и куда идёшь, девочка?

Дэл вздрогнула от этого голоса, да рука невольно скользнула к ножнам... которых не было. Она была абсолютно безоружна. Совсем. Ни кобуры, ни ножен, ни кинжала. Она прикусила губу от досады.

— Что ты здесь делаешь, колдун? — с нескрываемой злостью проговорила она.

Она сможет ударить его кулаком. Ногой. Локтём. Ещё много вариантов для защиты у неё было. Можно найти палку и воткнуть ему в глаз. Можно толкнуть его в костёр.

Даже если он не почувствует боли от этого, ей станет хоть немного легче.

Колдун встал с колена, выкинул палку с уже нанизанной едой в землю да волосы пригладил, чтобы не топорщились совсем как у Матфея. Но даже с иным цветом глаз, с морщинами и прилизанными волосами, он так сильно на него походил при свете костра, что становилось не по себе.

— Я теперь всегда с тобой буду... — проговорил он мягко. — Уж слишком я восхищён твоими умениями.

Дэл закрипела зубами. Он ничуть её не боялся, словно целиком и полностью владел ситуацией. Она сделала пару шагов и дёрнулась за веткой, чтобы схватиться за неё. С ней она почувствовала себя увереннее. Но и колдун даже в лице не изменился, только... он улыбнулся? Она прищурилась и проговорила чётко:

— Что. Ты. Здесь. Делаешь?

Она почувствовала прикосновение к своему плечу. Неужели колдовские штучки? Она взмахнула палкой и рванула в его сторону, чтобы ударить, хотя бы и палкой, а не мечом.

— Дэлия... извини... я не хотела...

Хорошо знакомый голос остановил её. Что такое?

— Лайза?

Дэл открыла глаза и первым делом заметила рыжие волосы, а потом уже — светлый потолок. Она резко выдохнула, никакой поляны, никакого костра и колдуна. Всего лишь

дурной сон. Неприятный, но всё же сон.

И в глазах Лайзы она явно видела беспокойство, не то, что тогда — в палатке Штаба, где она выглядела слишком серьёзной.

— Я не хотела будить, но... это очень важно, — она замялась, взглядом поводи́ла, прежде чем сказать. — Как ты себя чувствуешь?

Медленно страшный сон отступал, словно она и не встречала снова того колдуна. И с каждым вздохом становилось всё легче. Вроде ничего не болело, только... она инстинктивно коснулась ожога, который никуда не исчез. После недолгого раздумия Дэл всё ответила:

— Уже лучше... пару дней и смогу снова валить тварей. — и попыталась искренне улыбнуться, лишь бы не дать повода для нового беспокойства Лайзе.

Однако почему-то эта новость никак не обрадовала девушку, она снова опустила глаза. Странно. Не глядя, Дэл нащупала рядом куртку Матфея, да схватилась за неё. Что-то определённо шло не так, причём ровно с того момента, как она вернулась.

— Это очень хорошо, — наконец проговорила Лайза.

— Врёшь.

Лайза нахмурилась от этого резкого слова. Палец Дэл скользнул по нашивке капрала, за которую во время беспокойства любил теревить Матфей. Она и сама обхватила её, чтобы выдать следующее:

— Что-то произошло... это из-за того, что я упустила колдуна.

Девушка медленно покачала головой.

— Не в этом дело... в ином.

Ей явно было сложно говорить об этом — столько раз она успела облизать губы, да взгляд уводить в сторону, что от такого не по себе стало даже Дэл. Обычно она так себя не вела.

А ведь у выхода из палатки стоят охранники. Их прислал сюда Тактический Штаб. Без объяснения, без предупреждения, просто поставили охранять целителя и раненную мечницу. Или... сторожить её.

— Мы все боимся той отметины... уж слишком она похожа на бесову длань.

Дэл вскинула брови. Такое название она слышала первый раз. Но звучало неприятно. Рука невольно скользнула к ожогу. Бесова отметина. Бесова длань.

Она прикрыла глаза, понимая, что звучало это отвратительно и ничего хорошего ей не сулило.

— Мы говорили с той ведьмой... она говорила про старый обычай, который подтвердили старики. Существо с бесовой дланью нечего делать среди людей, и... в качестве искупления грехов их продают. Продают за тринадцать сиклей. Продают первому же колдуну.

Дэл внимательно слушала, и с каждым словом Лайзы становилось всё смешнее и смешнее. Чистый абсурд. Да только сама девушка не улыбалась, а говорила с серьёзным лицом, словно... стоп.

— И ты в это веришь? Веришь обманувшей нас ведьме?

— Её слова подтвердили старики и ветераны, которые видели, как лет сорок назад уже продали отмеченного бесом колдуну. Ровно за тринадцать сиклей.

Она почувствовала, как веки задрожали. Не может быть так. Не может.

— Это же не значит...

— Продали с третьего раза. А перед этим два раза тёмные твари разрушали ворота и

убивали всех, до кого только дотягивались. Защита отказывала.

Она медленно выдохнула. В последний раз, как говорил Брайс, через ворота прорывались твари лет сорок назад.

— Совпадение.

— Об этом уже говорят. Люди видели тебя с этим ожогом, поползли слухи... мы пытались их пресечь, но... ты знаешь гражданских. Скоро об этом заговорят и служители храма. Это их обычай — служителей Таха и Ишты.

Это был последний гвоздь в крышку её гроба. После таких аргументы закончились. Осталась лишь пустота, звенящая в голове. Всё было решено даже до её прихода в палатку Штаба. Это было видно во взглядах этих людей, обращённых к ней.

У неё не было шанса на вторую попытку ровно с того момента, как колдун оставил на ней эту отметину.

Дэл нервно сглотнула.

Лайза нахмурилась и проговорила неожиданно жёстко:

— У нас есть два варианта: либо мы ждём колдуна и отдаём тебя ему, либо... мы можем отправить тебя в лес, и он сам тебя найдёт.

Она закусил губу. Они уже разработали сразу несколько планов. Это же Тактический штаб. Как говорили в войсках, они готовы ради высшей цели хоть весь город положить. И в глазах Лайзы не читалось ни сочувствия, ни заботы. В них уже ничего не осталось, ибо она уже всё просчитала.

— Это угроза?

— Это решение старших по званию, капрал Дэлия.

Кажется, именно с этих слов их дружба дала глубокую трещину. А возможно, никогда и не было никакой дружбы.

— Во славу бога нашего и народа нашего! — Дэл показательно ударила себя в грудь костяшками два раза. Ровно. Чётко. И взгляда злого от Лайзы не отрывала.

Она лишь сомкнула губы, развернулась и пошла прочь из палатки, оставив девушку наедине со всем этим. Дэл медленно подняла порванную куртку Матфея, да уткнулась в неё лицом, пытаясь сохранить эмоциональное равновесие. Ужасно хотелось кого-нибудь избить. Сильно. Можно и мечом раскромсать. Лишь бы только не разрыдаться.

Она пообещала Матфею перед самым походом, что не умрёт и защитит Лайзу. А потом Матфей погиб от лап тварей, толком и не сказав ей последнего слова. Вроде они нормально говорили лишь перед самым выходом, и он выдал что-то вроде: "У тебя же есть дома нитки, Дэл?"

Они не имели права притаскивать трупы обратно. Она могла лишь снять с холодного тела Матфея куртку и пообещать защитить её, а ещё защитить его ненаглядную Лайзу, в которую он ходил влюбленный. Интересно, если бы он услышал от неё такое, как бы отреагировал? На чьей стороне оказался?

Она оторвала от своего лица куртку и подняла глаза на тихо вошедшего Брайса.

— Кажется, я скоро уйду и... больше не вернусь сюда.

Он неотрывно смотрел на неё.

— Я уже понял. И мне действительно жаль, Дэл.

Она вспомнила улыбку того самого колдуна, от которой на автомате передёрнуло. Она отчётливо понимала — он действительно переиграл её, причём с самого начала, а значит, они все увидят его на пороге ворот с этими несчастными тринадцатью сиклями.

Она проиграла. Снова.

Но в этот раз она больше не лишит никого жизни.

В последней раз такой решительной она была, когда закрывала остекленевшие глаза Матфею.

— Дай нож, пожалуйста.

Брайс вздрогнул почему-то и проговорил медленно:

— Слушай, это не самое лучшее решение проблемы...

— Придурок, нож дай, я нашивку отрежу от куртки.

Наверно, сейчас она была готова к этому.

Дэл сосредоточенно отрывала нашивку, пытаюсь случайно её не задеть. И лишь когда она смогла это сделать, и та оказалась у неё в руке, она отдала обеспокоенному Брайсу нож и сжала её в руке.

К сожалению, она не сможет защитить больше куртку, уж слишком сильно повредил её проклятый колдун. Но она могла оставить хотя бы какое-то напоминание о светлом и мечтающем о чём-то высоком парне, который просто не дожил до исполнения своих идей.

Даже если той самой куртки не будет рядом, память всё равно останется. И о ней память останется, и у неё память останется.

Даже если самой куртки не будет, идея всё равно останется.

Она положила под подушку нашивку. Капрал должен быть сильным. Даже в лесу, даже без начальства она останется капралом гвардейского отряда.

— Позови охранника сюда.

Брайс нахмурился, но спорить не стал. В его взгляде читались те самые слова: «ты всегда добиваешься своего».

Незнакомый ей воин аккуратно встал возле кровати, невнятно представился, но в итоге инициативу взяла сама Дэл.

— Думаю, вам нужна информация. Ведьма дала мне предсказание ещё до встречи с колдуном. Предсказала эту отметину. Потрясите её, возможно, услышите немало судьбоносных слов.

Она покрутила головой, и от хруста в шее стало немного легче, словно вместе с этим уходили все тревоги.

— Я согласна выполнить приказ Штаба. Но у меня есть условие.

Юноша прищурился, глядя на неё, уж было открыл рот, чтобы возразить, как она чуть громче проговорила:

— Я должна перед этим поговорить с той самой ведьмой. Так и передай.

Охранник серьёзно кивнул и, попросив перед этим разрешения, вышел из палатки. Дэл опустилась на кушетку, чувствуя остаточную дрожь. Она должна узнать как можно больше перед тем, как снова встретится с колдуном. Она ведь пообещала, что убьёт его, и теперь ничто не могло удержать от выполнения этого обещания.

А вот Брайс развеселился от всей этой ситуации.

— Ух, я удивляюсь твоей смелости, — проговорил он. — Ставить условия Тактическому штабу в таком положении...

Дэл лишь плечами пожала.

— У них есть и иной расклад. Я выхожу с мечом и... тогда я положу большую часть населения, прежде чем они успеют что-то сделать.

— Прикольный план. Посмотрел бы на это...

— Я не шутила, Брайс, — она прикусила губу. — Мне уже нечего терять, а значит... легче умереть, чем встретиться с этим самым колдуном. А перед этим я побольше унесу с собой в ад, чтобы компания была повеселее.

Он вздрогнул от этих слов, и как-то иначе посмотрел на неё.

Это же была неправда. Она бы не подняла меч на простых людей... это читалось в его взгляде. Это знала и она сама. Но этого не знал Штаб, который привык видеть в ней и в подобных солдатах лишь инструмент для выполнения своих важных задач. Они могут и уступить такую малость, тем более, ничем эта встреча им не грозит.

В лесу она нещадно убивала тёмных тварей, готова была изрубить колдуна. А могла бы она убить невинных людей? Могла бы она поднять меч на человека?

Она подняла собственные ладони, чистые, но временами свет падал на них так, что, казалось, какие-то капли засохшей крови остались, и нужно оттирать с мылом и болью. Руки мечницы, руки убийцы. Штаб не будет рисковать людьми, если можно всё решить полюбовно.

— Мне действительно жаль, что так вышло, — в очередной раз проговорил Брайс. — Ты не заслуживаешь такого, каким бы человеком ты не хотела казаться.

Наверно, он пытался убедить больше себя в этом, чем успокоить её. Однако от этих слов становилось как-то спокойней на душе, и желания обнажить меч становилось всё меньше и меньше.

Она просто убьёт колдуна и принесёт его голову к Воротам.

Она просто победит его.

Только оставалось одно незавершённое дело.

— Как думаешь, мне разрешат сходить к Лексу перед... этим?

Он медленно качнул головой.

— Лайза сказала, чтобы я тебя никуда не выпускал, пока не поступит новый приказ. — он замолчал, а затем вдруг сказал. — Извини.

Словно от него что-то зависело. Словно он мог нарушить приказ Штаба. Это не его вина.

— Тогда попросишь у него прощения за меня?

Прозвучало это слишком резко. Она не хотела этого говорить, но невольно вырвалось и... с этим более ничего не сделаешь.

— Он давно не держит на тебя зла, Дэл... — мягко проговорил Брайс.

— Это не значит, что я не держу на себя зла.

— Ты никогда не была виновата в этом.

— А тебя никогда рядом не было, чтобы ты мог оценивать степень моей вины.

Он хотел что-то ответить, да только слов не нашёл. Бросил это дело, встал за новым стаканом воды, чтобы агрессивно залить его содержимое в глотку.

Дэл снова повернулась на другой бок, на мгновение сжала покрепче порванную куртку. А потом отложила её аккуратно в сторону. Это было в прошлом. Это... она сама справится.

Да только после пяти минут мучительной попытки заснуть, она всё-таки вернула себе куртку, обняла её и прикрыла глаза. Если хорошо постараться, то можно представить, что Матфей рядом.

Куртка до сих пор хранила его запах.

Глава 4. Разозлённая

Она не вернётся. Сложная мысль для осознания.

В детстве она мечтала о том, чтобы уйти далеко в лес, чтобы никто её больше не трогал. После первой своей вылазки она мечтала не выходить за ворота, чтобы не вспоминать разодранные трупы первых товарищей. После смерти Матфея она мечтала не возвращаться в город, чтобы не говорить об этом Лайзе и... он был единственной причиной возвращаться.

А теперь её выгоняют из города. Отдают в лапы колдуна, которого она не успела добить. У неё будет достаточно времени, чтобы найти способ его убить.

Хочет ли она после этого вернуться? Смотреть в глаза и подчиняться приказам тех, кто отправил её на верную смерть? В городе больше не было её друзей. Но уходить всё равно почему-то было страшно. Давно она не испытывала страха...

Она не смогла убить в себе всё человеческое, как бы жизнь не помогала в этом.

Чёрная куртка появилась у изголовья кровати слишком неожиданно. Дэл попыталась сложить грамотно слова, чтобы отказаться от такого подарка, да только Брайс выглядел слишком серьёзным.

— Давай ты признаешь, что в лесу может быть бесов холод. И кто тебя там согреет? Твой колдун?

Она бросила в него подушку. Увернуться он не успел.

Впрочем, почти сразу подушка полетела обратно.

— Она мне всё равно не нужна... у меня таких много.

— У меня тоже дома есть чёрные куртки...

— А это не чёрная. А тёмно-синяя.

— Не различаю оттенки.

— Я заметил.

Оказалось, что спать по ночам — это очень интересный опыт. Однако ей было сложно привыкнуть к тому, что каждое утро она первым делом видела рядом Брайса, который занимался своими делами — писал какие-то вещи в толстую тетрадку, читал книги, проверял содержимое своих склянок.

— Глаза не устали...?

Брайс перевернул ещё одну страницу и лишь после этого поднял на неё взгляд. Дэл сидела и пыталась ровно пришить нашивку к новой куртке. Пусть она была чуть великовата в плечах, но в ней было также тепло, как и в старой. Выбрасывать остатки куртки она решительно отказалась, положила их под подушку и строго наказала Брайсу даже не касаться их.

— Хм... возможно, ты права. Тогда можно устроить чаепитие.

Пока Брайс искал чистые кружки, она аккуратно поднялась на локтях. Книга на столе выглядела интересной, судя по иллюстрации — что-то про целительское дело. Рисунок живота человека, только... странный, с какими-то червяками. Она нахмурилась, пытаясь понять, что это может означать.

— Тут Майя решила нас угостить... — проговорил немного растерянно Брайс, доставая коробку с парой кусков какого-то пирога.

Кажется, так звали его невесту. Он пару раз упоминал за эти дни, но она предпочитала не уточнять... и не запоминать такую бесполезную информацию.

Стакан ароматного чая стоял перед ней. Дэл попыталась взять его, но тот уже успел раскалиться до того, что обжигал пальцы. Учитывая, что Брайс по другую сторону стола зашипел, он тоже испытал подобную проблему.

Заметив недовольный взгляд, он пробормотал:

— Ну давай, обвини меня в том, что у меня нет нормальных кружек для чая... а лучше возьми кусок пирога.

Она неловко схватилась за рассыпающийся пирог, откусил уголок. Внутри оказалось что-то вроде повидла... приятно. Захрустел едой и целитель.

— Обожаю яблочные пироги...

Это было так странно. Она спокойно сидела вечером в палатке целителя, ела пирог и пила чай. Она перевела взгляд на тёмный настоявшийся напиток, аккуратно пальцами обхватила край и попыталась отхлебнуть. Горячий.

Кажется, это уже было.

— Эй, Дэл, ты... чего? — голос Брайса дрогнул.

Она приподняла брови, а потом почувствовала странный холод на правой щеке. Пальцами она легонько прикоснулась к ней и почувствовала влагу. Бес подери! Она медленно опустила руку и лишь пожала плечами.

— Я просто не знаю, что сделать... может, тебя обнять?

Брайс выглядел потерянным, придерживая кружку чая и смотрящий на неё округлёнными глазами.

Она и сама не знала, почему это произошло. Он почти встал со своего места, как она чуть ли не вскрикнула:

— Не надо!

Он остановился. Мгновение на размышление — и обратно сел на стул, взял стакан и отхлебнул оттуда с какой-то упрямой решимостью. Она же тыльной стороной ладони вытерла непрошенные слёзы и постаралась максимально быстро съесть свой пирог.

Наверно, она снова всё испортила. Остальное время они провели почти не разговаривая. Лишь один раз он оторвался от бумаг, чтобы проговорить тихо:

— Лекс передавал тебе привет.

Она усмехнулась, но ничего толком на это не ответила. Нечего. Да и уже неважно, ведь скоро она больше не появится в этом городе. Её мысли занимала нашивка, которая почему-то норовила свалиться с плеча новой куртки.

Наконец она смогла накинуть её на себя и посмотреть. Держалось неплохо. Пусть и непривычно было видеть себя в такой тёмной куртке, которая ещё и великовата оказалась, но... в лесу действительно будет холодно.

В палатку вошёл солдат:

— По приказу Тактического штаба я должен сопроводить капрала Дэлию до темницы.

Она заметила, как вздрогнул после этих слов Брайс. Прозвучало и в самом деле немного странно, но она в ответ на это усмехнулась и проговорила:

— Отлично! Наконец-то!

Брайс скользнул по ней удивлённым взглядом, но та лишь приподняла уголки губ, толком не отвечая на его немой вопрос в глазах. На мгновение она потянулась за ножнами, чтобы закрепить их на поясе, а потом повернулась к солдату и уточнила больше для Брайса, чем для себя:

— Мы же ещё вернёмся?

Он тут же кивнул, она с облегчением отошла от ножен, даже не коснувшись их. Брайс немного расслабился.

Вечер. Людей было значительно меньше, чем обычно, но даже они иногда оборачивались на неё. Кажется, жизни и в самом деле ей больше здесь не дадут. А всё из-за проклятого колдуна, который решил, что хорошей идеей будет оставить на ней свой след.

Она его убьёт, и пойдёт по дороге искать другое поселение, в котором всем будет плевать на её отметины.

А пока ей нужно поговорить с ведьмой. Она рукой коснулась нашивки, да взмолилась. Иште почти привычно, прося всего лишь спокойствия и чистых мыслей.

Темница была неприятным местом. Глядя на него, палатка и общество Брайса выглядела курортом. В ней всегда было немного людей и с каждым преодолённым лестничным проёмом их становилось всё меньше и меньше. Этот нижний этаж, скорее всего, выделили только для ведьмы.

Пустые решётки напрягали не меньше. Казалось, что вот-вот блеснут сквозь них сумасшедшие глаза преступника. Конечно, это не тёмная тварь, но по части коварства он может легко посостязаться с ней.

— Ты вернулась, убийца бесов. Вернулась с печатью колдуна.

Дэл вздрогнула — даже не подошла ведь, ещё достаточно далеко. Но та уже каким-то образом её почувствовала. Убийца бесов... она усмехнулась этому пафосному титулу и постаралась сохранить эту усмешку, когда они наконец дошли до той клетки, в которой содержалась ведьма.

— Да, так вышло.

Страха почти не было. Она приподняла подбородок и прищурилась, глядя на слабоосвещённое лицо ведьмы. Она ничего ей не сделает. Да и если сделает, то хуже уже не будет.

— Ты мне не доверяешь... зачем же пришла?

Чувствует всё. Тот колдун тоже наверняка хорошо читает эмоции. Нужно быть готовой и к такому.

— Что такое бесова длань? — проговорила медленно Дэл, схватившись за решетку.

Она пришла за ответами. Ну и чтобы в последний раз посмотреть в глаза этой твари, из-за которой вся её привычная жизнь разрушилась. Та в ответ обнажила зубы и усмехнулась.

— Вообще-то, дамклова длань, — поправила ей ведьма. — И мой ответ тебе не понравится, убийца бесов.

— Тебе же плевать на мои чувства.

Ведьма шумно вздохнула, прежде чем наконец ответить.

— Раньше ты была хозяйкой себе и своей жизни, но отныне... твоя жизнь принадлежит колдуну, оставившему след своей длани. А колдуны не очень любят, когда их игрушки прячут.

Прозвучало это и в самом деле жутко. Она обернулась на испуганного солдата, который слушал это и решительно ничего не понимал. Но взгляд его был недобрым.

— От этого можно избавиться?

— Лишь со смертью колдуна.

— Всё, поняла... — она повернулась к солдату, — мы можем идти обратно.

Дэл развернулась и пошла в сторону выхода из темницы, опустив голову. Всего лишь убить колдуна. Легче простого. Однажды у неё это получится, попыток она сделает

предостаточно. И она либо убьёт его, либо умрёт сама.

Оба варианта её устраивают.

— У тебя же ещё много вопросов ко мне, девочка.

Она остановилась, обернулась и проговорила медленно:

— Как можно убить колдуна?

Ведьма рассмеялась.

— Это же истинная причина, по которой ты пришла?

Дэл промолчала. Слышать лишь её голос — ещё страшнее, чем видеть её. А ещё она очень хорошо подбирает слова, словно сделала это заранее. А могла ли она знать, что Дэл однажды придёт сюда и именно об этом спросит?

— Колдун знает, когда он умрёт, и как. И обычно он к этому готов.

Всё было ясно. Прямого ответа от ведьмы она не услышит. Если бы всё было так просто, то она бы победила того придурка уже тогда.

— Думаю, что я всё-таки устрою ему сюрприз.

— Мне нравится твоя уверенность. Даже жаль, что этот след не принадлежит мне. Однако... мы ещё с тобой встретимся, я тебе это обещаю. Думаю, ты будешь другим человеком к тому моменту.

Дэл усмехнулась, поправила тёмную прядь с лица, да проговорила достаточно громко:

— Извини, но единственный человек, которому я не изменяю — это я сама.

Последним, что она услышала на выходе из темницы — громкий смех ведьмы, которая смогла подарить ей надежду. Она просто убьёт этого колдуна и вернётся обратно к Брайсу, Лексу и Лайзе. Да, возможно, они друг другу наговорили много всего нехорошего, но это не значит, что их дружба и в самом деле окончательно сломалась. Всё можно восстановить при желании.

Тем более она пообещала Матфею защитить её. И по своей воле отдать себя в лапы колдуна, как оказалось — это один из пунктов этого обещания.

Она подняла взгляд на небо, да попросила у Таха немного смелости для этого. Какой бы сильной Дэл не казалась, она даже не могла представить, как можно уйти из родного дома к страшному колдуну, на котором убитых больше, чем на всех жителях города вместе взятых.

Наверно, она и в самом деле была не в почёте у богов.

Они почти дошли до палатки, когда их встретил бледный второй солдат. Боги её не любили. Всё было понятно по лицу, слов не нужно было, но солдат всё-таки смог проговорить:

— Он здесь.

Слишком легко было понять, кто такой "он".

Слишком рано.

Она хотела написать письмо Лексу, да обнять Брайса.

— Да?

Солдат лишь кивнул, а затем... вздрогнул, глядя прямо на неё.

Дэл широко улыбалась.

Она рывком открыла палатку, направилась к мечу. Она убьёт этого проклятого колдуна прямо там же. Она отсечёт ему голову. Она изрубит его на мелкие кусочки.

Ну или просто умрёт.

Брайс поднялся с места, едва увидел, как резко она вошла. Ножны с мечом Дэл нацепила на пояс, застегнула до конца молнию на сапогах, да завязала на поясе остатки

старой куртки Матфея. Выглядела она наверняка неказисто.

Брайс смотрел на неё и... в этом взгляде она увидела себя. Такую решительную, серьёзную и... Весь порыв злости как-то быстро закончился, оставив лишь пустоту. Безумная улыбка сползла с лица.

Убийство колдуна — это не игра.

За это она заплатит большую цену.

Брайс смотрел на неё и... у него голубые глаза.

Почему-то она вспомнила яблочный пирог, его хруст на зубах и сладкий вкус яблока.

Не обращая внимания на взгляды солдат, она подошла к Брайсу и обняла его — резко и крепко сжала в объятиях. Это был последний раз, когда она видела этого придурка. Она ведь не вернётся. Не вернётся. Она зажмурилась, пытаясь выкинуть это из головы.

В объятиях оказалось неожиданно хорошо. Тепло. Приятно.

И, словно решив её добить, Брайс мягко провёл по её спине рукой. Медленно и мягко. Боже. Никогда такого она не чувствовала — как вслед за движением руки поднимаются мурашки. А ещё у него широкая спина, за которую так удобно хвататься. В это мгновение хотелось разрыдаться, схватиться за него и не отпускать никогда.

Дэл сильнее прижалась к тёплому и большому Брайсу, у которого сердце каким-то образом быстрее, чем у неё стучало.

Она ведь не вернётся.

Дэл закусил губу, лишь бы не заплакать.

— Ты только вернись, тихоня Дэл.

Она нервно сглотнула. Неужели, он и в самом деле решил, что есть хоть малейший шанс этого?

— Я не могу этого обещать, — хрипло проговорила она.

— А ты через "не могу".

Она тяжело вздохнула и проговорила тихо:

— Знаешь, раньше ты бесил меня меньше, чем все окружающие...

— Хм... а я ожидал признания в любви.

— Многого хочешь.

— Но ты пообещай, что вернёшься, — вдруг заявил серьёзно Брайс.

Она хотела сказать так много — наорать на Брайса, сказать, что для глупостей нет времени, что она никак не может этого пообещать. Хотелось сказать много, но она смогла лишь тяжело вздохнуть, и наконец проговорить медленно и отчётливо:

— Постараюсь.

Дэл в последний раз прижалась к Брайсу, после чего легко отстранилась от него, опустила голову и пошла к ожидающим её солдатам. Не оборачиваться, не думать о том, что это было в последний раз.

Она крепче схватилась за рукоять меча, дававшего спокойствие. Она шла в последний раз по этой улице, даже не обращала внимания на прохожих, а просто шла и шла.

Они прошли мимо палаток солдатских, и мимо Тактического штаба, и мимо той самой реки, в которой она всегда смывала кровь с меча. Слишком поздно она вспомнила, что кобура с револьвером осталась в палатке, на столе у Брайса. Впрочем, она всё равно не умела пользоваться этой штукой как следует, как родным мечом.

Они шли к Воротам. К ещё закрытым Воротам, у которых стоял командующий Дайлер, а по левую руку от него — собранная Лайза. Она как-то равнодушно скользнула по ней

взглядом, от чего в очередной раз Дэл почувствовала злость. Походу, ей было всё равно.

Ну и пусть.

В груди поднялось остаточное чувство тепла. Такое ощущение, что с ней осталось то самое волшебное чувство, когда ты чувствуешь себя в безопасности.

Она обязательно вернётся.

Дэл приподняла подбородок повыше, да проговорила, глядя прямо в глаза Дайлеру:

— Я готова, товарищ командующий.

Выцветшие голубые глаза, в которых были какие-то мысли, её самую малость пугали. Сколько смертей видели эти глаза? Каким вообще нужно быть человеком, чтобы стать командующим войск и каждый раз принимать важные решения? Она успела раз десять отказаться от повышения в должности, лишь бы не получать в своё распоряжение кучу мелких рядовых, часть из которых наверняка полягут в сражениях, и перед родителями которых ей придётся оправдываться.

В роли одинокого и вечно злого капрала ей было намного лучше.

Он подал кому-то знак, и ворота начали открываться. Медленно. Очень медленно. Зато скрежет от этого такой, что в нём можно спрятать любую молитву. Только кому на этот раз? Ишпа устал от её молитв, а Тах их давно не слышал.

Она прикрыла глаза и попыталась воссоздать в памяти образ Матфея. Такой хороший человек обязательно должен был стать добрым духом. И именно ему она прошептала: "спаси и сохрани моих друзей". Возможно, это не сработает. Но боги уже устали от её молитв, а вот Матфей... пока на её плече нашивка с его куртки, он будет с ней рядом, он будет живым.

Невольно она коснулась остатков его куртки, завязанных криво на поясе.

За воротами стоял одинокий силуэт, слишком уж знакомый Дэл. Проклятый колдун. Такой же насмешливый, в такой же накидке, что осталась от него в тот раз. Интересно, она тоже волшебная?

Он смотрел прямо на неё, и больше ни на кого.

В животе потеплело.

Бесова магия.

Она закусила губу, и прищурилась, глядя на него. Она его убьёт.

Колдун аккуратно вытащил из-за пазухи белое блюдце, да из кармана монету блестящую.

— Один сикль! — рука скользнула в карман и вынырнула оттуда с новой монетой. — Два сикля!

Обряд продажи. В самом худшем проявлении.

Слишком театрально, слишком наигранно. Она смотрела куда угодно, только не на то, как он достаёт по одной монете из своих карманов. Тринадцать. Ровно. Он же всё рассчитал. Он же рассчитывал на этот обычай.

Блюдце с монетой поплыло по воздуху прямым в руку к одному из солдат, который тронул монеты и подтвердил трескучим голосом:

— Настоящие.

Дэл повернулась к командующему, и тот после промедления кивнул. Она выдохнула резко и сделала большой шаг вперёд. Взглянула пытливо на ожидающего её колдуна, сложившего руки на груди, и сделала ещё один шаг. Страшно.

Она положила пальцы на рукоять меча, сжала их. Третий шаг. В глазах его снова блеснул тот неестественный огонёк, делающий его схожим с тёмными тварями. Она убьёт

его. Рука сильнее сжала рукоять. Ещё один шаг. Она оглянулась на своих товарищей, которые никак не торопились уходить.

Следующий шаг уже вывел её за ворота. Она сжала зубы. Ещё один шаг. Три-четыре шага, и она будет стоять возле этого колдуна. Она крепко сжала рукоять. Время пришло! Шаг.

Рука её не слушается. Совсем. Одного лишь движения достаточно, чтобы вытащить меч. Почему она просто не может его сделать? Дэл сжала губы, и с большим усилием потянула чуть-чуть, но рука тут же вернула его обратно в ножны.

Бес тебя подери.

Она сделала ещё шаг. Рука её совсем не слушается, никак.

Это был провал.

Ворота заскрежетали позади. Чувство, будто сердце уходит куда-то в район пяток. Всё. Финал. Она даже перед его взглядом двинуться не может. Остался последний шаг.

Колдун ей подмигнул, и сам шагнул навстречу ей.

— Вот мы и встретились снова, девочка. Убери, пожалуйста, руку с меча — в этом лесу нам ничего не угрожает.

Рука и в самом деле соскользнула с рукояти, совершенно расслабленная и совершенно не чувствующая посылов своей истинной хозяйки. Дэл тяжело вздохнула. Именно сейчас и вспомнились слова ведьмы про то, что теперь она не являлась хозяйкой своей жизни. Неужели на тело это тоже распространялось?

— Как же я тебя ненавижу, — процедила Дэл, даже не собираясь скрывать своих эмоций.

Если бы тело её слушалось, она бы уже скрутила ему шею голыми руками, вырезала бы позвоночник и отдала его на съедение волкам. Может быть, растянула бы это действие. Вставила бы кинжалы в глазницы, прокрутила бы их, а после этого попробовала отрезать пальцы и засунуть ему в его же горло.

Столько было бы вариантов.

Но прямо сейчас она может лишь идти вслед за ним, да осознавать собственное бессилие.

Проклятый колдун.

— Не люблю, когда меня так называют, — проговорил он. — Мне было бы приятней, если бы называла меня по имени. Лука.

Он ещё и мысли читает? Она задыхалась от злости, стоило ей только подумать об этом. Бес его раздери! А если он их и контролировать умеет? И что вообще за имя такое дурацкое, Лука? Она закусила губу.

— Я могу называть тебя и дальше девочкой, но... думаю, тебе это не очень нравится. Как мне к тебе обращаться?

Играется с ней так уверенно, как будто со своей куклой. Она коснулась живота, где выделялся этот ожог в виде ладони. Имеет полное право. Тёмная тварь.

— Можешь называть своей смертью, — проговорила она хмуро.

Он тихо посмеялся над этим, поправил растрепавшиеся волосы, сбившуюся мантию.

— Думаю, ты немного не понимаешь, как это работает, Дэл.

Она была готова к этому повороту. Если он может читать её мысли, то почему не мог бы узнать и имя? Но дрожь лёгкую от собственного имени она всё же словила. Возможно, его голос в принципе вызывал такую реакцию.

— И как это работает? — ехидно осведомилась она.

— Магия соединила нас ровно до того момента, пока смерть не разлучит нас. Но магия не любит разрушать что-либо, поэтому тщательно охраняет от смерти. И ты будешь охранять меня. И я тебя. Вот так это и работает.

Дэл усмехнулась этим наивным рассуждениям, звучащим так глупо. Она ведь и рукой не пошевелит, чтобы его спасти. Но вдруг осеклась — когда ей нужно было пошевелить рукой, она даже не дёрнулась.

Если всё будет ровно так, как сказал этот Лука, то... она никогда не вернётся к себе в город. Она не выполнит обещание, данное Брайсу, и не извинится в очередной раз перед Лексом, и не обнимет проклятую Лайзу.

И именно в этот момент её захватил настоящий страх.

Ей не на что надеяться.

Её отдали в руки настоящему монстру, который сможет с ней сделать всё, что только пожелает.

— Зачем тебе это?

Она заметила на его лице лёгкую расслабленную улыбку и вздрогнула. Он слишком спокойный. Он ни на что не реагирует.

— Я хочу, чтобы ты ответила всего лишь на один вопрос. Куда ты идёшь, Дэл?

Она нахмурилась, звучало это немного глупо. Прямо сейчас она шла за ним, толком даже и не зная куда. Шла, потому что так нужно было. Шла, потому что была магическая связь, которую она не в силах побороть.

— Не знаю, за тобой иду.

Он медленно покачал головой, походу, этот ответ его не устроил. Но придумать больше ничего она не смогла — в голове были лишь синонимы.

Как же она хотела просто сломать шею этому колдуну, чтобы рвануть к воротам, упасть на колени и упросить вернуться. Но вместо этих всех действий она шла по удивительно тихому лесу.

— Пока ты честно и правильно не ответишь на этот вопрос, тебе придётся побыть со мной.

Звучали эти слова как очередная уловка проклятого колдуна, которому было интересно понаблюдать за её реакцией. Пришлось закусить губу, чтобы не ответить что-то резкое. Пришлось смириться с тем, что она нескоро увидит знакомые лица.

И от этой мысли весь самоконтроль пошёл прахом.

— Бес побери, как же я тебя ненавижу!

Всё равно её мысли были для этого Луки открытой книгой, поэтому это признание не станет для него великим откровением. Он в лице не изменился даже. Приподнял глаза к беззвёздному небу и проговорил:

— А я слишком стар, чтобы кого-то искренне ненавидеть. Даже завидую тебе в этом.

Абсолютно спокойный и непробиваемый. Она тяжело вздохнула, да подняла голову на тёмное небо. Никакого привычного подъёма от вдоха лесного воздуха не произошло.

Какая разница, где она, если отныне она была бесовым рабом? Она прикрыла глаза и снова вспомнила лицо ведьмы, которая произнесла роковое: "отныне твоя жизнь принадлежит колдуну".

Но душа всё равно принадлежала ей.

Она открыла глаза и заметила впереди отдалённо знакомое дерево с кривыми ветвями.

Глубокий вздох. Невольно рука коснулась завязанным вокруг пояса остаткам болотной куртки.

Колдун остановился и обернулся на неё:

— Что-то случилось?

Дэл нервно сглотнула, да прищурилась. Возможно, вон та длинная линия на стволе дерева была той самой меткой, которую она когда-то оставила на тот случай, если вернётся сюда. По крайней мере, тогда росла почти такая же трава, пусть и обогрëнная кровью вокруг мёртвого тела.

Никакая магия сейчас не остановит её.

Она резко повернулась и пошла сквозь кустарники в сторону того дерева. То самое место. Если бы было немного посветлее, то можно было бы мысленно вернуться в тот самый день.

Она мотнула головой. Это не хотелось вспоминать. Хотелось забыть, помнить лишь улыбку Матфея, его длинные пальцы, которыми он сплетал удивительные венки из ромашек и дарил девочкам, его спину в болотного цвета куртке, вечно испачканную в чём-то.

С каждым шагом Дэл всё больше и больше понимала — это то самое место. Она снова вернулась на ту самую поляну. Лишь бы не наступить на кости... или их зарыли в землю? Прошло слишком много времени, всё могло быть.

Наконец она подошла вплотную к дереву и прикоснулась к нему пальцами. Вскоре она нащупала те самые линии, что пыталась вырезать кинжалом с его пояса. Она медленно обвела букву М и тяжело вздохнула. С каждым движением чувства всё больше и больше захватывали её. Весёлый и всеми любимый Матфей заслуживал больше, чем кто-либо, больше, чем она сама.

Она сняла со своего пояса старую куртку, которая всё это время напоминала о нём. Люди же живут, куда о них помнят? Один взгляд на куртку напоминал ей о его улыбке, тёплых карих глазах и хлопка по плечу: "Ну ничего, Дэл, мы справимся и с этим".

Их жестокий мир не заслуживал таких людей. Спи спокойно, капрал Матфей.

Дэл аккуратно повесила на ветку куртку и пробормотала себе под нос:

— Простите за то, что не зашила, капрал.

Она зажмурилась, да губу закусил. Лишь бы не заплакать. Лишь бы не при нём. Она же сильная, бес её подери. Пальцем провела по всему его имени, которое вывела кинжалом сквозь душевную боль и желание убить всех, дотащить до ворот его тело, лишь бы не оставлять одного его в тёмном лесу, который он никогда не любил и который его в результате и убил.

Но запрет был чётким — тела должны оставаться в лесу. Даже если это было тело почти-капитана Матфея.

Лёгкий ветер зашевелил листья над её головой, и в шёпоте этих листьев она надеялась услышать ответ. Но это были всего лишь листья, а она — не в какой-то глупой сказке, где мёртвые становятся ветром. Она приложилась к дереву лбом и попыталась успокоиться.

Больно. Словно срезают тонкую кожицу с живого сердца, медленно, самым кончиком лезвия. Закончить это можно было лишь ударом кинжала в самое сердце.

Но она тогда не понимала, что это было финалом. Она тогда аккуратно стащила с холодного тела окровавленную куртку, да натянула на себя, искренне надеясь, что в ней осталось хоть немного тепла, хоть немного напоминания о Матфее. Он же жил, он же сражался, он был достоин вечной памяти и вечной жизни.

Но все, кроме неё, забыли и отпустили. Лишь она носилась в его куртке, получила его звание капрала, пыталась защитить его любимую Лайзу, даже в какой-то момент сама в неё влюбилась, смотря глазами Матфея, но не своими собственными. Возможно, она сама себе и дурила голову.

Возможно. Но боль была настоящей, пусть и причин физических на неё не было. Дэл стёрла рукавом текущие слёзы, да за дерево в качестве опоры схватилась. Холодное. В нём тоже не было никакого тепла.

Закатное солнце было тогда тёплым.

— Блин, надо будет куртку зашить после... — проговорил рассеянно капрал, изучая дыру на своём рукаве. — У тебя же есть дома нитки, Дэл?

Она поспешно кивнула и, заметив, как улыбка на его лице погасла, проговорила торопливо:

— Я могу зашить! Мне не сложно!

Позади тихо рассмеялся Лекс, в очередной раз проверяя, как меч выходит из ножен.

— Втюрилась, что ли? Или капрала за немощного считаешь?

Она обернулась на него и окинула его презрительным взглядом. К счастью, сам капрал не услышал этой лёгкой перепалки, предпочитая молиться в последние минуты перед открытием ворот. Дэл отвернулась от тупого Лекса, который только и мог, что шутить глупо, да сложила руки.

Она всегда молилась только Иште, и каждый раз это давало свои плоды. Каждый раз она чувствовала воодушевление и прилив силы после того, как обратилась к нему и бежала в бой.

Возможно, он и в самом деле благоволил ей.

Она схватилась сильнее за холодное дерево. Богам всю жизнь было плевать на них. Никакой бог бы не допустил смерти Матфея, который никому не причинил боли, кроме тёмных тварей. Даже если он и существовал, то он был злым богом. И молиться такому смысла нет никакого.

Она подняла взгляд, полный слёз, к небу и произнесла:

— Бес вас раздери...

Одинокая Дэл в лесу, потерявшая всех своих родных, кучу раз перешагивающая через трупы людей знакомых и друзей. Столько смертей она видела за свою жизнь, столько же жизней закончила своим мечом, а за этим наблюдал какой-то равнодушный бог, выбравший её своей любимой игрушкой. Кто знает, может это был тот самый Ишта, которому она молилась каждый вечер перед очередной вылазкой в лес.

Она отпустила руку, развернулась и пошла к колдуну. Не нужно было оборачиваться, чтобы представить, как остатки зелёной куртки Матфея качались на ветках.

Этот Лука смотрел на неё как-то странно, от чего на душе ещё гаже было. Но на него злости в ней не осталось. Дэл могла лишь опустить голову и пойти вслед за ним, пытаясь выкинуть любые мысли из головы. Но снова и снова она видела покачивающуюся на ветке одинокую зелёную куртку.

Глава 4.5 Застрявшая

Одинокая зелёная куртка висела на ветке напоминанием о том, что у всего есть конец. Даже у этого бесконечного пути, по которому вёл её колдун. Даже у её любви был конец. И от этого осознания глаза жгло.

Этот путь был бесконечно долгим. Над головой разгорался новый день. Над головой пролетали птицы. Она видела собственные руки, она видела потрёпанную накидку колдуна, его растрёпанные тёмные волосы и сутулую спину. Желание прирезать его никуда не делось, лишь затаилось в её сердце. Однажды наступит тот самый момент, и она обязательно приберёт его.

Ноги устало передвигались, больших усилий стоило не споткнуться об очередную корягу и не грохнуться носом об землю. Однажды она упадёт. Однажды она его приберёт.

Мысли крутились около одного и того же дерева, на ветке которого качались остатки куртки Матфея.

— Прекрати.

Она нахмурилась:

— Ты это мне?

— Ты слишком громко думаешь, Дэл.

Она возмущенно вздохнула. На такое даже сложно было найти грамотный ответ. На такое только врезать. Шутник бесов...

— А ты не слушай чужие мысли, колдун.

На этом и закончился их краткий разговор. Они продолжали идти через оживлённый лес, где всем обитателям было совершенно всё равно на гостей. Белки, ежи, птицы, мелкие грызуны и куча насекомых. По дороге было бы удобнее идти. Но они шли по какой-то старой тропинке, пусть и не через кусты, но тропа была настолько тонкой, что Дэл брали сомнения — ходили ли в этом году по ней вообще. Скорее всего, нет. Такую тропинку только бесовым чутьём можно было найти, не иначе.

Они шли по ней, в голове снова закрутился тот самый вопрос.

Было темно, но она заметила заинтересованный блеск в его глазах. "Куда ты идёшь?". Глупый вопрос от колдуна, который и так умеет слышать мысли. Глупый вопрос от колдуна, который забрал её из города и ведёт её по заброшенной всеми тропе. Глупый вопрос... просто глупый.

Матфей бы её не отдал колдуну.

Он никого бы не отдал. Боролся бы. Нашёл бы правильные слова. Он никогда не считал приказы командующих чем-то важным, настолько серьёзным, чтобы пойти против своих принципов. Никто её не защитил. Они просто её отдали, словно она никогда не рисковала своей жизнью ради всего этого города. Дэл прикрыла глаза... и почувствовала, как нога зацепилась за корягу.

На мгновение она потеряла равновесие... сердце ухнуло куда-то в пятки, тело накренилось вперёд... но как-то на ногах она удержалась.

Лука смотрел на неё. Руки не подставил, чтобы она не упала, просто смотрел. И, наверно, впервые она обратила внимание на её тёмные глаза... таких она не видела ещё ни у кого. Нет. Видела.

Она омывала свой меч по утрам, и в реке видела собственное отражение. И у него были

такие же глаза.

Дэл сглотнула, чувствуя, как сжалось что-то в горле. Бес подери...

— Что такое? — невинно спросил Лука и... улыбнулся чуть.

Мразь. Он же слышал её мысли. Он же всё знает, что она скажет, до того, как она откроет рот. Зачем постоянно задавать бессмысленные вопросы? Чего добивается этот колдун?

"Куда ты идёшь?"

Она сжала кулаки и губы поджала, чувствуя, как злость в ней волной поднимается.

— У тебя глаза от ярости горят... страшно смотреть.

Лука невозмутимо стоял, руки заложил за спину и... сделал шаг. Она невольно дёрнулась. Нет, она не отойдёт. Этот колдун ничего ей не сделает. Он ничего не сможет. Он сам признавался, что не может её тронуть, как и она его.

Она приподняла подбородок. Она не отступит.

— Тебе не страшно, — проговорила Дэл, чувствуя, как голос вздрогнул на конце фразы. От злости или от страха?

— Тебе тоже не страшно.

— Куда мы идём?

— Ты знаешь, что я вижу в тебе? — невозмутимый колдун, даже бровью не пошевелил, вопроса её не заметил.

— Куда. Мы. Идём. — процедила Дэл, чувствуя, как щёки начинают гореть. Она определённо злится. Если бы не магия, она бы давно обнажила меч и проткнула его. Множество раз. И первый удар — в глаза.

Но её глаза абсолютно такие же.

— Ты видишь себя. Я знаю. Но... я никогда не буду такой, как ты. Я не буду отнимать жизни людей. Я... не буду такой, ты не дождёшься, проклятый колдун!

Лука улыбнулся расслабленно, словно... она не попала. Ни одно острое слово не попало в цель. И от этого стало не по себе.

Он медленно покачал головой.

— Я вижу невероятную силу в этих глазах. Даже странно, что ты не справилась со мной тогда...

— Ах ты... — она сорвалась с места и толкнула его, не сильно, но тот отступил на пару шагов.

Нет, рука не дёрнется достать меч и его убить. Но она может с ним хоть что-то сделать. Она может врезать кулаком по лицу? И рука на этот раз просто не поднялась. Вздрогнула — но не поддалась. Магия оказалась сильнее.

— Задел? Тебя же это злит, я вижу... ты не привыкла проигрывать. Наверняка больше никто тебя не побеждал в бою...

Он поставил блок. Ещё один. Так легко и непринуждённо, сразу видно, что он сражался так тысячи раз. Каждое движение тренировочного меча — лёгкое и логичное. Он знал, куда она ударит, и всегда защищался спокойно и... с этой спокойной улыбкой.

Дэл облизнула пересохшие губы. Ей же иногда снился этот бой. Единственный, где она хотела победить — и в итоге проиграла.

Она ударила по ногам, но лишь задела кончиком деревянного меча колени — и получила тычок в живот. Ощутимый. Болезненный. Она зажмурилась, всего мгновение — меч вылетает из рук, она не успевает схватить его крепче. Кажется, он выбил его ногой.

Кажется, равновесие она не удержала и теперь падает. Кажется, она проиграла.

— Это больше, чем человеческая сила воли... это нечто божественное, дар богини всему человечеству — и он в твоих глазах, в твоих руках, в самой тебе.

Он улыбнулся обезоруживающе. Рука перестала нащупывать потерянный клинок. У него такая... правильная улыбка. От такой хочется улыбаться в ответ. Что она сделала этому старшему рядовому в зелёной куртке? Или он просто... вот такой, простой, улыбчивый и хороший?

Лука улыбнулся, заметив что-то. Странная улыбка. От такой хотелось бежать или ударить в лицо.

— Ты рождена для большего, Дэл.

И этими словами выбил уверенность из неё. Разом. Она уже слышала это от одного человека, и не хотела слышать это снова. Матфея давно уже не было. Она не должна была слышать его в других. Или... может, ей показалось, и он говорил совсем иначе?

Он говорил, что она рождена для чего-то особенного. Иначе. И с другим смыслом.

И они снова пошли по этой тонкой тропинке. Тишина была не очень приятна. В мыслях капрал снова ожил, в своей зелёной неформенной куртке, с растрёпанными волосами и лёгкой улыбкой, которой вскрывал сердца людей лучше, чем какой-либо вор пользовался отмычкой. Он снова ожил и снова говорил — и его слова заставляли дышать чаще.

"Кто-то должен быть сильным".

"Всё будет хорошо, Дэл".

"Ты ничего не могла с этим сделать..."

Единственный, кому она хоть немного, но доверяла свои мысли и переживания. Единственный, кто переживал за неё. Единственный, за кого она была бы готова умереть, но вместо этого умер он. А она его не спасла. И это была её вина.

Она подняла глаза на небо, застланное ветками. Ещё светло. Они до сих пор шли, и конца этому пути не было видно. И каждый шаг давался всё тяжелее и тяжелее, словно что-то давило к земле, словно на плечах что-то увесистое держалось.

Машинально Дэл схватилась за бок и... почувствовала что-то мокрое. Пот? Она подняла руку и усмехнулась, увидев красные разводы. Ах, там же были раны. Старые и давно забытые, но почему-то открывшиеся только сейчас. Впереди остановился Лука, обернулся и проговорил:

— Тебе нужен целитель.

Она подняла глаза с окровавленной руки на него. Один вздох — и она поняла смысл. Ей действительно нужен был целитель.

Тот самый светловолосый целитель, который прижимал её к себе как что-то тёплое и ценное. Брайс. Он умел обращаться с её ранами, но в этот раз что-то пошло не так... она сжала кулак.

"Ты только вернись, тихоня Дэл". И она действительно пообещала, что вернётся. Дэл зажмурилась. Не сейчас. Она не имеет права умереть от этой проклятой раны. Даже если шансов убить колдуна и вернуться в город почти нет, с её смертью их вообще не останется.

— Мне нужен целитель, — повторила она.

Ей нужен Брайс. С ним было проще. С ним она могла открыто говорить, открыто злиться и не думать о последствиях. С Матфеем ей было иногда тревожно, потому что одно неловкое слово — и он может исчезнуть из её жизни, а это страшно, без него она не выживет, без него будет отвратно. Брайса не жалко. Брайс сам за себя постоит — пошутит

глупо или наорёт.

И Матфей исчез из её жизни. По её вине.

"Ты никогда не была виновата в этом". Упрямый Брайс и тут высказался. Тогда он сказал это про тот самый случай с Лексом. Что она тогда ему ответила?

"Тебя никогда рядом не было, чтобы ты мог оценивать степень моей вины".

Она всегда была одна. Только с Матфеем она была не одна. Именно это она и боялась потерять. Именно это она и потеряла, и осталась в итоге одна. Зачем же она тогда вспоминает того дурака-целителя? Одни объятия смогли что-то изменить в их отношениях? А были ли у них вообще отношения, кроме обязанности целителя лечить раненных солдат? Без этого всего она бы никогда не заглянула в палатку Брайса. Его и в самом деле никогда не было рядом, и когда он наконец-то оказался, то снова глупо пошутил и... её забрал проклятый Лука.

Он аккуратно снял окровавленную повязку и положил тёплую ладонь прямо на рану. Дэл зашипела от боли. Лягнуть бы этого колдуна... и она почувствовала слишком странное тепло, идущее из его руки. Настолько странное, что боль отошла куда-то далеко. Магия? Он точно лечил её магией. И от осознания этого по телу пошла дрожь.

— Не беспокойся... — мягко проговорил Лука и взглянул ей в глаза.

Тёмные. Совсем тёмные, даже блика в них не видно. И в них отражалась она сама. И пусть в отражении не видно, но Дэл помнит, что её глаза точно такие же. И от этого хотелось выть. Неужели боги и в самом деле решили так устроить ей жизнь, чтобы она постоянно сомневалась в себе? Если так, то чувство юмора у них не лучше, чем у Брайса.

— Бес подери... — он отстранился, — Кажется, я переоценил свои возможности.

Прежде безмятежное лицо изменилось, тёмные глаза забегали, кажется, что-то вывело колдуна из привычного равновесия. Она оперлась рукой о ствол дерева. Кажется, её равновесие тоже под угрозой. Он же должен был залечить рану, прошло достаточно дней... колдун резко рванул с себя накидку, да на земле её расстелил.

— Придётся нам здесь задержаться, — он попытался улыбнуться, но на его лице никакой радости не читалось. Что-то пошло не так.

— Магия уже не помогает, да? — ухмыльнулась Дэл.

Дело касалось её жизни, и рядом на этот раз не было никакого целителя. А она всё равно находила, чем может задеть этого колдуна.

— Поможет. — хмуро проговорил Лука и вдруг поднял на неё взгляд, — А ты пока поспи.

— Я не собираюсь... — и вдруг она осеклась. Это было что-то больше, чем предложение. Это был приказ. И тело на него отреагировало раньше, чем она успела это осознать.

Нет, она не будет его слушаться. Нет, этот фокус не пройдёт. Она надавила с силой на дерево. Глаза слипались сами собой, но она сможет выстоять против этого. Сможет ведь?

Дэл кулаком ударила по дереву. Боль вспыхнула в руке.

— Иди ты к бесам со своей магией, тварь!

— Это не конструктивно и не вписывается в...

— Да мне плевать! — вспыхнула Дэл, — Я не просила мне помогать! И не хочу, чтобы ты своим колдовством на меня... колдовал! Лучше уж сдохнуть, чем...

— Пожалуйста, Дэл, давай обойдёмся без этих выступлений...

— Нашёлся умник! Иди к бесам со своими речами!

Лука тяжело вздохнул. На его лице явно читалось, что его достал весь этот диалог. И когда Дэл остановилась, чтобы перевести дух, он негромко, но жёстко проговорил:

— Я сказал: спи.

И с этими словами что-то окончательно сломалось в ней, словно какая-то струнка, державшая её волю, лопнула и вся тяжесть, давившая на плечи, наконец погребла её под собой. Слишком быстро. И все бушующие эмоции куда-то исчезли, ничего не оставив с собой, даже хоть какие-то мысли. Это был конец.

Матфей улыбнулся, да положил ладонь на её плечо:

— Я давно хотел тебе кое-что сказать.

Солнечный день ещё ярче делал эту улыбку. Тёплые лучи и по её плечам скользили, согревали, напоминали о том, что жизнь может быть и не путём страдания и вечной борьбы. Жизнь — это не только ночь, в которой горят лишь глаза тёмных тварей. Жизнь — это и вот такие встречи, где тебе рады, и где ты сам кому-то рад.

Она посмотрела на весёлого капрала и почувствовала, как становится чуть спокойнее. Всё хорошо.

— Что такое?

— Как насчёт того, чтобы хлебнуть чаю?

И они пошли в сторону её дома, потому что там всегда был готов чайник, наполненный и готовый к кипячению. И пока они шли, Матфей что-то рассказывал о службе, но это явно было не то самое, что он хотел "давно сказать". Просто мелочи, как они с отрядом охраняли мешки с яблоками и в итоге даже тварей не встретили по пути. Всё тихо и мирно, это не походило на нечто особенное, о чём можно сказать только с чаем.

В дом к Дэл заходил только Матфей. Больше никого она не приглашала, да и никто не хотел.

И солнечный свет всегда был желанным гостем в доме — шторы всегда раскрыты, пыль почти не кружилась под лучами света. Матфею всегда нравилось здесь, может, именно поэтому они пили чай именно у неё дома, а не где-либо ещё.

— Даже у меня такого порядка дома нет, — хмыкнул Матфей, вешая свою куртку на крючок.

— Я не так часто здесь бываю, чтобы испортить это.

Перед выходом в лес она проводила ритуальную уборку. Это помогало проснуться после дневного сна, да и мысли хорошо приводило в порядок. Больше никому здесь было испортить эту чистоту. Всё оставалось неизменным, и Дэл почти ничего не двигала. Лишь иногда на столе то стоял керамический чайничек с заваркой, то к нему присоединялась сахарница.

— Три ложки, да?

Матфей кивнул, и она облегчённо засыпала сахар ему в кружку.

На улице он очень много говорил, а здесь сразу стал тихим и спокойным. Эти разные стороны капрала восхищали Дэл, и... она иногда думала, что в этом доме он становился самим собой, открывался перед ней не как весельчак и капрал, а как Матфей, тот простой и умный парень.

— Каждый раз удивляюсь, как ты можешь пить чай без сахара, — проговорил он, наблюдая за тем, как она присаживается со своей кружкой за стол.

— Привычка, — она заметила заинтересованный взгляд Матфея и решила дополнить, — С детства так пью. И сложно перестроиться.

Матфей понимающе кивнул. Он всегда понимал. И это в нём ей очень нравилось. Что же он хотел ей рассказать? Почему-то сейчас он выглядел немного взволнованным — рука с чашкой подрагивала, да и взгляд у него блуждал по комнате.

— Что-то произошло.

Он вздрогнул — и тут же замотал головой. Впрочем, это ничуть не убедило Дэл. Всё сводилось к этому. Вскоре Матфей всё же вздохнул и проговорил:

— Ладно, произошло.

Что? Мысли Дэл были быстрее любых слов — кто-то умер, переехал или дал сложное задание. Или... от чего может так волноваться Матфей? А может...

Нет. Мысль хотелось выбросить из головы. Этого не могло произойти. Но, как любая мысль, которая нежелательная, она засела надёжно, свои корни пустила и продолжала развиваться. Именно в такой обстановке можно было признаться во всём, что угодно. Особенно в том, что страшно признаться.

Она отхлебнула чай из кружки. Матфей продолжал молчать, наверно, боялся сказать что-то страшное.

Он влюбился. Признаться в этом было сложно. Но стоило только осознать эту мысль, принять её — и стало как-то легче. И он пришёл к ней, чтобы это сказать и наконец перестать скрывать эту истину. Он чувствует что-то сложное, и это наверняка его пугает.

Как и её это пугало.

Она никогда бы не смогла в этом признаться, даже самой себе. Это было неправильно. Это было... ненужно и ему, и ей. Но если он первый признается, что ей придётся сделать? Сделать тоже самое, или... спрятаться от этого, не дать себе открыться?

— Я... — он поднял глаза от чая, — Я говорю это тебе первой, потому что... с тобой я чувствую себя правильно. Смешно, да?

— Не смешно. Это... наверно, очень хорошее чувство.

Матфей кивнул.

— Я... сложно о таком говорить, но ладно... я скоро стану капитаном.

Лицо его просветлело. Признался. Признался, но только не в том, что она от него ждала. Признался — и сразу же почувствовал лёгкость, как это всегда и бывает. Дэл сделала глоток чая и кивнула, толком ещё не осознав, что он сказал.

— Я стану капитаном и... у меня будет свой отряд. Конечно, не гвардейский, как сейчас, но... тоже хороший, я постараюсь, чтобы он был хорошим.

— Я уйду в твой отряд, если нужно.

Это вырвалось раньше, чем она успела подумать. Но даже после любых размышлений эта мысль была самой правильной. Так и должно быть.

— Зачем...? Ты в гвардейском отряде, у тебя всё хорошо и... спокойно. Ты тут быстрее дорастёшь до звания капитана, чем у меня. Наверняка тебя сделают капралом, ведь ты столько сделала...

— Мне не нужен гвардейский отряд.

Особенно если в нём не будет капрала Матфея, этого особенного человека, с которым ей было по-настоящему спокойно. Она совершенно точно знала, что и звание капитана ей не нужно было. Лишняя ответственность и лишние проблемы. Вот Матфей должен был стать капитаном, а когда-нибудь — и главнокомандующим, или хотя бы приближенным к нему. Люди всегда его слушают. И он там сможет принести много пользы.

— Ладно, если ты хочешь... — наконец сдался Матфей, — Только... мне не нужна вся

эта плата. Мои родители не нуждаются, они и так хорошо работают, и мне столько денег не надо. Можно я их тебе... ну просто отдам, без всяких долгов, обязанностей, просто потому что?

Капитанам вроде платят в два раза больше, чем капралам. А родители Матфея были сборщиками налогов, насколько она помнила из его рассказов. У неё же родителей не было вовсе. Это было логичное решение. Пусть и не хотелось на него соглашаться, но... это же часть заботы? Пусть неловко высказанная, пусть такая странная, но забота. А Матфей действительно хотел именно позаботиться, и ничего больше.

Она медленно кивнула. Пускай. Он действительно будет чувствовать себя лучше.

Видеть радостного Матфея — это было лучшей наградой для неё. Он был таким счастливым, всё это напряжение спало в раз, и... Дэл не выдержала и улыбнулась ему в ответ.

Наверно, это было главным доказательством её любви — она действительно искренне улыбалась ему в ответ.

И солнечный луч из окна скользнул по её лицу, согревая.

Она раскрыла глаза — и тут же зажмурилась от яркого света, пробивающегося сквозь верхушки деревьев.

Губы на мгновение сохранили тень той самой искренней улыбки, которую она показала Матфею. Мгновение — прежде чем она не вернулась мыслями в настоящее. Серое и мрачное настоящее, где давно не было Матфея и поводов для улыбки.

Это было лишь сном. Дурацким и приятным сном, который был во много раз приятней любой реальности.

Лука сидел рядом.

— Не видел никогда, как ты улыбаешься...

— И ещё не скоро увидишь, — пробурчала Дэл и встала.

Боль в боку оставалась с ней, пусть и не мешала движению. Смотреть на рану не хотелось. Да и ничего не хотелось, разве только снова не вернуться в тот самый сон, в котором её ждал чай и Матфей.

— Мы скоро придём, — заявил Лука и принялся складывать свою накидку.

Этот бесконечный путь должен был закончиться. Она не знала, куда и зачем они идут. Но, по сути, никакого интереса к этому она не чувствовала. Настоящий конец пути будет тогда, когда колдун умрёт.

Осталось лишь дождаться этого момента.

Глава 5. (Не)покорная

Дэл крутанула кинжал в своих пальцах, как её научил ещё в академии Брайс, который любил все эти трюки. Правда, после них он долго ходил с перемотанными пальцами, в которых сложно было удержать и вилку от боли. Она тихо посмеивалась над ним, но предпочитала не жалеть. Сам виноват. Она же не жалела себя, когда на одной из тренировок с мечом вывихнула себе руку, в попытках увернуться от чужого удара.

И никто её не жалел, кто-то отводил взгляды, а кто-то — посмеивался и называл неумехой, которой идти бы и стоять на кухне, варить еду.

Она видела трупы этих ребят. Она бы предпочла, чтобы они остались на кухне, а не умирали так глупо. Но никакой злости или злорадства не было. Просто прикрывала им глаза, если они умирали с открытыми, да традиционно читала молитву за спокойствие их души. Какими они не были противными академистами, они были людьми, которые выбрали этот путь. Большинство — с искренней заботой о своём народе.

На крыльце дома было приятно наблюдать за поднимающимся солнцем. В районе жилища колдуна не встретишь ни одной тёмной твари, однако привычка бодрствовать ночью у неё оставалась. А колдун никогда не спал, ему было решительно всё равно. Он сидел с книжками, почти с ней не говорил и давал полную свободу.

Если бы её ждали в родном городе, она бы уже убежала. Да только с этой меткой она не имела права возвращаться к себе, все эти жители не заслужили платить своими жизнями за её детские прихоти. Сначала нужно разобраться со своими проблемами. И она делает это. Она же сказала Брайсу, что постарается, а это было почти равно "обещанию".

Иногда она жалела, что вокруг дома колдуна не было тёмных тварей. Просто существовать, косить траву, тренироваться с деревом или просто заниматься физическими упражнениями было изрядно скучно.

Она перебросила нож из одной руки в другую, да заложила его за пояс. Меч с ножнами лежал в самом доме, около красного угла. Здесь он не был нужен. Дэл встала со ступеней крыльца, напоследок вдохнула холодного воздуха расцветающей природы, да вошла в тёмный дом.

Лука крайне редко зажигал лампы. Ей же просто было удобней ориентироваться в темноте.

Она прошла по коридору, лишь мельком взглянув в зал, где он сидел с книгой. Слишком много он читал. Отдельный шкаф был выделен на книги, самые разные, но судя по пыли на них, не все из них он часто перечитывал. Однажды она не выдержит и сотрёт всю эту надоедливую пыль. А пока она прошла мимо зала и мимо книжного шкафа, да открыла дверь комнаты, которую выделили в этом доме ей.

Маленькая комната с удобной кроватью и сундуком для вещей. А ещё она прибила гвоздь, на который можно было вешать куртку. Так она и сделала, оставшись в рубаше, да рухнула на кровать. Позже она обязательно постирает и её сменит, но пока... она прикрыла глаза, поближе придвинулась к стене и попыталась выкинуть все мысли из головы.

Каждый раз это давалось ей всё сложнее и сложнее.

Раньше она быстро засыпала, ибо приходила уставшая и насытившаяся битвами да кровью. Сейчас же она долго крутилась на кровати, постоянно крутила глупые мысли в башке, да прислушивалась к звукам в доме. При большой удаче можно было услышать, как

Лука перелистывал страницы в своих книгах.

В этот раз она ничего не слышала, выровняла дыхание и так долго дышала, пытаясь уснуть.

Кто-то мягко коснулся её плеча, от чего по телу пошли мурашки. Она раскрыла глаза и увидела стоявшего над ней Луку — небритого, чуть сонного и серьёзного.

— Пойдём выйдем!

Она нахмурилась, но ничего не сказала — молча вскочила с кровати, натянула сапоги, да пошла вслед за колдуном. Странно он себя вёл... они вышли на ещё тёмную улицу, где было самую малость прохладно. Она поёжилась с непривычки, дёрнула повыше молнию куртки, да машинально до нашивки дотронулась на левом плече.

Она спустилась с крыльца, оглядела покачивающиеся деревья, и повернулась молча к Луке, который в руках держал большую палку.

— Доставай меч! — коротко приказал он.

Она прищурилась и медленно проговорила:

— Он же там...

— Как и куртка, которую ты на крючок повесила. Но она же сейчас на тебе.

Дрожь prošлась по телу. Она взглянула на рукава и вспомнила, что ложилась она совершенно точно не в куртке. Что за чепуха?

— Это сон, здесь другие правила, так что доставай меч...

Она медленно направила руку к бедру, около которого всегда висел меч и... почувствовала холодную кожу ножен. Это совершенно противоречило реальности. Но это же был сон. Такое здесь привычно. Она коснулась рукояти, на ощупь такой реальной, и вытащила из ножен меч.

Лука выдвинул ногу вперед, да перехватил поудобнее палку. Она вспомнила, как тот сражался с ней веткой, поднятой с земли, и тяжело вздохнула. Бесов колдун. Она сжала рукоять меча и рванула прямо на него, целясь в район шеи. Этот удар он отразит.

Так и вышло. Меч скользнул по палке, словно та была из железа. Как и тогда.

Она отразила мечом его удар, после чего постаралась его пнуть. Ничего не вышло — лишь равновесие потеряла, и это едва не вышло ей боком. Следующий удар она едва не упустила, однако тело среагировало — и палка ударила по земле, и она, ведомая инстинктом, наступила на палку и резко взмахнула мечом в сторону его груди.

Самый кончик лезвия прошёлся по одежде, разрезав её. Судя по каплям крови, она все же ранила его, пусть и не глубоко. Она убрала ногу с палки, да попробовала следующий удар нанести по голове, но тот снова подставил свое оружие. Тварь. Она усмехнулась, и нанесла два резких удара почти одновременно. Не вышло — он ловко увеличил расстояние между ними, она просто не дотянулась. Зато успела вытащить с пояса кинжал в левую руку, да метнуть в сторону Луки.

Тот ожидаемо увернулся. Ровно в ту сторону, куда она и хотела. Колющий удар в ту сторону.

Меч как-то слишком легко вошёл в его живот. Палка выпала из рук. Кровь. Она улыбнулась, перехватила рукоять двумя руками да нажала сильнее, чтобы меч прошёл ровно насквозь. Да. Она ждала этого момента.

Лука упал на колени, за живот схватился. Взгляд крови, вытекающей быстро из неё, был таким заворачивающим. Она тихо рассмеялась. Неужели... это произошло? Лучше, чем в её снах.

— Тебе... это действительно нравится? — проговорил еле-еле Лука.

— Очень! — призналась Дэл.

Она выпустила рукоять клинка, да подняла свои окровавленные ладони. Кровь колдуна. С каждой секундой, что она смотрела на это, становилось всё легче и легче. Как же ей это нравилось...

— Почему ты не добила?

Дэл тяжело вздохнула, да машинально потёрла переносицу. Его голос изрядно бесил.

— Бесполезно. Это ведь сон, верно?

— Верно, — с усмешкой проговорил Лука.

Она подняла взгляд от своих ладоней, да увидела, как совершенно невредимый колдун держал в руках её окровавленный меч за лезвие и внимательно его изучал. Счастье было таким недолгим... она бросила взгляд на свои руки. На них ещё оставались капли его крови, пусть и на деле она бы не смогла его проткнуть. Магия мешала.

Снова бы пронзить его, да только смысла в этом не было.

— Я и в самом деле рад, что смог тебя немного осчастливить, — признался Лука.

— Так подари мне вечную радость, и умри наконец, — проворчала Дэл.

Он улыбнулся слабо, да крутанул меч в руках. Впрочем, хват у него был какой-то странный, словно в руки никогда его не брал.

— Нет ничего вечного на этой земле.

— А как же эта война?

Лука снова схватил её меч за лезвие и придвинул поближе к лицу, словно хотел изучить каждую зазубрину. И с чего он проявил такой интерес к её мечу?

— Она ведь тоже началась когда-то давно. И конец у неё будет — до полного уничтожения колдунов, или же людей.

— Колдунов? То есть... это вы создаёте тёмных тварей?

— Ага, — рассеянно проговорил Лука, проводя пальцем по лезвию.

— И из-за вас все умирают?

— Ага.

Удар кулаком в лицо заставил его выронить из рук меч. Колдун отшатнулся, схватился машинально за лицо и взглянул испуганно на Дэл, которая сжала кулаки покрепче. Она прищурилась злобно, да прямо в эти тёмные глаза взглянула, в которых был испуг, смешанный с удивлением. Не ожидал?

Ударить бы ещё раз, и ещё.

— И ты в этом так легко признаёшься?

Он нахмурился, а потом вдруг стукнул себя ладонью по лбу и проговорил:

— Точно! У тебя же эти... чувства! Как я мог забыть?

— А у тебя их нет?

— А зачем?

Вопрос выбил её из колеи. Она открыла рот, чтобы резко ответить, но слов сразу же не нашлось. И со второй попытки она не смогла придумать достойный ответ. Вопрос же глупый, даже детский.

— Чтобы был хоть какой-то смысл в этой жизни, — наконец выдала она.

— Я лишь выполняю волю Морры, мне не нужно придумывать свой смысл.

Она приподняла брови. Странное имя, которого она ещё не слышала.

— Кого?

— Творца нашего мира... ты не слышала разве?

Она резко мотнула головой. Мысленно ещё раз произнесла это имя и вздрогнула: звучало оно как-то не очень хорошо и непривычно. То ли дело Ишта, или Тах... хотя и в этих богах она разочаровалась. В последний раз она молилась, наверно, перед тем самым последним сражением, когда побежала навстречу бесову колдуну, который оказался не таким слабаком, которым хотел постоянно показаться.

— Ты очень хорошо сражаешься. У вас все так умеют?

Она вздрогнула от резкой смены темы. Вспомнила удивлённые глаза Лекса, когда она впервые взялась за деревянный меч в Академии, и смогла за несколько секунд ударить по всем двенадцати слабым точкам, которые любезно нарисовали им на манекенах преподаватели. Вспомнила, как первый раз ударила тёмную тварь прямо в то место, где у неё были глаза, и кто-то позади восхищенно выдохнул. Вспомнила недавние слова Брайса, что её считают земным воплощением бога войны Ишты, и хмыкнула.

С самого начала она была особенной в том самом искусстве, которое было нужнее всего для её народа — в убийстве. И признание этой особой силы было всегда.

— Да, все умеют! — отрезала она.

Как жаль, что более ничего, кроме взмахов мечом, она в своей жизни не умела. Например, читать книги, или нормально общаться с людьми.

Она схватилась за свой меч, да пошла в сторону речки. Пусть это был и сон, но было бы хорошо, если бы она сполоснула меч от крови. Пусть даже и кровь была колдуна, которого она ненавидела даже больше богов этого мира.

Жаль, что с рук придётся тоже смыть эту кровь. На них бы она её оставила, чтобы любоваться.

В следующий раз она его перережет ему горло.

Дэл открыла глаза. Ни меча в руках, ни крови на ладонях не было, а лишь смятое одеяло и куртка, висящая на прибитом ею гвозде. И первым, о ком она подумала, был почему-то Лекс. Вспомнился его истошный крик, который заставил её обернуться.

Тёмная тварь сосредоточенно ела его ногу.

Та самая тварь, которых и создавали в таком количестве колдуны. Кто знает, может, пока она спала, Лука ходил и снова воскрешал тех самых тварей, которых убивали солдаты. Она прикрыла глаза и вспомнила его уверенное "Я лишь выполняю волю Морры". Кто он такой? Почему про этого бога она ни разу не слышала?

Надо бы узнать, в чём заключается воля этого бога.

Она встала резко с кровати, да начала махать руками, дабы кровь разогнать и проснуться. Сквозь окна пробивался солнечный свет, день был в самом разгаре, а возможно, уже и к концу подходил. Неважно. В этом доме дни текли слишком медленно, словно густой кисель. Она накинула на себя куртку, привычно коснулась нашивки на плече, да пошла в сторону выхода.

В дверях зала стоял Лука с её мечом в руках. Взгляд у него был какой-то странный, словно он в чём-то провинился. Странно.

— Я не хотел, чтобы это произошло так быстро, — он протянул ей меч рукоятью вперёд, держась за лезвие.

Она молча взяла, не показав своего удивления. Рукоять была чуть-чуть мокровата... тренировался?

Лука положил ей руку на плечо. Она вздрогнула от резкого жеста, попыталась

отшатнуться, да только плечо он сжал и не отпускал. В его тёмных глазах она отражалась слишком отчётливо — испуганная девочка, не более. Он тихо и внушительно проговорил:

— Сражайся за меня!

Голова закружилась от этих слов. Дэл рефлекторно сжала меч в руках. Столько вопросов вертелось на языке, но она лишь молча кивнула и пошла в сторону выхода, примерно представляя, что там её ждет.

Тёплое вечернее солнце скользнуло по её голове. Ветер не шевелил листья, и птицы замолкли в лесу. Лишь редкий хруст ветвей под чужими ногами ломал тишину. Бес подери... она же не будет этого делать. Она не станет.

В кустах мелькнуло серое пятно — военная гимнастёрка. Солдаты. Сколько их? Она прикрыла глаза, попытавшись сконцентрироваться. С трех сторон точно слышны тихие звуки, возможно, с другой стороны тоже кто-то есть, но этого утверждать она уже не могла.

Прерывистое дыхание с левой стороны, и громкий топот ног. В её сторону.

Звон железа. Она подставила клинок под удар и обернулась, чтобы увидеть тяжело дышавшего паренька, который при виде её удивленно округлил глаза. Второй рукой она вытащила кинжал, и, скользнув в бок, ударила его в спину.

Не ожидал. Неопытный... или просто не привык сражаться с людьми. Впрочем, на нашивке были полосы рядового, а значит... свист воздуха заставил её резко припасть к земле. Сразу несколько стрел пролетело мимо головы. Начался бой. Она выхватила из ослабевших рук паренька его небольшой меч, да рванула в сторону кустов, откуда полетели стрелы.

Песнь стали была недолгой. Три взмаха на одного человека. Иногда хватало и двух. В один раз одним смогла задеть сразу двоих. Боль в их криках временами заставляла дрогнуть руку с мечом. Это же не она была.

Будь её воля, она бы руки подняла, да пошла бы вместе с ними рубить колдуна. Но воли её больше не было.

Она лишь наблюдала за тем, как на автомате уворачивалась от лезвия, да подставляла свое собственное. Будь её воля, она бы подставилась, да истекла кровью на этой поляне. Но тело знало своё дело — бей-уворачивайся-бей-защищайся. И лишь когда на поляне замерли звуки, кроме чьего-то громкого кряхтения — наверно, это были последние их звуки, — она смогла опустить меч, да за дерево схватиться.

Убивай-беги.

Возле того паренька, в которого она вонзила меч первым, уже мухи летали. Прошло так много времени? Она подняла усталый взгляд на небо, которое уже заливалось кровью, глядя на неё.

Меч сам выпал из ослабших рук. Дэл уткнулась лицом в дерево, да посильнее, чтобы дышать стало тяжело, чтобы ничего не видеть. Сколько раз она была тёмных тварей — иногда с каменным лицом, иногда с лёгкой усмешкой, иногда — с яростной гримасой. Сколько раз она лишала жизни тварей, и ни разу не было так... легко, как в момент битвы, и так тяжело, как прямо сейчас.

На сей раз она не сдерживала слёз, просто кричала в дерево, и била его же, чтобы выплеснуть эту тяжесть хоть куда-нибудь. Три простых движения на то, чтобы лишить человека будущего, а его родных — спокойного сна. Бес подери... она ударила со всей силы по дереву. А потом ещё. И снова. Она не заметила, как стала лупить его ногами и руками, закусив губу.

Удар. Ещё один. И ещё.

Резкие. Отрывистые.

Боль не отрезвляла. Лишь ещё сильнее ослепляла, заставляла сильнее бить.

Она даже не смогла помешать этому. Она даже не попыталась, молча отдавшись на волю проклятого колдуна. Каждая смерть останется на её совести. Все проклятия матерей и их друзей долетят до неё, и останутся с ней, она их заслужила.

Какая же она слабая... может бить несчастное дерево, а хотя бы пощечину отвесить колдуну не сможет.

Она ничего против него не может.

Дэл оторвалась от дерева наконец, оглядела красными глазами трупы. Тело ещё дрожало от злости и ненависти.

Она обязана была это сделать. Прикрыть им глаза для последнего пути, попросить тихо прощения, да меч в руки вложить. С каждым взглядом на перекошенные лица хотелось разрыдаться прямо на месте, но она лишь кулак сжимала, да тихо просила прощения. Каждая смерть останется на её совести.

Кинжалом она отрезала с каждой гимнастёрки по нашивке, да в карман клала. Скоро от этих ребят останутся лишь кости, да память у близких.

У неё тоже должна была остаться память. На плече одного из них она заметила нашивку с капральским косым крестом и... она опустила взгляд на его лицо. Будь волосы немного темнее, да черты чуть тоньше, можно было бы спутать его с Матфеем.

Интересно, переживала ли тёмная тварь, когда убивала его?

С каждым взглядом на убитых она сама себя же втаптывала в грязь. Они не заслужили этого. Их родные не заслужили этого. Они же всего лишь солдаты, которые давали клятву сражаться за народ против тёмных тварей, не против людей. Она давала такую же клятву, глядя в небо и держа ладонь возле сердца, и верила, что Ишта и в самом деле слышал её.

Дэл подняла взгляд на покрасневшее ясное небо. Интересно, наблюдали ли за ней боги? Как им была вся эта картина? Понравилась ли им? Или они смотрят за людьми, как за героями кинокартин, и делают ставки: кто справится со всем этим, а кто умрёт в этой схватке.

Никто не заслужил такого равнодушия от этих богов.

Она прикрыла остекленевшие глаза капралу, да громко выдохнула. Возможно, к этим ребятам они будут более благосклонны, чем к ней.

Дэл медленно поднялась с колен, да пошла вымыть руки в сторону реки. Смотреть на них, обagrённых невинной кровью, было тошно. В холодной воде ранам стало больнее, ожидаемо, она зашипела, но не перестала яростно их тереть, чтобы ни одной капли не осталось.

Потом пришёл черед окровавленной куртки, из кармана которой она вытащила все срезанные нашивки. Всю свою злость она приложила к стирке. Но пятна на чёрной куртке были плохо видны. Наконец она вытащила из реки куртку, да пошла в сторону.

На поляне стоял одинокий колдун с её мечом в руках. Она лишь опустила взгляд, да пошла к крыльцу, чтобы на его перила повесить куртку. За ночь она вряд ли высохнет, но так было лучше.

— Ты не хочешь омыть своё оружие? — спросил он.

Тяжелый вздох. Медленно Дэл обернулась и проговорила жестко:

— Он мне больше не нужен.

От собственных слов защемило сердце. Больше всего у неё получалось именно махать мечом, и сегодня она это продемонстрировала во всей красе, как бы не хотелось делать этот смертельный спектакль. Но даже эта радость теперь не принадлежит ей.

Чем сильнее она, тем меньше шансов убить колдуна и дать ей свободу у других. Бесова ловушка. Жаль, что она не могла проткнуть этим мечом колдуна напоследок. В тёмном коридоре она смогла дать волю чувствам, и ударить ногой по шкафу с книгами. Тот устоял, но часть книг попадало на пол. Она даже не опустила взгляд, чтобы посмотреть на это.

В своей комнате она рухнула на кровать, да вытащила из кармана солдатские нашивки. Двенадцать штук. Одна из них — капральская, точь-в-точь, как на её плече, как на плече Матфея. Что бы сказал на это Брайс? Опять бы нелепо пошутил, или бы обнял её и сказал, что в этом она не должна себя винить? Впрочем, ей было всё равно.

Она должна себя винить.

— Ты не должна себя винить.

Дэл прикрыла глаза. В руке осталась капральская нашивка. Ни желания, ни ненависти, ничего не осталось.

— Ты слышишь меня, Дэл? — она почувствовала прикосновение к своей щеке и открыла глаза.

Мир расплывался перед глазами. Матфей расплывался перед глазами, казался каким-то нереальным, словно был дурацкой картинкой. Ах да, он же умер. Она рассеянно улыбнулась и сказала:

— На меня подобные фокусы не действуют, Лука.

Он лишь пожал плечами, а в следующее мгновение она снова вскочила с кровати, чтобы кулаком в очередной раз зарядить по лицу. И снова. И снова. С одной, с другой стороны.

— Ненавижу! Тварь! Сволочь! Чтоб ты сдох! Ублюдок!

Костяшки ныли, просили прекратить. Лука не сопротивлялся. Лука был настоящим, и кровь на её кулаках была настоящей. Она видела, как его нос неестественно повернулся, как один глаз заплыл в огромном синяке, как один зуб откололся и на её руке оставил длинную царапину.

Она его с упоением била, но с каждым ударом гнев утихал. Были пределы. Были. Когда очередной раз она моргнула, то заметила слёзы в его зелёных глазах. Не его. Очередные фокусы. Но ударить она его больше не смогла. И не потому, что какая-то магия мешала. И даже не потому, что она никогда бы не смогла ударить даже фальшивого Матфея.

Просто потому что это не имело никакого смысла.

Потому что бить нужно было только себя.

Несколько минут назад она лишила жизни двенадцать человек.

В глазах потемнело. Не от этой мысли — она уже потихоньку становилась с ней единым целым. Не от отчаяния. А от истекающей крови из раны в боку, которую ей оставил один из тех солдат.

Наверно, если она умрёт, то это будет правильно.

Глава 6. Выгоревшая

Лезвие вошло в глотку, кровь на лицо брызнула, она лишь прищурилась и заметила в глазах паренька удивление. Он ничего не понимал. Так и упал, с немым вопросом в глазах. Она нагнулась, чтобы срезать нашивку с него, и заметила в остекленевших глазах отражение своих собственных глаз, сверкавших странным красным огнём. Точь-в-точь как у тёмных тварей. От этого зрелища она постепенно отшатнулась. Нет. Нет. Это было неправильно.

Дэл проснулась от резкой боли в боку. Повернулась и заметила, как на простыни остался след крови. Её собственной крови. Походу, рана открылась. Она скривилась, но решительно ничего не сделала. Прикрыла усталые глаза, да тяжело вздохнула. Она молчала, когда колдун её перевязывал. Она молчала, когда он её трогал — хотя каждое его касание к её коже причиняло большую боль, чем любая рана после того сражения.

— Не смей, — произнесла она, лишь когда он вытащил какую-то склянку с мазью.

— Это не опасно...

— Мне плевать, — отчеканила она, приподняв подбородок.

Она прекрасно знала, что это была всего лишь заживляющая мазь. Именно поэтому она и отказывалась.

На пальцах остались пятна от собственной крови. Она подняла эту руку и внимательно на неё взглянула. Коротко остриженные грязные ногти, куча шрамов разной величины, да тёмные пятна. Она усмехнулась и снова закрыла глаза. Плевать.

Встать и что-либо делать не хотелось. Всю оставшуюся жизнь она бы лежала на этой кровати, ворочалась и тревожила бы свои раны, лишь бы не подниматься и не пересекаться взглядом с проклятым колдуном.

Если прикрыть глаза и подключить воображение, то можно было представить, что она находилась не в доме колдуна, а в палатке целителя, где опять ручкой по бумаге шуршал Брайс, производя вид серьёзного человека, пока она честно пыталась не шевелиться на кушетке. Впрочем, когда он открывал рот, то ощущение и в самом деле пропадало.

— Просто не нужно было лезть на рожон, дура ты тупая... — пробормотал он тихо, заметив на лице её отголоски боли.

— Завались, Брайс! — она закатила глаза.

Нет, если бы он не открывал рот, она бы могла в него даже влюбиться — высокий, светловолосый, крепкий, выглядел как идеал мужчины, да только мозгами боги его не наделили. А ещё у него была хорошая невеста, которую он встретил не в Академии, а на родной улице. Наверно, приятно жить мирной жизнью, пока где-то вдалеке люди убивают тёмных тварей и гибнут от них же.

Она бы так не смогла. Поэтому она и стояла каждый вечер у Ворот, выглядывая знакомые лица и хватаясь за рукоять меча. Она без этого всего не была бы собой. Раньше она думала, что и Лайза такая же — хоть душа тревожилась за такую хрупкую, пусть и энергичную девушку. Но вскоре её выделили при каком-то задании, и она быстро пошла по служебной лестнице, сначала став капитаном спецотряда, а потом дошла и до Штаба со своими гениальными мозгами.

Как Лайза говорила, она не скучала по вылазкам за ворота. Скучала лишь по Матфею.

Никаких тварей она больше не встретит — они не ходят возле домов колдунов. В следующий раз меч она поднимет лишь на людей. Она бы хотела, чтобы этого раза больше

не настало.

В темноте она видела их глаза, немой укор в них, да сердце начинало колотить от этого. Иногда среди глаз этих встречались зелёные, хорошо знакомые, в которых она тоже видела обиду. Временами она снова хваталась за их нашивки, часть из которых были испачканы кровью, и пересчитывала их. Двенадцать.

Среди них всегда выделялась капральская.

Если это был отряд, то его должен был возглавлять капитан. Но его тела она так и не увидела. Убежал? Она усмехнулась — кто-то же должен был заявить о провале операции.

Ни одного знакомого лица среди мёртвых она не встретила. Да в такие дали их отряды никогда не забирались. Возможно, из другого города, который мог быть и ближе к ним. Она усмехнулась. Возможно, в следующий раз отряд придёт побольше. Скольких она сможет убить? Может, они выстроят адекватную тактику, и смогут её завалить и убить, чтобы не мешалась.

Как ей хотелось, чтобы так и произошло. Как можно быстрее. А потом добрались и до самого колдуна.

Она улыбнулась этим мыслям. Только жаль, что она хоть немного не сможет поддаться им.

Дверь скрипнула, за ней показался Лука, опирающийся на косяк. Она нервно сглотнула, да взгляд отвела. От бессильной злости она уже устала. Всё равно уже ничего не сможет сделать.

— Ты слишком хорошо сражаешься, чтобы это бросить.

Дэл устала спорить, много говорить, да и просто устала. Она лишь смогла усмехнуться этим словам. Звучало так, как будто колдуну было действительно не плевать.

— И Морра довольна тобой, Дэл.

Она вздрогнула, снова услышав это странное имя. Только дрожь была не от страха, а от напавшей на неё злости. Проклятые боги тёмных тварей, как там... он выполняет волю Морри? Неужели, она теперь тоже становится её орудием? От этой мысли сплунуть захотелось.

— Я не верю в богов, — проговорила отчётливо она.

— Зато они в тебя верят.

Она усмехнулась. Сколько молитв она адресовала Иште, искренних и проникновенных, выученных наизусть? И сколько до него дошло? А сколько раз Матфей перед ней читал молитвы, наверняка искренне, веря в наблюдающего за ними бога? Помогло ли ему это под тем деревом, когда тварь вонзила когти в его грудь и лишила жизни?

— Я смыл кровь с меча, он снова чистый.

Дэл даже взгляда на него не подняла. Меч уже никогда не будет чистым, он уже лишил жизни людей, испробовал их крови. Никакого смысла.

А был ли он когда-нибудь чистым? Она подняла свои руки, на которых следы уже от её собственной крови. Она так старательно смывала грязь да кровь, что даже не задумывалась, что она навсегда останется с ней, никаким мылом и водой этого не смыть. Ведь лучше всего на свете она умела лишать жизней и не думать об этом. Впрочем, последнее недавно дало сбой.

— Так прикажи мне его взять. Я снова пойду, возьму меч, весь мир убью по твоей воле. Могу даже пытки устроить. Детей резать. В младенцев стрелять. Старикам головы отрубать. Всё по твоей воле... — она сделала глубокий вдох и произнесла медленно. — Хо-зя-ин.

Нужно было признать очевидное абсолютно всем, кроме неё. От этого ей уже не сбежать, ничего не сделать, только жить дальше и уходить в мечты, где она убивает колдуна, возвращается домой, обнимает Лайзу и снова входит в палатку к Брайсу. Но это лишь останется мечтами.

— Первый обладатель этой метки не считал себя рабом. И хозяином никого не называл. Правда, раз ты про Морру услышала в первый раз, то про Дамокла уж тем более не слышала. Он был близким другом одного из могущественных колдунов, доблестно сражался с ним, пока однажды войско не оказалось слишком большим, ни один человек не смог бы побороть его. И тогда взмолился Дамокл хотя бы о части силы, какой обладал его друг-колдун, лишь бы помочь ему в сражении.

Она скривилась, очередной поток слов о несуществующих персонажах, придуманный миф для умасливания чужих ушей.

— Но за всё нужно платить. И связал их жизни Дионисий крепкой связью, которую ничем, кроме смерти, нельзя было оборвать. Дамокл смог сражаться с неистовостью и удачливостью колдуна, и смог помочь ему разбить войско. И жил он с этой меткой очень долго, но отныне ни о ком не мог он думать, кроме того самого колдуна. Когда умер колдун, наложил и он на себя руки. С тех пор печать и называют Дамокловой дланью.

Глупая легенда. Дэл тяжело вздохнула. Будь она немного глупее, то могла бы и поверить, но... этому колдуну нельзя было верить, не просто так он ей сказки рассказывает, у него был наверняка очередной план, в котором она ему нужна.

— У нас другая легенда про Дамокла.

Лука подошёл к ней и проговорил, глядя в глаза:

— Я не хочу делать из тебя раба. Твоя боль — она и моя тоже.

Дэл не выдержала, рассмеялась громко прямо в лицо колдуну. Так нагло врать ей в лицо, словно... она вспомнила, как он в первый раз назвал её "девочкой". Да, врал, как девчонке.

А ещё она вспомнила его же слова про "чувства", и про то, что у него их не было. Сам же запутался в своей лжи, бесов колдун. Она ухмыльнулась:

— Если у тебя есть чувства, то советую быть аккуратней — боль бывает не только физической.

Последовал тяжелый вздох.

— Я уже понял это...

От одного этого погрузневшего лица колдуна на душе стало значительно легче. Однажды она найдёт его слабое место, и наступит на него как следует, от всей души. Сколько боли людям причинил он... сколько на счету его тварей было смертей? Возможно, кто-то из его созданий лишил жизни Матфея и ног — Лекса.

Лекс.

Дэл скривилась при одном воспоминании о весёлом балагуре, который превратился в калеку с потухшими глазами. Он никогда не винил её в произошедшем, когда она заходила к нему в гости, чтобы прибраться и принести еду, он даже пытался улыбаться и рассказывать радостным голосом о своих новых увлечениях. Даже показал игрушки, которые вырезает из дерева для местных детишек. Но в глазах его была лишь бесконечная тоска.

Она могла бы всё исправить, обернись чуточку раньше. С одной ногой ему было бы проще, можно было бы сделать протез, и он был бы почти как обычный человек. Пусть и не воин, но хотя бы простой человек. Но он отныне передвигался на коляске, а чаще — сидел у

себя дома, принимал гостей и скрывал боль за радостным голосом.

И в этом тоже был виноват Лука.

Убить бы его, да руки не поднимаются. Зато убить ради него — с превеликой радостью.

Она вздрогнула от резкой мысли, пришедшей в голову.

И вслед за ней вздрогнул Лука.

— Даже не смей.

Она приподняла брови, а потом вспомнила: он же знает абсолютно всё, что творится у неё в голове. И эту мысль он прочитал довольно быстро.

— И что ты со мной сделаешь?

Лука прищурился, словно бы изучая её — блеф ли это, или нет. Раньше эти мысли она отбрасывала, всё-таки слишком много незаконченного было на ней каждый раз. Теперь же сама судьба подсказывала, что этот путь был бы самым лучшим.

Он откашлялся и проговорил серьёзно:

— Я превращу тебя в настоящую игрушку колдуна. У тебя не будет ни своих мыслей, никаких чувств, никаких желаний, кроме одного — угодить своему... хозяину.

Она вздрогнула. При одной только мысли об этом становилось не по себе... а потом она вспомнила свои слёзы у дерева, стоило только вспомнить о том, что она сделала с теми ребятами. Сколько раз она успела увидеть их во снах, попросить у них прощения, да только трупам уже всё равно на твои слова. Сколько раз она плакала, вспоминая, что могла бы просто тогда пойти в ту же сторону, что и Матфей, и смогла бы спасти. И как она себя винила в том, что случилось с Лексом.

Она улыбнулась сквозь щемящую боль в сердце и проговорила:

— Я только за.

Лука громко захлопнул за собой дверь. Не выдержал, бедненький, её напора. Она же упала спиной на кровать, да прикрыла глаза. В какой момент она настолько потеряла стремление быть, что сказала такое? Самое страшное, что это молчаливое ожидание своей участи в ней теплилось до сих пор. Возможно, лишиться своей воли было лучше, чем снова и снова лежать на этой кровати, прокручивая в голове прошлое, без шансов изменить настоящее и будущее.

Дэл наконец засмеялась, уткнувшись в подушку. Смех нервный, плавно переходящий в слёзы. Она ничего не понимала, но отдалась целиком и полностью этой странной эмоции, отдав ей весь контроль. Страшно и легко одновременно. Это длилось, кажется, целую вечность, прежде чем слёз совсем не осталось, и она смогла спокойно обнять подушку и закрыть глаза.

— Тебя никогда не слышно... типа, тебе даже весело не бывает, или что?

Она подняла голову от земли, на которой лежала после кучи отжиманий, и увидела Лайзу, с интересом на неё смотрящую. Дэл нахмурилась, уж очень не понравился ей этот взгляд — будто на диковинную зверушку.

— А зачем тебе меня слышать?

Рыжая девочка на это плечами пожала, что показалось ещё более странным. Разговор был каким-то неловким с самого начала.

— Мне кажется, ты интересная, — наконец выдала она.

От этих слов стало как-то светлее на душе. Давно ей такого не говорили. Лишь в начале года, когда она на первой тренировке схватилась за деревянный меч и почти уложила того лохматого старшего парня. Лишь простая неопытность заставила её раскрыться, и в итоге

получить в открытое место лёгкий укол. После этого поединок прекратили, но новые ребята с такими глазами на неё смотрели, что она даже испугалась. Оказалось, что вот так сражаться для них было очень сложно, всё-таки меч (пусть и деревянный) довольно тяжёлый, им сложно правильно бить, и особенно быстро двигаться.

А тот самый старший парень со смешным именем назвал её "интересной". На его рукаве болотного цвета красовалась гордая нашивка воина, пусть и рядового. Похвала от настоящего воина была в сто раз ценнее, чем вот эти взгляды и восклицания от её знакомых новичков.

— Ммм, понятно, — протянула Дэл и поднялась на руках с земли, чтобы повторить упражнение.

Она должна стать сильнее, стать настоящим воином, чтобы выйти за ворота. Она повторяла это себе каждый раз, когда валилась с усталости, когда крамольная мысль бросить занятия в голову приходила. Она должна стать сильной. По вечерам она хватала палку и пыталась имитировать сражения с мечом. По утрам она бегала несколько кругов, прежде чем курсанты приступят к заданию. Она должна была стать сильной.

— А зачем?

Она поднялась с земли и увидела знакомый высокий силуэт колдуна. Бес его подери. Она стряхнула с рубахи грязь и проговорила:

— Чтобы стать сильнее.

— А зачем?

Она вспомнила, как тот же самый вопрос ей задала Лайза после второй вылазки за ворота. Они разговорились по пути домой, и она спросила её о смысле всего этого. Тогда она ответила, что хотела выйти за ворота и не умереть там.

С этого момента прошло почти семь лет. Точно также она не могла ответить на этот же вопрос.

Поэтому пришлось задуматься, прежде чем Дэл не сказала:

— Наверно, чтобы защитить свой народ.

— Когда в последний раз ты думала о всём народе?

Она закусил губу. Смысл в этих словах определённо был, да только теперь ещё сложнее подобрать точный ответ.

— Значит, чтобы защитить своих друзей.

— А они нуждаются в твоей защите?

Она прикрыла глаза. Брайс никогда так и не встретился с опасностью, отсиживаясь в палатке целителя. Уже лет пять Лайза сидела в Тактическом штабе безвылазно, придумывая новые стратегии и принимая важные для народа решения. Лекс... а его она не успела защитить, как бы не старалась.

— Может, сам ответишь на этот вопрос?

Лука усмехнулся, руки скрестил на груди, да проговорил рассеянно:

— На мой взгляд, это лишь твоя внутренняя потребность, в которую заложил в тебя бог. Тебе просто хочется быть сильной, чтобы преодолевать трудности, в которые тебя втягивает твоя душа.

— Я не верю в богов, — в очередной раз повторила Дэл.

— Я не могу разделить с тобой этот атеизм. Я видел бога, я слышал его волю и... приятно, когда в тебя верит высшее божество, особенно такое благосклонное, как Морра.

Она скривилась от странного слова, смысл которого не знала. Любил же этот колдун говорить мудрённо. От этого даже подташнивает.

— Кто такой этот Морра?

— Скорее, такая, — поправил её Лука. — Богиня мудрости и справедливой войны, а мы — её ангелы, дарующие этому миру её волю.

Дэл нахмурилась. Она крайне редко ходила в местные храмы. ибо не любила длинные проповеди жрецов, предпочитая молиться богам у себя дома в тишине, а не под слова дедов в странных мантиях.

— Использование магии не выглядит как справедливая война, когда против тебя — люди с мечами и револьверами.

— Твоя особая сила тоже не делает сражение против тебя честным, однако...

— Какая сила? — резко прервала она его речь.

Лука резко схватил её за руку, развернул ладонью вверх, от чего она ойкнула. Ладони были грязными от лежания на земле, но он легко отряхнул их и проговорил:

— Эти руки знали рукоять меча ещё до того, как ты ходить научилась, — он поднял на неё какой-то странный взгляд. — И кровь они на себе чувствовали даже раньше, чем ты сказала слово "мама".

Лука выглядел безумцем, особенно, когда в глазах блеснуло хорошо знакомый огонёк. Как у тех тёмных тварей. Она инстинктивно сжала ладонь в кулак. Слова его звучали весьма... странно. Первый раз она взяла меч на первой тренировке в Академии, и никак не раньше.

— В твоих глазах виден огонь богини Морры. Я не знаю, кто такой твой Ишта или Птах... возможно, какой-то бесполезный идол, который держит вас в подчинении городу. Но этот огонь я не перепутал бы ни с чем.

Она смеялась со слов Брайса, когда он рассказывал слухи о ней. Кто-то в городе и в самом деле считал её воплощением Ишты на земле. Она же просто делала свою работу — перед ней молилась именно Иште, считая его своим покровителем. Ну не богу-творцу же молиться, ибо она всегда разрушала, а не созидала.

— Ты видел эту... Морру?

Лука серьёзно кивнул.

— Она стояла ко мне спиной, но я буквально чувствовал её взгляд на себе... не спрашивай, как это. Я недолго смотрел на её спину, а потом взгляд опустил в пол. На всякий случай. Она мне и сказала, что есть особые люди, кроме нас троих, и чтобы я внимательно смотрел по сторонам.

Она нервно сглотнула, на секунду представив — как бы она себя повела, если бы встретила Ишту. А существует ли он на самом деле? Вдруг и в самом деле, их всё время обманывали, рассказывали про несуществующих богов, пока они боролись с тёмными тварями.

— А зачем она хочет убить людей?

Он приподнял брови:

— Ты о чём?

— Мы говорили про вечную войну. Вы творите по её воле этих тварей. Они убивают людей. Значит, она хочет нас всех убить, и... вы помогаете ей в этом.

Лука медленно покачал головой.

— Я потом расскажу тебе. Только скажи для начала: куда ты идёшь?

Она заскрежетала зубами — опять он со своими загадками. Видел же, что она стоит на месте, куда она может идти? Или... она нахмурилась, потихоньку осознавая, о чём он может

говорить.

— Я понял... спрошу в другой раз, — улыбнулся Лука и отпустил наконец её руку.

Дэл потеряла переносицу, пытаюсь найти наконец ответ на этот вопрос. Идти... наверно же имелось ввиду, куда она вообще шла? По жизни, верно? Она прикрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться. Но сейчас она не была ни в каком движении, она просто была привязана к Луке, без возможности вернуться в город.

Город. Она медленно сглотнула.

Она всегда возвращалась в свой город, чтобы не происходило, как бы ей не нравился лес. И прямо сейчас она более всего хотела оказаться среди знакомых лиц, без всякой метки и продолжать выходить на вылазки. Она всегда возвращалась домой.

Она открыла глаза уже в своей комнате. Она всегда знала ответ на глупый вопрос колдуна, просто не хотела отвечать честно. Только какой смысл в этом ответе?

Дэл прикрыла уставшие глаза. Этот ответ был тем самым ключом, который мог бы освободить её из лап колдуна. Но после произошедшего... будет ли она свободной? Она же до конца своих дней будет думать о тех ребятах, погубленных ею тогда на поляне.

Она такая же тёмная тварь, как и этот проклятый колдун. Наверно, в этом и заключался весь его замысел.

В комнате потемнело. Стало ощутимо прохладней. Она потянулась не за одеялом — за той самой чёрной курткой, которую напоследок подарил ей Брайс.

Она вспомнила его смех и слова «Кто тебя там согреет? Твой колдун?». Он всё-таки оказался прав. Даже удивительно.

А что бы он сказал ей? Наверно, попросил бы не винить себя в этом. И... обнял бы, спас бы от всех этих плохих мыслей, потому что она постоянно им проигрывала. Если бы она ему доверилась, то он бы защитил её.

Какой же она отвратительный человек!

Она поближе притянула к себе чёрную куртку, мягкой стороной приложила к щеке. «Она не чёрная, а тёмно-синяя». «Не различаю оттенки». «Я заметил».

Бывают ли оттенки у людей? Такие малоразличимые, где сложно провести черту — тёмно-синий или чёрный. Или, где люди настолько светлые, что любое пятно на них кажется ещё хуже, чем на других.

Не преувеличивает ли она свои пятна?

Дэл всхлипнула.

Она никогда не умела различать эти бесовы оттенки. В отличие от Брайса.

И он относился к ней хорошо. Видел колдовскую отметину и даже не испугался тогда, обработал её. И поддерживал её всегда.

А ведь на белом пятна на самом деле виднее.

Дэл шумно выдохнула. Брайс умел различать оттенки, и если бы она была отвратительным человеком, то вряд ли бы общался с ней, пытался помочь и просил обязательно вернуться. А она почему-то не торопилась выполнить это обещание, пытаюсь то ли пожалеть себя. то ли убить такими тяжелыми мыслями.

Она вдохнула побольше воздуха.

— Ты никогда не была виновата в этом. — сказал тогда Брайс

— Это не моя вина. — проговорила медленно Дэл.

Она медленно встала с кровати, схватила куртку, натянула её на себя. В ней было очень тепло, никакой холод не страшен.

— Это не моя вина, — снова повторила она, чувствуя, как от этих слов становится легче стоять.

Она просто никогда не видела оттенки. Видела в тёмно-синем чёрное. А ещё она всё-таки не осознавала, куда она идёт по-настоящему.

Возможно, именно этого осознания ждал от неё колдун.

В глазах потемнело. Кажется, рана на боку заныла. Она облокотилась о стену, да попыталась отдышаться. От боли хотелось завывать, но она лишь кулак левой руки сжала, да оторвалась от стены, чтобы сделать пару шагов. Следующая вспышка боли поразила её у двери. Она сжала зубы, да зажмурилась, чтобы пережить её, чтобы не заорать, чтобы не сдастся.

Не имела право на это. Она же пообещала, что постарается.

Она выдаст ответ этому бесову колдуну, чтобы он наконец дал нормальные ответы на её вопросы.

Дэл раскрыла дверь зала, в котором обычно она видела Луку. Но в нём было пусто... и чуть прохладно. Она нахмурилась, прикрыла дверь и пошла в сторону выхода, медленно, вслушиваясь в звуки. В доме было тихо. И возле шкафа до сих пор валялись книги, которые она тогда уронила.

По телу дрожь пошла.

Она наконец доковыляла до улицы, открыла дверь и подняла голову на тучи. Собирался дождь. И на поляне никого не было.

— Бес его подери... — сквозь зубы проговорила Дэл и крикнула во всю мощь своих лёгких. — Колдун! Ты куда пропал? Эй, Лука!

Никто ей не ответил.

Глава 7. Одинокая

Наверно, колдуны любят печеную картошку.

Впрочем, спросить было не у кого — наступил третий день, а Лука так и не появился. И в очередной раз эта мысль отозвалась лёгкой тоской, и снова она, толком не веря, приподняла рубаху. Тёмный след его ладони так и остался на её животе, никуда не исчез, а следовательно, с ним всё в порядке. Просто решил исчезнуть резко. Она почесала переносицу, да в очередной раз пошла по коридору, толком не зная, чем теперь себя занять. Слишком невовремя исчез этот колдун, чтобы она могла наконец выдохнуть.

Наступил третий день, а он не торопился возвращаться — ни во снах, ни наяву.

Проклятый колдун.

Она толкнула дверь в его зал, в который прежде не заходила. Раскиданные книги по полу, на столе уже поселилась пыль, и... она сделала шаг за порог.

Тут всегда было прохладно. Очередная магия? Она нервно сглотнула и сделала ещё один шаг. Такое ощущение, что его здесь не было целую вечность. Напоминали о нём только её ножны с мечом, которые он прислонил к стене и оставил.

Дэл уверенно зашагала к нему, да схватилась за рукоять. Тёплая. Родная. Сколько она не брала меч в руки? Кровь. Она уверенно резала людей, точнее, рука, ведомая колдуном, делала это, а она могла лишь... наслаждаться. Она выпустила рукоять, и меч ожидаемо упал.

Бес подери... это было сложнее, чем она думала.

Она посмотрела на свои руки. Сколько на них крови? Пока здесь не было колдуна, она могла жить спокойно, зная, что она может быть сама себе хозяйкой. Никто её не заставит убивать людей. Но... сидеть в чужом доме и ждать непонятно чего никогда не было её целью.

Она должна была вернуться. Пока на ней эта отметина, она не сможет этого сделать. А значит, нужно каким-то образом лишить жизни колдуна, который резко исчез. Сложно.

Сложно.

Она отвернулась от меча, в очередной раз огляделась в этом зале. В такие моменты было жаль, что она не умела читать. Наверняка, в этих книжках кучу подсказок и всего того, что не сказал бы ей Лука.

Если не считать того странного сна с разговорами о богах, она в последний раз наорала на него и была готова ко всему, лишь бы только больше не думать о всём этом. Даже лишиться воли. Даже умереть. Он хлопнул дверью и исчез, а потом она выпала в сон, в котором у них и был этот последний разговор.

Он обиделся на неё? Почему он просто взял и исчез?

Дэл не выдержала, схватилась за голову. Слишком странными были его поступки. Или... она просто не находила взаимосвязи. Этот колдун никогда не делал ничего просто так. И чувствам никогда не подчинялся. Может, решил подарить ей несколько дней свободы, чтобы она насладилась, а потом всё началось бы снова. Или у него была другая идея.

Как же было сложно думать за другую сторону.

Всё это время, если трезво размышлять, он не хотел её угнетать. И одна мысль о том, что она может что-то с собой сделать, его напугала. Ко всему же, ему нравилось наблюдать за тем, как она сражается. Он явно не хотел, чтобы она бросала это. Возможно, ему нужен будет искусный воин для чего-то, вот он и пытается не дать ей свихнуться, не подавляя

сильно её волю. А тот бой был всего лишь проверкой.

Дэл мотнула головой. Странно. Он же даже не наблюдал за ней. Более того, он целиком подчинил её, чтобы она просто их убила. Или поставил бы в те условия, где ей бы пришлось сражаться по своей воле. В конце концов, они уже раза три сражались. И он не понял до сих пор её умений?

Она вздрогнула. Вспомнила тот самый взгляд. Вина. Это было чувство вины.

В голосе его отчетливо было слышно это, не зря же он сказал, что "не хотел, чтобы это произошло так рано". Он говорил про сражение. Оно было незапланированным. Люди до сих пор посылают своих воинов, чтобы убить его, и ему пришлось сделать нужное её руками.

Если он этого не хотел, боялся, что это выйдет рано, то становится совсем странно. Выглядело это как родительская забота о ребенке, который ещё не готов к взрослой жизни и проблемам. Забота... от этого слова её передернуло. Колдун, который создаёт тёмных тварей, убивающих любых людей на своём пути, вряд ли был способен на настоящую заботу.

В первый раз он говорил, что восхищён её умениями. Они сражались, он полностью владел ситуацией и своей силой, но так и не убил её. Если бы она знала, что он на самом деле силён, она бы не пошла. Но та ведьма...

Она нервно сглотнула. Ведьма. Она всё знала ещё до того, как это произошло. Она же сказала, что колдун беспомощен, из-за чего она и отправилась в одиночку убивать его. Это задание могли повесить только на способных солдат, несмотря на силу колдуна. Они в сговоре — иначе это не объяснить. Нужно было задать ей больше вопросов, пока была возможность.

Сейчас она могла лишь ломать голову над всем этим.

Она ведь её узнала. Ведьма узнала её, толком не услышав ни имени, ни внешности не разглядев, почти мгновенно. Она узнала её буквально за секунду. Как это вышло?

Девочка, что играючи сносит головы бесам. Дэл нервно сглотнула. Если знала и ведьма, то и Лука мог её узнать ещё в лесу, и ждать мог именно её. Он тоже назвал её девочкой. Он находился в другой части леса от своей хижины. Более того, он вышел на тропу, чтобы она его уж точно нашла. Бес подери... она была обязана встретиться с Лукой, её плавно к этому подвели.

Она ударила кулаком по стене.

Это было слишком просто, да только она почему-то не замечала этих совпадений. Она прикрыла глаза, пытаясь вспомнить точно все ведьмины слова, которые она только говорила ей. Она рассказала про "дамоклову длань" и... всё. И в конце сказала, что они ещё встретятся.

Скорее всего, так и в самом деле будет.

В голове вспомнилась та темнота возле клеток, где раздавался её звучный голос. И тогда она слышала, что...

— Ты будешь другим человеком тогда... — проговорила медленно Дэл, чувствуя, что вспомнила то, что ей нужно.

Просто так колдуны ничего не делают. Эта фраза наверняка тоже что-то значила. Если она была уверена, что от Луки она получит отметину, и при этом она вела её именно к этому, то, возможно, именно таким способом из неё и хотели сделать другого человека. А каким человеком она тогда была?

Она мечтала убить колдуна и лишиться этой связи. Она любила находиться в лесу и резать тварей. А ещё она была достаточно самоуверенной, чтобы разговаривать на равных с

ведьмой. Кажется, с тех пор она не сильно изменилась. Только теперь колдуна хотелось не убить, а хотя бы найти для начала.

А ещё она мечтала наконец из этого леса вернуться домой. Она невольно тронула рану на боку. Заживала медленно, но теперь хоть не часто кровоточила от любого движения. Возможно, нужно и в самом деле поискать у колдуна той самой мази и не мучиться от боли и собственной гордости.

После некоторых размышлений она решила в очередной раз выйти на улицу. Вряд ли она там кого-то встретит, кроме закатного солнца. На поляне и в самом деле была пустота... она до сих пор не могла по ней ходить, боялась случайно наступить на чужие кости, проявить неуважение.

Она присела на крыльцо после некоторого промедления, застегнула тёмно-синюю куртку до воротника, да повернулась к закатывающему солнцу, прятавшемуся за ветвями. Приходила ночь. А ещё в сон клонило после еды. Слишком неожиданно она пришла к нормальному режиму, возможно, ей просто не хватало ночных вылазок, ощущения свободы и энергии по телу.

Она прикрыла глаза, пытаясь представить, как снова бежит по лесу навстречу тёмным тварям с мечом наперевес, и... не смогла. В голову лезла лишь кровь и люди, люди, люди, погибающие под её мечом. Три взмаха на лишение жизни. И никаких чувств после этого.

Она открыла глаза, да головой мотнула. Кажется, что-то пошло не так. Интересно, а было ли больно тёмным тварям? Они же были живыми... она усмехнулась собственным мыслям — лезет же бред какой-то в голову. Какие чувства у тёмных тварей? Если только одно — голод и желание убивать.

Дэл вздрогнула.

Голод и желание убивать.

Бес подери... а чем она от них отличалась? Она также влетала в лес ради убийства, ради крови и лишения жизни, чтобы потом прийти домой и поесть лазанью. Дэл схватилась за голову. Страшные мысли ей лезут во время одиночества. Она не могла быть точно такой же. Она убивала их не просто так, а мстила, выливая свою злость и... прочие оправдания.

Одни лишь оправдания. А что было на самом деле?

Вспоминала тех, ради кого она мстила, она лишь в перерывах между убийствами, а до этого она просто разрубала их мечом, целилась ровно в глаза, да бежала, чувствуя, что у неё получается это больше всего, она хоть в чём-то лучшая, а значит и всё правильно. Тёмные твари нужны для того, чтобы их убивать, верно?

Дэл закусила губу.

Какой же она была дурой.

— И вправду, куда я иду...? — произнесла она тихо сама себе.

Чтобы вернуться домой, можно из него не уходить, а оставаться в нём. Помогать Лексу с работой и уборкой, смеяться с шуток Брайса, или же подкидывать идеи для планов Лайзе. Но она снова и снова выходила за ворота в поисках чего-то, бежала и находила лишь тварей, на которых отрабатывала удары и получала от этого садистское удовольствие.

В самом деле, зачем всё это было? К чему она хотела прийти?

Послышался хруст ветвей, она вздрогнула, машинально потянулась к ножнам... которые лежали в доме. Дэл могла лишь вскочить, схватиться за дверь и вглядываться в пустоту, пытаясь понять — кто решил к ним заглянуть. Она прищурилась и заметила хорошо знакомый красноватый блеск.

Тёмная тварь.

Она аккуратно села на место, но взгляда не отвела. Они же не приходят к убежищу колдуна. Или... когда здесь нет колдуна, то это правило не работает. Дэл подняла глаза к тёмному небу — самое время для прогулок не очень приятных существ, готовых тебя съесть. Сколько таких она лишила жизни, считая себя хорошим и правильным человеком?

Она такая же тёмная тварь. Или просто бес.

Из темноты на поляну вышла женщина, чуть сторбленная и с длинной палкой в руке. Дэл удивленно прищурилась, и привстала со своего места. А потом вдруг усмехнулась.

Бесовские глаза. Кажется, они и в самом деле встретились.

Женщина подняла голову и проговорила:

— А ты и в самом деле изменилась, убийца бесов. Как я и видела тогда. А вижу я далеко, словно птица парящая.

Дэл руки на груди скрестила, да с прищуром взглянула. Возможно, это всё было действительно частью одного большого плана, в который её до сих пор не посвятили.

— Жестокий у тебя взгляд... а мгновение назад выглядела как побитый котёнок... а сейчас ты, скорее, лев гордый.

Она наконец подошла к девушке, на палку оперлась и ещё раз с любопытством оглядела. Палка была уж слишком похожа на ту, которой любил размахивать Лука, когда они сражались. Наверно, все колдуны должны быть с длинными палками.

— Что вы все задумали? — проговорила Дэл.

— Мы лишь следуем воле богини Морры, — откликнулась ведьма.

— А какая у неё воля?

Ведьма улыбнулась, обнажила в этой улыбке свои зубы, от чего Дэл стало немного неудобно. Опять она смешно выглядит.

— Не считаешь ли ты, что задаёшь слишком много вопросов?

Дэл глубоко вздохнула. Она ожидала нарваться на что-то подобное. И уже давно придумала ответ к нему.

— Я привыкла быть осведомленной в тех вещах, в которых участвую.

Ведьма оценила эту фразу, улыбнулась, однако отвечать на вопрос не спешила. Ясное дело. Это же колдуны, с них не выцепишь лишнего слова. Предпочитают держать свои планы в тайне, чтобы потом красиво всех переиграть. Как жаль, что она не очень любит такие сложные игры. Для них она уж слишком прямолинейно и предсказуемо себя вела.

— Я хочу задать тебе вопрос из чистого любопытства. Как женщина женщине.

Дэл брови приподняла в удивлении, толком не ожидая такого. Звучало это прямо сейчас не слишком вовремя. Но в конце концов она смогла резко кивнуть, дав никому не нужное разрешение.

— Каково это: столько похоронить и столько же убить своей рукой, и при этом жить дальше?

Удачный вопрос. От него в сердце защемило.

Девушка потёрла переносицу, пытаясь придумать достойный ответ. Ничего в голове, кроме искренней правды, не пришло. Стоило только прикрыть глаза, и в очередной раз стоят мёртвые тела, остекленевшие глаза и куча крови.

Живёт ли она дальше или просто доживает?

— Никак.

Дэл развернулась и похромала в глубь дома, точно зная, куда ей нужно пойти. Наверно,

она и в самом деле поступала всё это время неправильно. Наверно, она и вправду лишь существовала, при этом убивая всех, кто встречался на её пути. Именно это и делало её собой, капралом Дэл из гвардейского отряда.

Она машинально схватилась за нашивку капрала Матфея. Она будет сильной. Она не сломается. В зале взгляд её остановился на ножнах с хорошо знакомой рукоятью.

Быстрым шагом она преодолела весь зал, да схватилась за меч, чтобы его медленно вытащить из ножен. Чистый клинок. Она осмотрела его внимательно. На мгновение она заметила какой-то странный красноватый отблеск, словно капля крови осталась, но это было лишь обманом зрения.

Меч был чистым. Лука постарался на славу.

На нём было много человеческой крови. Она убила им двенадцать человек. Их нашивки лежат в кармане куртки. На нём много крови людей, которых она не успела спасти. Нашивка одного из них надёжно держится на рукаве куртки. Она сделала много неправильных вещей, и допустила ещё столько же ошибок. В следующий раз она попытается их не допустить. Вот и всё.

Она закрепила ножны с мечом на поясе, да вышла из пыльного зала. Когда рядом был родной меч, было как-то спокойнее. Лесной ветер растрепал её волосы. Если прикрыть глаза, можно было представить, что она снова стоит у ворот, пока все молятся и ждут их открытия, чтобы снова ворваться в лес и почувствовать свободу. Она всегда ждала этого с нетерпением, ведь каждый выход в лес был ещё одним шансом завязать очередной бой.

Сколько боёв ей ещё предстоит?

Ведьма подняла на неё взгляд и с усмешкой спросила:

— Ну и куда ты идёшь, девочка?

— Я иду делать то, что у меня получается лучше всего — сражаться, — она обернулась на ведьму. — С какими молитвами обычно обращаются к этой вашей Морре?

Глава 8. Принявшая

Каждый вздох — как отдельное испытание. Лёгкие горели. Глаза слезились. Она их поспешно опустила перед спиной женщины, которую никогда не видела, но почему-то слишком хорошо знала.

Даже хруст веток под её ногами не заставил поднять взгляд. Страшно. Неловко. Сомнительно. В ушах звенели колокола, да только не храмовые. Скорее всего, это была тишина — пугающая в том случае, когда прямо перед тобой стоит что-то божественное и необъяснимое.

— Всё это время ты обращалась к ложным богам... я не виню тебя, Дэлия, не твоя была в этом вина.

Она почувствовала жжение в глазах, машинально руку поднесла, чтобы вытереть выступившие слёзы. Лишь бы только головы не поднимать, лишь бы не смотреть, не совершать очередной ошибки, которая может дорого обойдись.

— Плачь, милая, ведь слёзы очищают душу от скверны.

Она почувствовала лёгкое прикосновение к своему плечу и не выдержала. Уж слишком было сложно справиться со всем этим потоком чувств, разом навалившимся на неё. Сколько лет она молилась не тем богам, прося у них снисхождения? Сколько лет другие молились не тем богам, и их молитвы так и не доходили? Она громко шмыгнула носом, и тут же голову в плечи спрятала — лишь бы не слишком громко. Боже. Боже. Боже.

Лишь бы случайно головы не поднять. Лишь бы чего плохого не совершить.

Слёзы текли по щекам, и она даже руку боялась поднять, чтобы стереть их с лица.

— Моя воля просто — сражайся. Сражайся с моим именем на устах. Во славу народа своего и бога своего.

Она всхлипнула. Сражаться — именно то, что у неё получалось лучше. И именно этого от неё и просила богиня — та самая, в которую она никогда не верила, но до которой доходили все её молитвы. Доходили со сложностью, потому что искала она постоянно других, обращалась постоянно к другим.

— Подними глаза свои, милая моя Дэлия.

Она вздрогнула от неожиданности, и как бы не было страшно, она начала исполнять волю богини. Медленно и плавно. Без лишних движений. И взгляд её встретился с красивым лицом девушки, а глаза... она увидела хорошо знакомые тёмные глаза, почти чёрные. Точно такие же были у Луки. И... по телу пробежались мурашки. Точно такие смотрели на неё всю жизнь из зеркала.

И в этих глазах, полных любви и одновременно какой-то душевной тревоги, она нашла ответ на самый важный вопрос в жизни. Она жила, чтобы исполнить её волю, просто не знала об этом.

— Ты не о том думаешь, — вдруг проговорила богиня, — Ты жила не для того, чтобы стать чьим-то рабом — пусть и рабом божьим. В тебе, как и в любом из людей, есть частица своеволия, которая делает тебя приближенным к богу. Просто в тебе эта частица ярче сверкала с самого начала. Именно поэтому ты и исполнишь мою волю.

Дэл кивнула. У неё были такие же глаза, как и у богини. И частица своей воли.

— В самом конце ты узнаешь зачем, а пока... так будет лучше для всех.

Если планы колдунов для неё казались загадкой, то стоит ли ей вообще лезть в план

божества? Она ещё раз кивнула, да снова опустила взгляд, не выдержала. У неё были такие же глаза.

Она улыбнулась, почувствовав невиданный прилив сил, и подняла взгляд уже на ведьму. — Впервые вижу твою улыбку... — она вдруг осеклась и как-то иначе на неё взглянула.

Она не испугалась этого изменения, лишь ещё шире улыбнулась, подняла голову на тёмное небо, на котором была заметна впервые за долгие дни яркая луна. Дэл вытащила из ножен меч, крутанула его в руке, и тело отозвалось приятным ощущением — давно такого она уже не делала.

— Я иду сражаться, — повторила отчетливо Дэл. — Во славу народа своего и бога своего.

Она побежала в лес, совсем забыв о ране на боку, о том, что из еды перекусила лишь печёной картошкой. И душа её пела от радости, влетая снова в лесную чащу, где она могла быть самой собой. Первая же тёмная тварь едва оскалилась, заметив её, и даже не успела среагировать на её движение клинком. Всего одно движение — и брызнула кровь. Она ещё ярче улыбнулась, да подняла взгляд на макушки деревьев, за которыми ей улыбалась луна.

Она бежала вдоль деревьев, сражая с большой охотой каждую тёмную тварь, попавшуюся ей на пути. Сталь пела в её руках, пела гимн богине, и это было лучшим ощущением.

Она забывала о крови на лице, и неслась дальше, чтобы услышать снова песнь своего меча и вонзить его в голову. Её призыванием было именно сражаться — не подчиняться, не жить спокойно, не творить, а именно разрушать, разбивать, ломать, убивать. Именно для этого она и была рождена, именно таковой была воля богини Морры. И Дэл с радостью её исполняла.

Клинок пел гимн во славу богине, врезаясь в глаза тёмных тварей. Ноги сами несли её навстречу следующему противнику с лохматой шерстью и ярко-красными глазами. А луна с улыбкой наблюдала за всем этим сверху. Она сражалась до первого луча рассветного солнца, пока наконец твари не спрятались от доброго утра, а она не упала у реки без сил. Никакой разъедающей тоски, никаких долгих мыслей и самоненависти — лишь приятное отсутствие сил. Пустота. Она отдала всю себя в этом бою. Сердце стучало громко, отдаваясь в уши, а она улыбалась, лёжа на земле и глядя на рассвет.

В этом и было её счастье, от которого она постоянно отстранялась.

Она аккуратно окунула клинок в холодную речную воду, и омыла его в водах. Когда же она вытерла рукавом куртки последние капли с него, то сталь заблестела от солнечных лучей. Чистый. По-настоящему чистый. Дэл улыбнулась и вернула клинок в ножны, чтобы сесть на бревно и глянуть на ясное небо.

Она слышала пение птиц над своей головой, и от этой гармонии на душе было так чисто и светло, что и душе петь захотелось вслед за звоном стали. Наконец она поднялась решительно с места. Нужно было снова двигаться в путь, пока силы появились.

— Куда идёшь, девочка?

Она обернулась на эти слова и увидела лохматого Луку в порванной накидке, державшегося за дерево. Дэл улыбнулась ему ярко и проговорила:

— Я иду сражаться, во славу народа своего и бога своего.

Лука улыбнулся в ответ, и Дэл заметила тонкую красную струйку у уголка его губ. Улыбка тут же исчезла с её лица, сменившись на обеспокоенность.

— Что с тобой? Ты...

Она тут же подошла к нему, отодвинула подол накидки и на пальцах её осталась кровь. Она переводила взгляд то на Луку, то на собственные пальцы, толком и не зная, что сказать. Будь он солдатом городского войска, она бы сама дотащила его на своей спине до самых ворот города. Но он был вражеским колдуном, который убил слишком много её друзей, и номинальным её хозяином, от власти которого она мечтала уйти.

— Каждый исполняет волю богини Морры по-своему. Ты доблестно сражаешься, каждый раз отдавая в жертву свои сомнения, страхи и душу. Я же... жертвенный телец, который отдал самого себя по её воле.

Лука выглядел умиротворенным, несмотря на такое ранение и такие страшные слова. Он не собирался быть спасённым, будь хоть у неё все запасы исцеляющей мази. Он должен был истечь кровью в этом лесу, чтобы исполнить этим волю Морры.

Она вспомнила глаза богини — совсем такие же, как у него или у неё самой. Наверно, если бы это нужно было, она бы спасла Луку. Да только планы богов запутаннее и сложнее планов даже самых сильных колдунов.

— Мне очень жаль...

— Раньше ты говорила совсем другое. Если хочешь, можешь после моей смерти отомстить как-нибудь, — он развёл руками. — Придумай на свой вкус.

Она удивлённо на него уставилась. Совсем недавно спокойный и рассудительный Лука заговорил совсем иначе... интересно, как бы она вела себя перед лицом смерти? Она постоянно была слишком далеко от неё, хотя всегда мечтала приблизиться поближе. Каждый бой — это спор жизни со смертью, кто же её заберёт. И жизнь постоянно выигрывала.

— А за что мстить?

Он в ответ резко закашлялся, словно пытался выплюнуть все свои лёгкие. Дэл не смотрела на него в этот момент — что-то в груди защемило. Он же пытался её защитить.

— Я бы на твоём месте даже и не спрашивал. Столько раз видел во снах, как ты убиваешь меня. Ещё до нашей встречи. Снова и снова одна и та же девочка с обнажённым мечом и отсутствующим страхом. С одной стороны, хотелось отыграться, а с другой — было интересно, кто ты такая, чтобы так уверенно рубить бесов.

Дэл опустила голову. То есть, он сам убивал солдат, управляя этими тварями, и... при этом спокойно жил, общался с нею, оставил отметину. Она прикусила губу. Бесов план!

Если бы она только это знала об этом, она бы любой ценой его убила. За тех плачущих родителей возле Штаба, за грустных ребят в баре, оплакивающих своих товарищей, за саму себя, оставившую в этом лесу почти что весь свой выпуск и бедного капрала Матфея.

Она крепко сжала кулаки.

— Один раз ты не добила беса, всего лишь сильно ранила. И я видел твои слёзы возле тела какого-то мальчика. С которого ты потом стащила куртку и начала носить на себе, словно какую-то награду.

Дэл плакала над Матфеем. Всё верно. Она уткнулась ему в холодное плечо и рыдала, рыдала, рыдала безостановочно. Просто никому в этом не признавалась. Лишь однажды, при разговоре с Лайзой, она призналась, что ей очень больно от потери капрала. Наверно, своё сердце она оставила возле того дерева, где лежало тело Матфея.

— Это был единственный человек, который принимал меня, — тихо произнесла Дэл и снова губу закусилась, чтобы не дать волю эмоциям.

Впрочем, все свои слёзы она уже пролила возле ног богини, когда в голове вспоминала собственную жизнь. Она плакала не из-за того, что молитвы посвящала неправильным

богам, а потому столько всего пережила, не показывая эмоций, что однажды это должно было вылиться в истерику.

Сейчас же она наконец подняла голову и проговорила сквозь слёзы.

— Это ведь было по её воле?

Лука медленно кивнул.

— Значит, так и должно было произойти. Не вини себя, — после некоторого промедления Дэл всё же произнесла то, что на сердце лежало, но в слова облечь было тяжело. — Я не буду тебе мстить.

Этот жестокий мир не заслуживал такого хорошего человека, как Матфей. Столько раз он признавался ей по утрам, когда они уставшие возвращались из-за ворот, что ему больно убивать тёмных тварей. Он даже в них видел что-то человеческое. Возможно, он и смилостивился перед очередной тварью, которая и оборвала его жизнь.

— И зачем ты тогда их убиваешь? — наконец спросила она капрала.

В окна её дома заливался солнечный свет, она поставила чашки перед уставшим капралом, так и не снявшей своей болотной куртки даже у неё дома. Он откинулся на спинку стула, да улыбнулся как-то по-особенному да так, что ямочки на лице показались. И тогда она заметила, что свет солнечный падает прямо на него, выделяя его во всём тёмном доме Дэл.

— Я вспоминаю о будущем, которое у меня может быть. Кто-то должен быть сильным, чтобы защитить Лайзу от этого всего мира.

— Только из-за этого? — девушка приподняла удивленно брови.

Она налила ему горячий чай в чашку и пододвинула поближе сахарницу. Матфей смущенно улыбнулся этому, и принялся насыпать сахар.

— Мне такого повода достаточно, — ответил капрал и хлебнул горячего чая.

В его зеленых глазах она часто видела лёгкую грусть, так хорошо вяжущуюся с её собственным состоянием. Лишь тёмный лес с его тварями мог выгнать это состояние из души Дэл, именно поэтому каждый вечер она вставала с радостью. А капрал Матфей в лесу становился лишь серьёзней, погружался окончательно в себя.

— Если что-то произойдёт, я защищу её, — выдала вдруг Дэл.

Она и не знала толком, зачем она такое говорила. Ничего не могло произойти с капралом, одинаково хорошо сражающимся на мечах и стреляющим из револьвера. Но было приятно в ответ на это увидеть снова тёплую улыбку капрала, принадлежавшую целиком и полностью ей, и никому больше. Она заслужила её. И он заслужил быть счастливым мужем Лайзы и отцом двух замечательных детишек.

Он не заслуживал лежать с остекленевшими глазами в тёмном лесу. Даже луна не вышла попрощаться с ним. Лишь одна Дэл застыла возле тела капрала и дыры в области груди. Она пообещала зашить его куртку. Перед самым выходом. Она пообещала. Она исполнит.

Она пообещала исполнить волю Морры, и она её исполнит, невзирая на боль и страдания. Таков путь.

Она вспомнила улыбку капрала, и улыбнулась Луке — пусть и слёзы стояли в глазах. Он смутился этому, нахмурился и уж было открыл рот, как она проговорила:

— Я прощаю тебя...

Наверно, это та самая жертва, которую она должна была принести. Наверно, так было правильно. Матфей на её месте поступил бы точно также. Она пошла в сторону реки, чтобы

ещё раз вымыть руки, уже от крови Луки.

— Ты сильно поменялась... — проговорил как-то неуверенно Лука.

Она слабо улыбнулась.

— Были причины.

— Помнишь, я рассказывал историю про Дамокла?

Дэл медленно кивнула. Она слабо помнила детали, но суть примерно знала.

— Связь исчезнет с моей скорой смертью. Но след останется.

Девушка вздрогнула. Слишком быстро поняла, чем это грозит — если эта отметина не исчезнет с её тела, то её из страха так и не впустят в город. И всё это путешествие окажется абсолютно зря.

— Ты меня неправильно поняла. Видимый след исчезнет — он и символизирует связь. Но останется что-то иное.

Он положил ладонь себе на грудь и мягко проговорил:

— Магия.

— Я же могу ей не пользоваться? — торопливо уточнила Дэл, чувствуя себя совсем не в своей тарелке.

Лука медленно покачал головой.

— Ты будешь это делать неосознанно. Скорее всего, в бою магия будет помогать тебе. Будешь первым волшебным мечником в истории своего народа, — он тихо засмеялся, правда, походило это больше на скрежет телеги.

Кажется, его конец был уже близок.

— Пока... ты не ушёл совсем... расскажи мне, откуда ты пришёл?

Голос её звучал смущенно, но на это Лука лишь улыбнулся и кивнул головой. Она мягко помогла ему осесть на землю возле того самого дерева — она заметила пятно крови на нём и тяжело вздохнула, — да помогла ноги выпрямить.

— Колдунов всегда трое. Это первое правило. Мы всегда действуем по воле богини Морры. Это второе правило. И за всю жизнь мы можем лишь один раз наложить на человека "длань Дамокла", после чего этот человек либо умрёт за нас, либо возьмет наши силы себе. Это последнее правило.

Лишь раз. Она невольно коснулась своего живота, где чувствовала тепло в районе того самого ожога, что оставил на ней Лука. Сколько раз она прокляла его за это, но сейчас, когда она была в шаге от освобождения, она боялась его смерти.

— Я жил достаточно долго, чтобы мы с Ивановой остались самыми старыми колдунами. Мы создавали новых бесов, наблюдали за их делами, делали ровно то, что от нас требовали — создавать бесов, убивающих людей за воротами их городов. Я не знаю, зачем это нужно. Но такова воля Морры.

Она и без подсказки поняла, что та самая ведьма, которая ей повстречалась первой, и была Ивановой. Красивое имя. А по словам Луки с самого начала было понятно, что он старше того возраста, на который он выглядел. Дэл нервно сглотнула — ему явно осталось недолго.

— Мы пришли из другого континента. Точнее... острова, да. Нашу и твою родину отделяют огромные толщи воды. На моей родине все молятся именно Морре, и я думал, что у вас всё точно также. Но немногим она являлась. Мне она показалась после того, как старый колдун подарил мне "длань Дамокла", а потом умер. Его дар достался мне. И в ту же ночь я увидел саму богиню, а точнее — лишь её спину. И её волей было наполнить ваш

остров тёмными тварями, беспощадными к любому человеку, и чтобы в определенный день мы снова их создавали.

Дэл вздрогнула. Как она могла просить о таком, чтобы потом пытаться убить их всех?

— С того момента прошло очень много лет — мы увидели, как возводятся стены, как появляются ворота, как у людей появились в руках не арбалеты, а револьверы. Но с тех пор нас осталось лишь двое — тех самых колдунов с континента. Наверно, вскоре останется и одна Иванна, — Лука усмехнулся и тут же застонал от боли.

Она ничего уже не могла сделать.

— Кажется, хватит разговоров. Ты только окажи одну услугу, Дэл... — он ненадолго задумался.

Она ждала его слов и пыталась не показывать свою внутреннюю дрожь. Она должна быть сильной.

— Пожалуйста, не вини себя. Ну и не забывай, куда ты идёшь.

Она кивнула, да руку невольно положила к сердцу — почти как честь отдают. Ах да, он же не знает, что этот жест значит.

Впрочем, Лука улыбнулся ей так ярко, что на мгновение она снова увидела в нём не старого колдуна с далёкого острова, а родного и такого солнечного капрала Матфея.

И она снова расплакалась, уткнувшись ему в плечо.

Глава 9. Свободная

Последний выдох прозвучал несколько неожиданно.

А тишина после него была такой громкой, что всё сразу стало понятно.

Наверно, Лука не заслуживал такой смерти. Она встала, отряхнула колени, вытерла оставшиеся слёзы на щеках и аккуратно прикрыла тёмные остекленевшие глаза Луки. Она на мгновение бросила взгляд на его накидку, изрешеченную кем-то.

Дэл развязала её у шеи, да накрыла ею само тело колдуна. В лесу бывает прохладно.

Наконец она отошла от его тела, критически оглядела — и заметила, что выражение лица такое спокойное, будто он всего лишь заснул у дерева.

Дэл улыбнулась и голову опустила. Пусть к нему будет благосклонна Морра. Она про себя проговорила молитву, обращённую к богине с просьбой одарить его своим вниманием.

И наконец она пошла дальше, бросив последний взгляд на уснувшего колдуна. Она пообещала не винить себя. И как бы сердце не ныло, она не поддастся этому.

Она ведь обещала.

Дэл даже не оборачивалась назад, просто шла через лес, пока в какой-то момент не остановилась. Нужно было проверить самое главное. Она аккуратно расстегнула куртку, схватилась за конец рубашки и подняла его. На её светлой коже не было совсем ничего, словно тот самый след ладони Луки был лишь её фантазией. Она нервно сглотнула. Это произошло. Она теперь свободна.

Да только радости в душе не было.

Она торопливо заправила рубаху, да застегнула куртку, чтобы тяжело вздохнуть и побежать дальше. Со смертью Луки она и в самом деле стала свободна, он даже запретил ей на себя вину вешать. Да только, что нужно было делать с этой свободой?

Первое правило любого солдата — если потерялся в лесу, пытайся найти тропу, ибо их могут сделать только другие солдаты. Этим она и занималась почти до самого вечера, пока при закатном солнце она не нашла тонкую тропинку, да не пошла ровно по ней. Она должна вывести её хоть к какому-то городу.

Почему-то при одном только шаге на эту тропу ей стало значительно спокойней.

Первая тёмная тварь пришла быстро на её запах, оскалилась, да только не ожидала, что Дэл быстро обнажит меч и рванёт на неё, а не убежит или не начнёт стрелять издалека. И снова начались эти пляски с самой смертью — она наблюдала вывалившиеся кишки, остатки глаза на мече, под ударом её клинка ломались кости тварей. На тридцатом ударе она перестала считать взмахи мечом, и просто била.

Лишь когда на мече не осталось ни одного сухого места, даже на рукояти можно было увидеть капли крови, лишь тогда она остановилась, вонзив меч в землю, и глубоко вздохнула.

Никаких мыслей. Лишь мышцы немного ломит. И голова кругом идёт.

Бей-беги. Беги и бей.

Она улыбнулась от этой забитости в конечностях, от этого ощущения усталости. Непривычно так долго махать мечом. До этого она отдыхала значительно дольше. Она отпустила рукоять меча, да постаралась удержать равновесие. Получилось, хоть голова и кружилась немного. Нужно было идти дальше, ей нужно было вернуться обратно. Она же обещала, что вернётся.

А обещание она всегда сдерживала.

Дэл сделала буквально один шаг, прежде чем вспомнила, что в её карманах лежало слишком много тяжести. Она вздохнула и раскрыла его. Нашивки. Кажется, их было двенадцать — в том числе и одна нашивка капрала. Те самые двенадцать человек, которых она убила из-за проклятой магии колдуна, легко и просто, словно они были тёмными тварями, а не людьми.

Она нервно сглотнула. Больно. Каждый удар меча — это и удар в свою совесть.

Сколько она не спасла, сколько она своими руками убила...

Дэл вытащила все эти нашивки из кармана. За каждой из них скрывалась долгая история получения, за каждой из них был воин, который о чём-то мечтал, которого кто-то ждал домой с простого задания. Кто знает, может, им тоже сказали, что колдун ослаб и не может сражаться?

Она выложила их все на землю. Если бы она могла помешать самой себе тогда, то сделала бы это. Даже ценой своей жизни. Но она этого не сделала.

А могла ли она это сделать?

Она подняла взгляд к небу. Вспомнила это ощущение болота, в котором ты двинуться не можешь, а лишь наблюдать за самой собой, как чувство ведёт твоё тело за тебя. Быть зрителем во время смертельного боя — то ещё зрелище.

На её руках было слишком много крови, чтобы она могла себя простить. Но стоило ли себя винить в том, что она не могла изменить никак? Кто она — нервная девочка-капрал с даром махать мечом, — против древней магии, которая родом с неведомых земель?

Богиня сказала ей сражаться. Колдун тогда сказал ей сражаться.

И она это делала.

Наверняка, этим ребятам тоже сказали сражаться. Добраться до колдуна любой ценой. Каждый из них хотел её убить, иначе бы изначально не полез в бой. Каждый из них сам пришёл на ту поляну, в отличие от неё, которая никогда не хотела поднять меч на человека. Сомневались ли они вот так, если бы один из них добился успеха и убил бы её? Кто-нибудь из них закрыл бы ей глаза после убийства, или оставил бы на память её нашивку, чтобы с каждым взглядом на неё корить себя всё больше и больше?

Столько вопросов сразу возникло в голове при взгляде на эту кучу нашивок, что стало не по себе.

"Пожалуйста, не вини себя". Она снова услышала тихий голос колдуна рядом с собой. Тяжело вздохнула. Как же это было сложно!

"Ты никогда не была виноватой в этом". А это был уже Брайс — человек, который обидно шутил, но никогда не хотел её обидеть. Тот самый целитель, без помощи которого она бы не выжила. Брайс, который заботился о ней тогда, когда все её считали монстром.

Дэл зажмурилась. Оказалось, что простить человека достаточно легко, но самой себе дать такое же прощение — это такая мука, с которой не сравнится ни одно ранение.

Она даже не запомнила их глаз, просто носила собой как груз памяти их нашивки, честно думая, что должна отвечать за то, что не могла исправить. Они все — лишь игрушки, выполняющие волю богов. И эти ребята-воины из другого города, и она сама, и даже сам колдун Лука выполнял её волю, как бы она не была жестока. Почему она должна отвечать за чужую волю?

Она делала удобное богам. Пусть это и было жестоко. Пусть и семьи лишились кормильцев. Это даже не был её выбор, однако взвалила на себя даже это. Возможно,

поэтому и было так тяжело идти, да так, что на вопрос «Куда ты идёшь?» ответить было трудно. Дэл закусил губу, да принялась руками рыть небольшую ямку. Она должна простить себя. Она устала нести эту ношу.

Наконец яма получилась достаточно глубокой, чтобы все нашивки туда вместились. Надо было сделать это сразу, а не нести их с собой столько времени. Она прикрыла глаза и повторила про себя: «Ты не была виноватой». Повторила несколько раз. И с каждым разом внутренний голос всё больше и больше напоминал Брайса. Она обещала к нему вернуться. Она должна сдержать обещание.

Она наконец встала, взглянула на свои испачканные в земле руки. Наконец-то на них не было видно крови. Всего лишь земля. Это она переживёт.

— Я постараюсь... — проговорила себе под нос она и отдала честь холмику, под которым лежали нашивки воинов. Она простит себя, как бы не было сложно.

Она шла медленно, вглядываясь себе под ноги. В лесу было слишком тихо, будто все твари закончились, и она осталась в этом тёмном лесу совершенно одна. Сколько же их было всего? И есть ли конец у этого леса? Впрочем, она никогда об этом не узнает, пока в лесу будут жить эти тёмные создания, мешающие спокойно передвигаться по лесным зарослям.

Ноги вывели её на широкую дорогу, пыльную и вытопанную кучей ног. Судя по следам колес на ней, это была Главная дорога, которая вела в другой город. Она прикрыла глаза. Большая часть дела уже сделана. Осталось только определить север, а вслед за ним — и запад, в сторону которого нужно было и идти, чтобы вернуться обратно в родной город. Если хочешь найти север, то найди на дереве мох — всё было достаточно просто.

И наконец, спустя время, она снова вышла на дорогу и пошла в направлении запада по пыльной и пустынной дороге. Ночью никто не смел передвигаться по ней.

Шла она медленно, руку держа надёжно на рукояти меча, чтобы за пару секунд обнажить меч в нужный момент. Она ещё в Академии до автоматизма натренировала сей навык — именно он не раз спасал ей жизнь. И именно из-за отсутствия такого навыка погибла половина её выпуска.

Шла она медленно, глядя вперёд с надеждой, что вскоре она увидит вдалеке крыши домов родного города. Лишь бы пересечь ворота и увидеть знакомые лица. Она не знала совершенно, что сделает дальше, что сможет рассказать, а что придётся утаить до лучших времён. Она просто хотела наконец войти в город, снять с себя ножны и сделать лазанью.

Ночь тянулась подобно густому киселю, силы постепенно иссякали, а ноги болели от этой долгой ходьбы. Любое желание остановиться и отдохнуть Дэл тут же отвергала. Нужно было пройти как можно быстрее. Отдохнёт потом.

Несколько тварей на пути получили заслуженную сталь под ребро, и замерли навсегда. Наверно, лишь они и придавали разнообразия этому пути. Идти долго, не зная точно, куда ли она идёт — пыткам подобно. И лишь когда вдалеке она заметила наконец верхушку храма, лишь тогда боль в ногах, которые уж слишком долго носили её на себе, исчезла, сменившись смешанными чувствами. Она была близка.

Дэл слабо улыбнулась — на большее сил не было. И второе дыхание должно было дать сбой. Но с видом на шпиль храма появилось и третье. Дойти. Она обязана дойти. Какой отдых, если цель её так близка? Она сжала зубы и ускорила свой шаг. Лишь бы дойти.

Кажется, небо чуть посветлело, когда она наконец увидела в близости Ворота. Осталось совсем немного, пусть и ногами тяжело перебирать, пусть и навалилась на плечи усталость такая, что смотреть даже тяжело, не то, что идти. Ворота. Они рядом. Кажется, протяни руку

— и ты их коснёшься. Она должна дойти.

Дэл подняла голову — до рассвета оставалось не так много времени, скоро вернутся воины-мечники, выполнявшие задания в тёмном лесу. В одном из окон стены она заметила знакомое лицо — нос картошкой, волосы коротко постриженные, да вечно прищуренные глаза. Она кивнула Стивену, которого столько времени не видела, и в ответ получила выстрел, прошедший прямо над её плечом. Кажется, он всегда был хорош в стрельбе, ещё в Академии. Она же так и не научилась метко стрелять из револьвера.

— Нам запрещено тебя впускать... до особого распоряжения Штаба.

Грубо её встретили. Ничего не скажешь. Она подняла руки и крикнула в ответ:

— Сообщи Штабу, что я решила все свои проблемы.

— Я не мальчик-почтальон, Дэл, — закатил глаза Стивен, но револьвера из рук не выпустил.

— Значит, найди мальчика-почтальона.

Новая пуля вонзилась в землю перед ней. У Стивена всегда было альтернативное чувство юмора. Впрочем, оно всегда устраивало его больше, чем обидный юмор Лекса или Брайса.

— Не жалко пули тратить?

— Они приходят к воротам раз в десятилетие, так что останется, — усмехнулся Стивен, — И на тебя, и на тварей...

Дэл улыбнулась в ответ. В самом деле, твари крайне редко заглядывали к самим воротам, так что стрелки обычно практиковались во время грузовых выездов в другой город, ближе к вечеру, когда твари выглядывали на дорогу. Она бы на месте стрелка бы уже с ума сошла — столько ночей проводить без дела, просто глядя на опушку леса в ожидании твари, которая, возможно, даже на расстояние выстрела не подойдёт.

Кажется, Стивен и в самом деле позвал кого-то — его лицо исчезло из окна, как и оружие. Она терпеливо ожидала, глядя из стороны в сторону, надеясь увидеть во тьме ярко-красные глаза тёмных тварей. Однако ничего не происходило, и она просто стояла, чувствуя, как ноги уже подрагивают от напряжения.

Наконец стрелок показался из окна, с оружием наперевес и проговорил:

— Я дождусь распоряжения из Штаба, так что не делай резких движений.

Дэл кивнула и всё-таки не выдержала — уселась на землю, вытянула ноги, чтобы хоть немного отдохнуть.

Всего лишь ворота отделяли её от родного города и долгожданного отдыха. Впрочем, Штаб мог и запретить просто так её вход, опасаясь обмана или хитрой уловки колдуна. У неё было всего одно доказательство того, что она не лукавит, но оно было достаточно весомым, чтобы его не приняли во внимание.

Наконец Стивен снова исчез из окна. А она сидела на траве, чуть мокрой от росы, да наблюдала за тем, как небо постепенно светлело.

— Они попросили тебя обнажить живот! — он появился резко, уже без оружия, просто высунулся из окна, да крикнул.

Дэл на это лишь пожала плечами — и принялась вставать. Больно. Ноги уже еле держат, несмотря на какой-либо отдых. Наконец она смогла удержать равновесие, да задрать рубаху вместе с курткой. Ночной холод ударил по телу, она буквально почувствовала мурашки по телу и желание тут же вернуть куртку на место, но нужно было терпеть. Она держала так куртку, пока наконец голос с ворот не проговорил:

— Всё, хватит, мы поняли...

Она с улыбкой принялась заправлять в штаны рубаху. Не засомневались даже. Хотя такую магию наверняка невозможно было скрыть, раз уж её нельзя никак отменить, кроме смерти хозяина. Со скрипом отворяемых ворот сердце подпрыгнуло в груди. Наконец! Она не показывала этого радостного чувства, преувеличенно серьёзно занимаясь застёгиванием куртки.

Дэл подняла глаза на ворота, а точнее, на пространство за ними. Город. Каждое утро она видела один и тот же вид, возвращаясь с ночного рейда в лесу. Каждый раз она видела эти маленькие дома, постепенно вырастающие к центру, тот самый шпиль храма, в который так и не сходила, да палатки военных, которые оберегали этот город. Это был её дом, из которого она постоянно сбегала в поисках приключений, толком и не зная степень своей любви к нему.

Возможно, ей стоило пережить всё это, чтобы узнать всю глубину своей любви к этой земле. Она не собиралась сдерживать улыбку — не перед кем скрывать эмоции. Она вернулась. Как и обещала. Как и желала. Как и хотела всем сердцем, идя вслед за колдуном и возвращаясь от него.

Она больше не хотела уходить из этого города.

Эта мысль — словно обухом по голове. Оглушила сильно.

Она просто расхотела убегать отсюда каждый вечер, она просто захотела... покоя, наверно. Глубокий вздох. Возможно, это просто глупые мысли после долгого отсутствия. Возможно, это пройдёт.

Дэл опустила взгляд и увидела хорошо знакомую фигуру. Рыжие волосы. Прямая осанка. Лёгкая улыбка. Гениальный тактик Штаба — Лайза, бес её подери. Та самая девушка, что угрожала ей не так давно смертью, из-за которой её выкинули из города, стояла и улыбалась ей, словно ни в чём не бывало.

Рука сама потянулась к рукояти меча.

— Я... — Лайза заметила это движение. — Чесслово, Дэлия, я...

Она рухнула на колени.

— Я бесконечно виновата перед тобой!

Дэл невольно отшатнулась.

— Ты чего...?

Лайза голову опустила, и... под рассветными лучами блеснули на секунду слёзы. Бес подери! Она в несколько шагов преодолела расстояние между ними, и попыталась поднять девушку. Это было слишком странно. Она не хотела, чтобы из-за неё плакали.

— Я во всём виновата... если бы я настояла... ничего не было бы... ты бы не ушла... это я... я...

С каждым таким всхлипом было всё больше и больше.

— Бес подери, Лайза! Хватит! Встань!

И она встала. Встала, чтобы обхватить её крепко-крепко и сжать в объятиях. Она положила мокрую щеку ей на плечо, ровно на то, где находилась нашивка Матфея, и проговорила громко:

— Я так беспокоилась за тебя!

Сердце у Лайзы билось бешено, и Дэл это чувствовала, и она бы сама расплакалась, да щеку закусилась. Не время. Она должна быть сильной. Она неуверенно провела рукой по её спине.

Это было так странно... в последний раз она обнимала кого-то давно, да так, что вспомнить сложно. Она прикрыла глаза и вспомнила. Брайс. В последнюю их встречу. Сердце защемило от тоски. Она ещё ближе притянула к себе Лайзу, такую обычную и искреннюю девочку, которой всегда сложно давался контроль над эмоциями. Судя по её слезам, она и в самом деле долго переживала об этом. От одной мысли, как могла страдать Лайза, выполняя приказы Штаба, по спине прошёлся холодок. Горячее дыхание опалило её шею, это прерывистое дыхание сводило с ума.

И этот уверенный шепот слишком контрастно прозвучал на фоне бешено стучащего сердца:

— Я всё знаю. Но не вздумай никому об этом трепаться.

Дэл передёрнуло от этого холодного тона. Кажется, даже после возвращения её не собирались оставлять в покое.

Глава 10. Обманутая

Удар. Ещё один. И ещё. Она вонзила в живот мягкого манекена деревянный меч, и улыбнулась. Если приложить немного фантазии, то можно представить, что это была тёмная тварь из тех, что живёт в далёком лесу за воротами. Но для этого, как сказал старший рядовой, им нужно было тренироваться долго, чтобы в итоге их посвятили в курсанты.

Наверно, лучшей мотивации и не придумать было.

Дэл сжала зубы. Быстрые взмахи мечом — то по одному, то по другому месту. Лучше всего бить в живот, или в глаза. Говорят, что колдунам можно бить и по рукам, чтобы лишить их возможности колдовать. Но она была слишком взрослой, чтобы верить в колдунов и вот эти сказки про волшебство. А тёмные твари — они настоящие, из мяса и костей, магией никакой не обладают. Но это не помешает им тебя съесть, если будешь тренироваться не слишком усердно. Она не хотела быть съеденной. Она и тренировалась упорно.

— Тихоня Дэл, — она услышала голос и скривилась.

Её всегда так называл тупой Брайс — этот пухлощёкий мальчишка, который голову свою никогда не включает, прежде чем говорить. Впрочем, в своей тупости он может состязаться с шутником Лексом, который называл её по полному имени, но с его этим насмешливым голосом выходило ещё хуже. Как он протягивал, словно слабоумный «Дэ-э-элия...». Побила бы его с большой радостью, да только за нарушение дисциплины могут выгнать из Академии. А она не хотела убить свою мечту выйти за ворота из-за какого-то тупого шутника, который просто рот на замке держать не умеет.

Дэл обернулась, чтобы ответить, но увидела рыжую девчонку с улыбкой на лице. Выглядела как дурочка с такой широкой улыбкой, если честно.

— Не называй меня так, — проговорила Дэл.

Улыбка с лица рыжей исчезла. Выглядела она чуть ли не меньше всех ребят из её курса. Неужели она и в самом деле смогла пройти вступительные испытания? Или её взяли "по благу"? Впрочем, Дэл было плевать. Вскоре всех отсеет естественный отбор. Тем более, в лесу можно выжить и в одиночку, если тренироваться усердней.

— Я не хотела обидеть тебя... — проговорила смущённо девочка, почесывая голову, — Можно называть тебя Дэл...ия. Тебя же так зовут?

Дэл закатила глаза. Она и вела себя как глупая девочка.

— Типа того, — откликнулась Дэл и перехватила меч поудобней.

И снова рванула в бой. И снова посыпались удары. Быстрее. Быстрее. Тварь не будет ждать. Тварь попытается её съесть. Колющий. Режущий. И по шее — в качестве финала. Наконец Дэл положила меч на траву, да за колени схватилась, чтобы отдышаться.

— Вау! Это тебя родители научили? — проговорила рыжая.

Она ещё была здесь. Она всё это время восхищённо смотрела. Она была такой странной и глупой, что никакого общения иметь с ней не хотелось. Дэл схватилась за меч, за его "лезвие", чтобы изучить его внимательнее. Конечно, затупились от такого количества тренировок.

— Сама научилась, — отрезала Дэл.

И снова рыжая девочка нахмурилась как-то, сжалась вся, чтобы повторить снова:

— Я не хотела обидеть тебя, Дэлия.

Наверно, всё это время она недооценивала рыжую девочку, легко вспыхивающую по пустякам и постоянно извиняющуюся. Уж слишком быстро она попала сначала в гвардейский отряд под руководство капрала (почти-капитана) Матфея, а потом оказалась в Тактическом штабе, за эти годы став одним из ценнейших тактиков.

— Я не хотела обидеть тебя... — прохныкала она громко.

Впрочем, это всё было игрой, непонятно только для кого. Лайза ясно дала знать своим тихим тоном, что всё это было тщательно срепетированным фарсом. Возможно, и тот образ милой и тёплой девочки тоже был таким же фарсом, как и её нытье.

Она слышала, как закрывались за ними ворота, и тяжело вздохнула. Она вернулась домой. Остальное не имело такого значения.

— Ты... ты, наверно, сильно устала... — бормотала обеспокоенно Лайза, — ... если бы не я, не моё тупое решение, этих бы несчастий не было. Боже! Я никогда не смогу искупить вину!

Переигрывала. Сильно. Но никто не обращал на это внимания, все искренне жалели раскисающуюся девушку. И они шли по тропе, Лайза о чём-то трещала с ней, временами беспокоясь о её здоровье, ранах и всём таком. Приходилось подыгрывать в этой игре в лучших подружек, встретившихся наконец. Приходилось. Но когда они ушли достаточно далеко от ворот, она услышала спокойное:

— Можешь не отнекиваться, я всё знаю. И про магию, и про бесову длань.

Спокойный и холодный тон Лайзы. И в глазах её светло-карих — ничего. Пустота. Наверно, как и в тот злополучный день, когда они разругались. Возможно, там ничего никогда и не было.

— Я не собираюсь ничего говорить, — процедила Дэл.

Лайза улыбнулась, но в этой улыбке не радость была, а... злорадство какое-то.

— Я и так всё знаю. Видела. И слышала.

Она улыбнулась ещё ярче, заметив удивленно округленные глаза девушки, да пожала беззаботно плечами. Лайза явно чувствовала себя в своей тарелке, что нельзя сказать об ошарашенной Дэл.

— Ты когда-нибудь думала, что колдуны могут быть среди нас?

Красивая фраза, которая сразу лишает опоры в общении. Что могла сделать Дэл? Лишь честно мотнуть головой. Она никогда об этом не думала, да она и не всегда верила в колдунов, хотя рассказывали про их вторжение, хотя ловили в её годы колдунов, но это не мешало ей не верить. Потом она увидела столько всего за семь лет этой войны, что готова поверить хоть в оборотней.

— Они и были. Один из них всё и рассказал. Знаешь, как его звали?

Тяжелый вдох. Подозрение закралось в её голову, но озвучить его — подобно признанию в собственной глупости. Она промолчала, никак не отреагировав.

— Матфей.

Дэл молчала.

— Кстати, та зелёная куртка, которую ты потом себе забрала, была с того самого острова, откуда они все — эти колдуны.

Дэл молчала.

— Он просто устал. Он не хотел крови. Он не хотел исполнять волю своих хозяев. Он просто долго не решался на это. Я не знаю, что его в итоге подтолкнуло, но...

Дэл прикрыла глаза, да потёрла переносицу. Молча.

Нет.

Не могло такое быть.

Только не улыбочивый капрал с желанием защитить абсолютно всех.

Только не самый светлый человек в её жизни.

Он не мог.

Но если он решился, то с того момента, как она сказала, что защитит Лайзу. Он же был влюблен в неё, в эту "беспечную очаровательность". Или... она подняла глаза на холодно-карие глаза Лайзы. Нет, он бы не обманулся так сильно.

— Сыграем в игру? Называется вопрос-ответ. Каждый имеет право на три вопроса, и должен ответить на все три. Сыграем?

Вдох. Стоило прикрыть глаза, как она видела улыбку Матфея — искреннюю, с этими милыми ямочками. Возможно, он на самом деле обманулся в Лайзе, иначе бы не открыл ей свою душу, не рассказал о таком важном.

Хотя какая искренняя улыбка, если на деле он оказался врагом человечества, волком в овечьей шкуре?

— Нет, — ответила Дэл и прищурилась, замечая, как улыбка с лица Лайзы начала пропадать.

Выдох. Она прислонилась тогда к холодному плечу капрала, и очень долго плакала. Сейчас же она медленно выдыхала воздух, и смотрела на озадаченно-злую Лайзу.

— Я не играю в твои игры, — процедила Дэл.

— Ошибаешься. Ты уже давно в неё играешь.

И она была права. Кто знает, всё могло начаться ещё с того задания. Возможно, это не ведьма обманула командующих, а сама Лайза сказала всё ровно так, чтобы она рванула сражаться в одиночку.

— Он уважал тебя... признался даже, что хотел сначала наложить эту отметину на тебя... Матфей...

— Не произноси его имени! — прошипела Дэл.

Сердце защемило.

— Думаешь, ты единственная, кто разочаровался в нём?

— Думаю, ты единственная, кому мне не стоило доверять!

Повисла тишина. Лайза гневно раздувала ноздри, пытаясь придумать достойный ответ, пока Дэл смотрела в землю и гоняла мысли по кругу. Улыбающийся капрал, с которым она познакомилась ещё в первый день учёбы в Академии, когда они схлестнулись в том тренировочном бою, где она его почти победила. Она не знала его имени, видела лишь нашивку старшего рядового, но запомнила лицо с этими ямочками и его протянутую руку, за которую она схватилась и поднялась.

Все эти годы имя Матфея вдохновляло её на борьбу с тёмными тварями.

— Я понимаю твои чувства... — проникновенно начала Лайза, — Когда он рассказал мне об этом, я тоже была удивлена. Он же... знал и того колдуна, кстати. Он даже не решился передавать эту силу, словно она была чем-то отвратительным. Наверно, ты считаешь также, но... я хочу эту силу направить на защиту нашего народа.

Дэл еле сдержала насмешливую улыбку. Нет. Она уже по глазам видела, что под этим названным поводом скрывалось что-то ещё. Жаль, что она не сильно умна, чтобы разгадать её истинные намерения.

— Всего один вопрос. Можешь даже первая задать, я отвечу честно. Мне нет смысла

тебе врать. Ты всё-таки моя подруга.

Нет, она не сдержала усмешку. Не смогла. Уж слишком это фальшиво звучало, особенно из уст девушки, которая отправила её на верную смерть, на сражение с настоящим колдуном.

— Но только пообещай, что ответишь на мой вопрос.

Наверно, это было неправильным решением. Наверно, она всё рассчитала достаточно, чтобы заманить в эту западню, чтобы она в любом случае согласилась. Наверно. Дэл глубоко вздохнула.

— Постараюсь.

Лайза улыбнулась, видно, искренне рада тому, что добилась желаемого. А Дэл улыбаться не хотелось, ей бы спрятаться от всего мира, да постараться не видеть никого. Да только стоит прикрыть глаза, как видела она улыбающегося Матфея с этими грустными карими глазами.

И наконец-то она смогла задать свой вопрос:

— Почему он так и не сказал мне об этом?

Это звучало максимально глупо — из стольких вопросов спросить именно об этом. Но именно это более всего и зацепило её, из всех сказанных вещей. Почему он скрывал такое? Почему?

— Он просто боялся тебе сказать об этом. Боялся почему-то потерять твоё доверие. Про моё почему-то он не подумал... — усмехнулась Лайза, — Ты не думай, он действительно много о тебе говорил. Иногда мне даже казалось, что я тебя не знаю, потому что говорил он о тебе как-то по-особенному.

Она говорила ровно то, что Дэл хотела услышать. Это просто блажь в уши, которую она сама же и попросила. Да, они хорошо общались с Матфеем, много болтали по утрам у неё на кухне, и как раз там он и признавался в любви к Лайзе.

Она просто дура, нужно было это признать.

— А теперь ответь мне: что такое воля Морры?

Дэл улыбнулась слабо — так вот что нужно было от неё. Интересно, почему Матфей сам ей об этом не рассказал, не объяснил, как это сделал Лука.

— Морра — это богиня. А колдуны подчиняются её воле. Вот и всё.

— И в чём заключается её воля?

Ключевой вопрос. От этого зависело, как далеко она сможет пойти в использовании своей силы. Это было очень важно для неё. Дэл почесала переносицу, делая вид, что задумалась над этим сложным вопросом.

— Я не знаю... она мне лично не говорила, — и рассмеялась резко.

— А ты в неё веришь? — прищурилась Лайза.

Момент истины. Дэл приподняла брови, сделав вид, что удивилась такому "неожиданному" вопросу.

— Ты знаешь, я у богов не в почёте, — она пожала плечами, — Даже если они и есть, то они такие твари... бес их подери.

Она удовлетворилась таким ответом. Ложь на ложь. Хорошо сработано. Интересно, она в самом деле подумала, что Дэл может поверить такой неприкрытой лести? Или просто уверена, что она реально глупая девчонка, умеющая только мечом махать, да тварей рубить?

— Я никому не расскажу про это всё. И ты не говори. Будет плохо не только мне. И... спасибо за ответ. Это реально было очень важно для меня, — она подняла взгляд тёплый, такой привычный, к которому она привыкла от Лайзы, что на секунду сердце дрогнуло, —

Мне действительно жаль, что такое произошло... извини меня, я слишком резко вела себя.

— Всё в порядке! — слабо улыбнулась Дэл, — Я понимаю...

Вонзила бы нож ей прямо меж лопаток, да прокрутила бы его, чтобы закрепить успех. Но вместо этого она обняла её, и услышала:

— В двенадцать утра у нас будет общее собрание, на котором тебя попросят всё рассказать. Не говори о магии. Скажи, что просто колдуна убили... и всё, никакой отметины нет.

Дэл кивнула. Это звучало действительно правильно. Так она и сделает. Она хлопнула по плечу Лайзу, да улыбнулась ей на прощание. Если представить её кровь на руках, то можно было даже улыбнуться искренне.

Обман. В каждом слове, в каждой эмоции, которые она показывала слишком ярко. Все думали, что она просто не умела сдерживаться, уж слишком импульсивной была рыжая и улыбочивая девочка. Хоть кто-нибудь подозревал в горячей Лайзе маленькую обманщицу? Она бы об этой двуличности не узнала, если бы не судьба так не сложилась. Дэл поправила себя: не судьба, а такова была воля Морры.

Наверно, все эти слова ей тоже подсказала Морра. Уж слишком резко такие варианты приходили в голову. Или... она действительно стала умнее и серьёзней за всё время, проведенное за воротами. Жаль только, читать не научилась. Ни книги читать, ни людей.

Она махнула рукой удаляющемуся силуэту Лайзы, да пошла в сторону родного дома. Она должна была дойти до него. Она должна была просто лечь, отдохнуть, пока за спиной разгорался красивый рассвет. Она шла по пустой улице, ни одна живая душа не вышла встретить её, да и с кем бы она могла сейчас встретиться? Лайза оказалась лживой тварью, Лекс встаёт значительно позже, Стивена она уже провела на воротах.

"Пообещай, что вернёшься".

Сердце удар пропустило.

Дэл закусил губу, да пошла в сторону палатки светловолосого целителя. Она пообещала Брайсу. Она должна была до него дойти, снова обнять его и... для начала просто обнять. Это было важнее, чем открыть дверь пропахшего пылью и плесенью дома, в котором она лишь спала да ела.

В палатке оказался какой-то тёмненький мальчишка, расставляющий в шкафу Брайса какие-то склянки. Она долго смотрела на него, даже и не зная, что сказать, что сделать, просто стояла и смотрела. Наконец он оторвался от шкафа и заметил её в проходе.

— У вас ранение? Или...

Дэл головой мотнула и спросила тихо:

— Где целитель Брайс?

— Дома отсыпается. Его смена будет в следующую ночь. А... что такое?

Она молча вышла из палатки, да пошла в сторону дома. У Брайса была своя семья, которая наверняка ждала его дома с нетерпением. Вспомнился вкус яблочного пирога, который он принёс от своей невесты. Как её зовут...? Кажется, Майя.

Пирог действительно был вкусным. Его невеста постаралась на славу.

«Ты только вернись, тихоня Дэл».

Возможно, Брайс был единственным человеком, который во всём этом городе ждал её возвращения.

Она не имела права врывать к нему домой, пугать его невесту, так что лучше уж и в самом деле пойти домой, отоспаться перед этим самым собранием, чтобы уже потом

вечером заглянуть к целителю и обрадовать его своим возвращением.

В доме и в самом деле пахло пылью. Она сделала шаг за порог и буквально чуть не закашлялась от этого. Сколько её здесь не было? Время с колдуном словно шло совсем иначе. Она аккуратно сняла с себя куртку, пропахшую насковозь лесом и кровью, да попыталась повесить её на крючок.

Однако она соскользнула с вешалки и упала. Дэл уж было нагнулась, чтобы её поднять, да только вспомнились почему-то слова Лайзы: "Та куртка была с того самого острова, откуда они все — эти колдуны". Это была не она. Лохмотья, оставшиеся от неё, висели до сих пор на дереве, возле которого и умер Матфей.

Это был подарок Брайса. Просто в темноте все тёмные куртки были похожи. И нашивка капрала на плече была та самая.

Сколько раз брался за эту нашивку Матфей?

Сколько раз он прикладывал ладонь к нагрудному карману, обещая бороться во славу народа и бога нашего?

Сколько раз он чувствовал вину за свой обман.

Это другая куртка. Совсем другая. Лишь нашивка связывала её с той самой.

Но Дэл лишь стащила с себя сапоги, да пошла вглубь дома, оставив куртку валяться на полу.

С возвращением домой вернулась вся та усталость, накопленная долгой дорогой домой. Сколько она шла, сколько она боролась, чтобы в конце концов увидеть свой старый диван, да угол захламленного стола. Дэл тяжело вздохнула и упала на диван, прямо в грязной рубахе.

Она закрыла глаза и... слышала собственное стучащее равномерно сердце. Она была дома. Никто её здесь не тронет. Она наконец в безопасности. Она сможет навестить тёплого Брайса, послушать крики детей на игровой поляне, да снова помочь с уборкой Лексу, которому сложно было этим заниматься самостоятельно.

Дэл мотнула головой, выгоняя мысли прочь, и попыталась забыться во сне.

Звук взведенного курка заставил её распахнуть глаза.

Лекс задумчиво вертел револьвер в руках. Волосы его отросли за то время, что они не виделись. Она оглядела дом — много хлама, как и у неё дома. Кто-то приходил к нему во время её отсутствия? Судя по отросшим волосам и шрамам на подбородке — вряд ли.

— Боже... — пробормотал Лекс себе под нос и наконец правильно взялся за рукоять револьвера.

Он поднял глаза прямо на неё. Хорошо знакомая пустота в глазах. Дэл нервно сглотнула. Слишком хорошо знакомо ей это. В таком состоянии огнестрел берут не для того, чтобы поохотиться. Нет. Он не должен был...

— Пожалуйста, Лекс, опусти оружие... — проговорила она.

Парень прищурился, словно вглядываясь в неё, и наконец сделал пробный выстрел в пол. Щепки разлетелись в стороны. Он улыбнулся, но в этой улыбке ни радости, ни счастья, да и в глазах всё та же всепожирающая пустота.

— Какой же я трус... — тяжело вздохнул он.

Она вскочила со своего дивана и... поняла, что она дома. Рядом не было ни Лекса в его коляске, ни того хлама, ни револьвера. Это был сон? Или... она взглянула на свои руки. Что это было? После встречи с колдуном она уже не могла воспринимать сны как что-то обычное и несущественное. А... она на всякий случай в очередной раз задрала рубаху. Ничего не было на животе. Она была свободна. Никто не мог насрать на неё резко сон, если

ТОЛЬКО...

— Бесова магия... — проговорила она, и резко рванула к шкафу.

Рывком стащила с себя рубашу, чтобы надеть другую — на грязное тело, что в любое другое время вызвало бы у неё раздражение. Но в этот раз она лишь сморщилась лишь при одной мысли об этом, но времени не было — она должна была проведать Лекса, просто удостовериться, что с ним всё в порядке. Она натягивала сапоги, бормоча про себя: «Лишь бы сон... лишь бы сон...». И вылетела она из дома, по пути куртку надевая и думая только об этом.

На улице было уже много народа. Большинству было плевать на торопящуюся девушку в тёмной куртке. Кто-то оглядывался ей вслед, смутно вспоминая, что где-то видел. Никто не окликнул. Никто ничего не сказал. Дэл шла с опущенной головой, то и дело срываясь на бег. Лишь бы это и в самом деле был сон...

Она громко постучалась в дверь его дома — излишне нервно, слишком сильно. Невольно в голове пошёл отсчёт секунд. Пройдёт тридцать секунд без шорохов и звуков — она дверь выломает и войдёт. На семнадцатой секунде она услышала, как скрипели колёса его коляски, и наконец смогла выдохнуть. Всё в порядке...

За раскрывшейся дверью находился Лекс — улыбающийся и совершенно спокойный, на первый взгляд.

— Ох... Дэл... ты вернулась?

Она сдавленно кивнула, осматривая его. Да, ему и в самом деле стоило подстричься, да только она сама могла его лишь отвратительно обкорнать. Позже она обязательно свозит его к цирюльнику. Но это будет позже.

Он улыбнулся ей, как делал каждый раз, когда она приходила к нему с помощью. Отсутствие обеих ног сильно ограничивало его возможности, как больно не было это признавать. Однако она подняла взгляд чуть выше плеча, и оглядела коридор. Вроде не так грязно, как ей показалось.

— Мне Брайс говорил, что ты очень надолго ушла... с какой-то миссией важной. Ты всё по лесу бегаешь с мечом, да?

Она снова кивнула.

Брайс не стал говорить, что её выгнали из города, что её забрал колдун, что она уходила навсегда. Беспокоился за чувства Лекса? Или сам искренне верил, что это лишь на время, что она вернётся?

— Не удивлён... — он откатился в стороны, освобождая проход для неё.

Дэл аккуратно перешагнула через порог.

Выглядело всё вполне прилично, грязи было не так много. Возможно, Брайс в самом деле недавно сюда заходил. Лекс наблюдал за тем, как она снимала сапоги, и не выглядел подавленным или апатичным. Всё было обычно. Возможно, это и в самом деле был всего лишь кошмар. Она столько всего пережила, столько всего видела, что рано или поздно это должно было произойти.

— Как у Брайса дела? — спросила она.

Она сняла с себя куртку, повесила её за шиворот. Взгляд скользнул по нашивке Матфея, и сердце кольнуло. Смогла бы ли она принять это всё, если бы он признал ей? Или она бы возненавидела его, чужого среди своих, единственного человека, которому она могла бы позволить командовать? Она честно не знала, но от осознания, что он рассказал об этом лишь Лайзе, было ещё больнее.

— А с каких пор тебя это интересует? — приподнял брови Лекс.

На этот вопрос она лишь пожала плечами. Возможно, с той поры, как она первым делом, войдя в палатку целителя, бросилась обнимать Брайса, чувствуя скорую разлуку. А возможно ещё и раньше, после того как провела с ним несколько дней в одной палатке. Всё могло быть.

— В последний раз от него разило алкоголем... он, как и ты, почти ничего не сказал, я и не стал лезть в душу... — Лекс тяжело вздохнул и проговорил, — Честно говоря, я за него волнуюсь... может, он тебя послушает и бросит это всё... хотя он бесов целитель, должен сам башку включить.

Они прошли в гостиную, где было вроде прибрано и спокойно. Он действительно заходил недавно, значит, с алкоголем проблемы лишь начались. В самом деле, нужно было с ним поговорить... она бросила взгляд на часы. Слишком поздно, через пару часов её будут ждать в палатке Тактического штаба, она просто не успеет как следует поговорить с Брайсом.

Пока что она могла протереть пыль у Лекса, да поговорить с ним ни о чём, чтобы он не чувствовал себя одиноко, чтобы сон в самом деле не стал явью.

— А у тебя как дела? — наконец решилась узнать Дэл.

Он улыбнулся, и в этой улыбке она увидела того самого мальчишку Лекса, с которым они постоянно ругались в Академии и с которым однажды даже подрались. Но вскоре улыбка потухла, и он снова стал тем самым повзрослевшим и уставшим инвалидом.

— Живой. Вот, катаюсь... игрушки делаю детям. Вроде неплохо всё.

Дэл улыбнулась ему — это не звучало это как речь человека, решившего выстрелить в себя. Значит, и в самом деле это оказалось лишь дурацким сном.

Она заметила графин с водой, решила к нему подойти и налить себе воды — горло пересохло. Пара шагов, и вдруг она почувствовала, что носок зацепился за что-то. Она опустила взгляд, и буквально почувствовала холодок, прошедший по спине.

Небольшая дырка в деревянном полу. Та самая. Она подняла уже серьёзный взгляд на Лекса, который бодро опередил её и принялся наливать воду. Она пальцем ноги провела ещё раз. Неровная. Выглядела она как отверстие от пули.

Бес подери... она слушала, как Лекс наливал воду в стаканы, и искала взглядом рукоять револьвера. Он должен быть где-то здесь. Если след от пули в полу оказался правдой, то и его намерения тоже могут быть не из сна... глазами она бегала по комнате, пытаясь отыскать хоть что-то похожее на огнестрел. Она оттолкнула подушку на диване и... она усмехнулась. В промежутке между сидением дивана и спинкой на неё выглядывало дуло. Она нагнулась за ним.

— Тебе хватит столько? — Лекс развернулся и опустил руки с колёс.

Она повернулась к нему с оружием в руках. Судя по его расширенным от удивления глазам, он явно не хотел бы видеть у неё в руках это. Дэл глубоко вздохнула.

— Зачем тебе это, Лекс?

Он ничего не ответил. Подкатился ближе с двумя стаканами воды, поставил оба на стол возле дивана, и приблизился к ней. И вот сейчас в его глазах можно было увидеть то самое хорошо отпечатавшееся в её голове выражение. Он устал. Чертовски устал. И она могла его понять.

— Ну... это просто...

— Нет, не просто, — прервала его резко и злобно Дэл, — Такое не бывает простым.

Он приподнялся на сидении и смог дотянуться ладонью до её плеча. От этого касания стало ещё как-то больнее. Она могла понять это отчаяние, которое сильнее желания жить, но принять такой исход она не могла. Не имела права. Это же она была виновата в том, что Лекс не бегает в серой гимнастёрке по лесу, а колесит по дому и не может нормально выйти из дома.

Это была её вина от начала и до конца.

— Я устал, — Лекс озвучил её мысли, — Думаю, и ты устала ходить сюда и носиться со мной, будто с мелким. Скажи тебе ещё в Академии, что ты будешь заботиться обо мне, чтобы ты сказала?

Рассмеялась бы. Прямо в лицо. Не сдерживаясь. Но в этом признаваться самой себе было тошно.

— Но мы не в Академии, и нам не по тринадцать лет. Люди имеют свойство взрослеть.

— Дэл, пожалуйста... просто оставь это...

Она резко мотнула головой. Не имела права. Это была её вина. Она пообещала себе не оставлять его. А обещания она свои всегда держала. Как бы глаза эти серые не глядели с мольбой, она будет сильной.

— Да, я трус... калека-трус, не нужный никому, но... это последний подвиг, который я готов совершить.

— Боже, успокойся...

Наверно, она ослабила хватку, и он излишне легко вытащил из её рук револьвер. Она вспыхнула и тут же рванула, чтобы отобрать его. Она чувствовала, как его пальцы всё ближе и ближе к спусковому крючку, и могла лишь тянуть на себя.

— Пусти, дурак! — прорычала она.

— Иди к бесам, Дэл!

Слишком поздно она поняла, что его палец уже нажимал на крючок. Слишком поздно вспомнила, что курок был взведен сильно заранее. Успела лишь дуло увести от его тела, да... выстрел услышала. Пуля не влетела в пол. Пуля не влетела в потолок.

Пуля пронзила её ногу.

Глава 11. Раненная

Губу до крови закусила. Бесы. Бесы. Бесы. Лекс от неожиданности оружие уронил, а она и подхватила, наплевав на всякую боль, да бросила куда-то далеко. Он за оружием не бросился, он замер, глаза уставив на окровавленную ногу Дел.

— Боже... извини... я не хотел, честно... — он поднял на неё глаза, полные слёз.

И получил в ответ звонкую пощёчину.

Рука от неё болела не меньше, чем щека Лекса, почему-то была уверена Дэл. Она сама упала спиной на диван, стоявший рядом, да попыталась ногу положить на подлокотник. Движение причиняло муки, но она всё-таки это сделала. И резко повернулась на Лекса, на щеке которого ярко пунцовел след от её удара.

— Если ещё раз посмеешь такое учудить, я тебя с другого света достану, тупого дерьма ты кусок!!

Он за голову схватился.

— Я не хотел, я...

— В этом доме есть бинт? Не стой на месте, иди за... тьфу, кати за ним!

Ногу ей ещё не простреливали. Впрочем, это ранение было не страшнее того самого в бок, после которого она выкарабкалась. Значит, и после этого выживет. Если бы она умела магией лечить раны... она приложила ладони к ране, и тут же отвела. Больно, бес подери! На второй раз она не коснулась стопы — в паре сантиметров от неё руки остановила. И дальше она не знала, что делать. Лука не использовал магию, когда лечил её. Может, магия вообще такое не умеет?

— Помоги... пожалуйста... — проговорила она тихо, чтобы Лекс не услышал.

Ничего не происходило. Нога также ныла, заставляя время от времени кулак сжимать, чтобы отвлечься, чтобы не заикнуться на этой боли. Она попыталась второй раз, на сей раз через молитву, обращённую к Морре. И ничего не произошло снова.

Кажется, это не так работало.

Она со всей силы ударила кулаком по дивану. Ни капли не больно. И злость никуда не делась. И зачем ей эта магия вообще нужна? Видеть вещи сны? Дэл облокотилась на спинку дивана и прикрыла глаза. Лучше уж так, чем скорбеть над трупом очередного товарища, которого перемолол этот жестокий мир. Лучше так. Что сказал бы ей Брайс? По лбу щёлкнул и назвал тупой — он-то с мозгами, местный гений склянок и бинтов, бес бы его побрал.

Лекс прикатил с бинтом прямо к её ноге и принялся за дело. Возможно, они вместе с Брайсом гоняли на курсы скорой помощи, но получалось у него весьма умело. Дэл при вспышке боли утыкалась в спинку дивана, лишь бы не кричать, лишь бы не давить на и так поникшего Лекса, растрёпанного, нерасчёсанного. Блин, со спины он выглядел даже похоже на неё — волосы у них одной длины были. Только у неё всё же потемнее они были. Тупые мысли.

— Больше не смей, придурок, так делать... — проговорила снова она.

Лекс сдавленно кивнул, не отрываясь от повязки.

— Я спасала тебя не для того, чтобы ты с огнестрелом игрался. Усёк?

Он снова кивнул.

— Живи. Детям мастера игрушки. Можешь ещё что-нибудь делать. Да, у тебя... травма. Но это не повод стрелять в себя, дурак.

Лекс аккуратно управлялся с бинтом, пусть и боль временами подступала, но становилось чуть легче. Кажется, он что-то ещё брызнул на неё.

— Можешь, блин, помогать Брайсу в палатке... я не знаю... какого беса ты молчишь? Язык проглотил?

— Он там больше не работает.

Дэл хмыкнула, а потом до неё дошёл смысл сказанного Лексом. И от этого сердце в очередной раз защемило.

— Ты же не шутишь?

Он поднял на неё серьёзный взгляд и кивнул:

— Когда он приходил в последний раз, он сказал, что бросает это всё и возвращается в войска.

Войска. Циничный Брайс с нашивкой рядового, бегающий с мечом по лесу. Она не сдержала ухмылки.

— Очередная его тупая шутка?

Лекс мотнул головой.

— От него несло алкоголем, но говорил он вроде здраво. Так что это серьёзно. Мне кажется.

Дэл нервно сглотнула. Напивающийся Брайс, бросающий свою палатку... это было на него так непохоже. Он всегда говорил, что у него есть голова на плечах, да и такие резкие действия он делал нечасто. Что же произошло?

Она сжала кулаки. Надо было найти Брайса, и всё у него вызнать. Дэл попыталась резко встать, да только при одном соприкосновении ступни с полом такая пронзительная боль ударила, что она не сдержала слёз. Зажмурившись, она пробурчала ругательство себе под нос.

— Эй, ты чего? — он подкатился к ней, — Тебе пару дней нужно лежать, иначе рана откроется и... даже Брайс тебя не вытащит.

— Мне плевать. Мне просто нужно...

— Что произошло? Почему тебя так волнует Брайс? Он не маленький мальчик, а ты ему не мамка, чтобы...

— Я не хочу потерять ещё и его! — прервала его гневно Дэл.

Она попыталась встать, но боль была слишком невыносимой, чтобы хотя бы устоять на ногах.

— Твою мать, Дэл, ты с ума сошла? — Лекс повысил голос.

Она закусил губу, чувствуя подступающие слёзы. Она должна была встать, и найти наконец этого светловолосого придурка, чтобы сердце так бешено не билось за него. Он всегда считал, что выходить за ворота — это чистое самоубийство. Он не мог просто взять и пойти воевать. Это не в его духе. Что-то с ним произошло. Сломало так, что ему плевать на собственную жизнь.

Дэл ударила по дивану кулаком. А потом ещё. И ещё. Она должна была выплеснуть из себя всю эту злость. Она просто не могла её терпеть. Она била и била, чувствуя, что слёзы сдержат уже не выйдет. Она била и била, пытаясь не смотреть в глаза Лексу. А потом просто уткнулась в спинку дивана, чтобы разреваться, как маленькая девчонка.

— Мне кажется, ты просто переодетый мальчишка... — проговорил с насмешкой Лекс и тут же побежал от неё, а точнее от яблока, которое она метнула в него, — Ха-ха, тихоня Дэл, оказывается, и беситься умеет. А я и не знал...

— Конечно, не знал, ты ж тупой... — процедила Дэл, да попыталась дотянуться до деревянного меча, с которым тренировалась до прихода Лекса.

Брайс, который пришёл вместе с Лексом, ногом толкнул к ней меч.

— Ты типа серьёзно хочешь в мечники пойти? — поинтересовался он.

Дэл хмуро кивнула, взялась за меч, да вскочила с земли, чтобы снова найти тот самый хват, с которым удобней всего наносить режущие удары.

— Я тоже хочу! — громко провозгласил Лекс, — Это же круто, режешь направо и налево бесов, кровь с лица вытираешь и приходишь настоящим героем из леса. Прямо круто!

Дэл негромко хмыкнула, представив, как неуклюжий Лекс будет пытаться победить сильных тёмных тварей. А Брайс лишь закатил глаза:

— М-да... ещё бегать в лесу целую ночь, пытаться не умереть от зубов тварей... тоже мне «прямо круто».

Лекс с недоумением посмотрел на своего хорошего друга. Эти двое часто ходили вместе, они и жили недалеко друг от друга, если бы не разные лица, можно было бы спутать с близнецами. Однако она редко слышала, чтобы Брайс говорил — чаще хвастался и шутил именно Лекс, причём делал это максимально тупо.

— Ну раз ты такой умный, кем ты будешь после выпуска?

Брайс пожал плечами:

— Возможно, в стрелки...

— У тебя хорошо со стрельбой? — приподняла брови Дэл.

Она помнила, что в этом лучше всех был Стивен, который на стрельбище словно родился — уж слишком он хорош был с револьвером в руках, как и с дробовиком. Его единственного хвалил инструктор из всего потока.

— Ну... я могу подтянуть, — пожал плечами светловолосый мальчишка, — Или вообще вернуться в тыл, пойти адъютантом в Штаб. Мозги-то у меня есть...

Дэл закатила глаза. Очередной мальчишка, беспокоящийся о своей жизни больше, чем о чём-либо. Такому спину лучше не подставлять — не защитит, убежит скорее. Лекс хоть и тупо шутит, он будет сражаться до конца — это было видно по его пылким речам. Хотя всё равно лучше всего никому не доверять, а надеяться лишь на себя, а не на каких-то ребят, у которых меч из рук выпадает.

— Я боюсь... — проговорила она тихо самой себе.

Это было чистой правдой. Брайс всегда включал голову, в отличие от неё. Но все эти импульсивные действия... они заставляли её бояться за того, кто был всегда надёжным и спокойным.

— Это моя вина... — выдохнул Лекс.

Она резко подняла голову, услышав это, смахнула рукавом рубахи слёзы с глаз и спросила:

— Почему же?

Лекс пожал плечами.

— Я бы думал, прежде чем что-то делать... но нет... нужно было такое сделать. И так всегда... тогда я должен был побежать, или позвать на помощь. Но не бить того беса.

Она вспомнила тот самый громкий и разрывающий уши крик. Это заставило её обернуться в сторону отставшей команды, и вдалеке она увидела, как тёмная тварь зубами схватила ногу Лекса. Клинок легко поддался движению, и она рванула с ним вместе навстречу бесу, чтобы вызволить этого тупицу. И в этой тьме она зацепила взглядом обрубок

вместо ноги Лекса. Дальше она помнила смутно — как разрубила голову этой твари, как из её зубов попыталась вытащить ногу, как перевязывала дрожащими руками Лекса, как поднимала на свои плечи и тащила сквозь этот лес.

На языке вертелось привычное: "это моя вина". Вертелось, да не сорвалось.

Возможно, потому что её внутренний голос, уж слишком сильно походящий на Брайса, в очередной раз мягко повторил: "это не твоя вина". И она тяжело вздохнула. Лежать на диване в ожидании момента, когда же рана зарастёт, она не могла. Зато смогла резко встать в очередной раз, чтобы пережить первую острую вспышку боли, да от второй опять упасть на диван.

Она должна была бороться.

— Да не умрёт твой Брайс, боже... — проговорил он, — Ты втюрилась в него, что ли? Или думаешь, что Брайс сам не справится со своими проблемами?

Она нервно сглотнула. Кажется, что-то подобное она уже слышала от него.

— Нет... просто я... — и окончательно Дэл поняла, что запуталась, — Я просто выполняю волю божью.

— Ух ты... ты же не была такой верующей! Или что-то случилось?

— Да ничего! Всего лишь увидела живую бога.

Она усмехнулась и вдруг поняла, что слишком легко об этом сказала. А Лекс как-то слишком быстро замолчал, услышав об этом.

— С-с-серьёзно? — пробурчал он, — Или...

Дэл кивнула. На попятную идти смысла не было.

— И каков он...? Ты же, наверно, Ишту видела? Наверняка он жутко большой и...

— Нет, — мягко проговорила она, — я видела другое божество. Её зовут Морра, и... её воля заключалась в том, чтобы я сражалась. Знаю, звучит странно.

Лекс пожал плечами, видно, ничего такого в этом не видел. Только задумался почему-то.

— Я должна сражаться, — повторила тихо Дэл, а потом подняла голову на сидящего Лекса, — У тебя ведь есть костыли. Я это знаю.

Он сдавленно кивнул.

— Мне нужны твои костыли, — проговорила отчётливо Дэл, и подбородок подняла.

Она должна была сражаться. Бороться. Такова воля Морры. Пока Лекс колесил на коляске по своему дому, чертыхаясь, Дэл наблюдала за часами. Она могла пойти в сторону Тактического штаба, чтобы они наконец от неё отстали. А могла рвануть в сторону дома Брайса, пока ничего не произошло с ним. В любом случае, идти на костылях ей придётся долго.

Дэл снова потянулась к простреленной стопе, чтобы помолиться Морре и попросить у неё скорейшего излечения. С такой раной она долго не сможет сражаться, бороться, как завещала ей богиня. А она хотела быть полезной. Она хотела уничтожить всех тварей. Дэл зажмурилась, и в очередной раз произнесла имя богини.

Она почувствовала приятный холодок по коже, и улыбнулась этому. Кажется, она была услышана. И нога ныть стала заметно меньше. Дэл глубоко вздохнула, да попыталась подняться, не используя левую простреленную ногу. Было сложно, но наконец она медленно встала, не обращая внимания на ноющую боль.

— Лови!

Она резко повернулась и еле перехватила летящий на неё костыль:

— Придурок!

Лекс громко рассмеялся. Она поудобней перехватила костыль, чтобы дойти до этого дурака, и огреть его как следует им, но вдруг заметила — он смеялся искренне. Слишком давно она не слышала тот самый смех Лекса, который в последнее время слишком часто думал о чём-то своём и пытался смириться с ранением.

Она долго смотрела на то, как он смеялся, и наконец, когда смех стих, она схватилась за костыль и сделала пробный шаг. Сложно. Она сделала ещё один и повернулась на показывающего большой палец Лекса. В его глазах Дэл заметила что-то ребяческое, давно позабытое ею, и от этого зрелища стало на душе теплее. Он выкарабкается. Возможно, он больше не решится закончить свою жизнь самостоятельно. Возможно.

Она еле дошла до выхода, и столкнулась с тем, что нужно было как-то натянуть форменные сапоги. Очередная трудность, с которой она должна была бороться. Дэл усмехнулась. Сколько таких ещё будет на её пути?

Наконец один она смогла натянуть, раненную ногу она оставила в одном бинте.

— Эй! — Лекс подъехал к ней, — Спасибо... я... мне жаль.

Дэл подняла голову от сапога к влажному взгляду парня, и проговорила серьёзно:

— Пожалуйста, не вини себя.

Более всего, она боялась рухнуть с этим костылём. Выходить на улицу с ним было подобно испытанию. Шаги приходилось делать очень медленно, чтобы не потерять равновесие. Каждый шаг — как отдельный бой, в котором ты всегда можешь проиграть. Дэл сжала губы. Если идти прямо, то можно дойти до Тактического штаба, пусть и немного опоздать. Если повернуть и пойти в ту сторону, то она дойдёт до дома Брайса и его невесты, и сможет наконец поговорить с ним.

Дэл глубоко вздохнула. Сложный выбор. Если она не придёт вовремя в Штаб, её могут искать, чтобы привести силком, применить наказание и... всё зависело от Лайзы, которая могла не выдержать и рассказать обо всём начальнику. А колдунам не место в их городе. Колдуны — это враги. Даже если они хотят встать на твою сторону.

А ещё её могли задержать в самом Штабе, как только бы она туда пришла. Всё могло быть. И тот, и другой выбор скрывал за собой неизвестность, с которой Дэл всегда было сложно мириться.

Наконец она выдохнула и проговорила:

— Я должна сражаться.

Такова воля Морры. Такова цель её жизни.

Дэл сжала губы, да поковыляла в глубь города. Она ведь пообещала Брайсу, что вернётся. Она всегда держала своё слово. А ещё она всегда готова была сразиться, если воины из Штаба решат её схватить и привести силой.

А ещё она готова была сражаться с внутренними демонами Брайса. Наверно, этот бой будет самым сложным для неё — она намного лучше владеет острым мечом, чем нужным словом. Наверно. Дэл опустила голову, внимательно изучая путь под ногами. Лишь бы без сильных кочек и камней. Она вспомнила его шутливое: «а я ожидал признания в любви», и вздрогнула.

Она должна была вернуть прежнего Брайса в его палатку, чтобы он опять глупо шутил, считал себя самым умным, да постоянно был тем самым оплотом спокойствия и стабильности, к которому она готова была всегда возвращаться в этот город, в котором она никому не нужна была.

Солнце макушку больше не грело. Стало значительно холоднее — возможно, нужно было просто застегнуть куртку, да с костылем рядом она боялась это сделать. Как только Лекс овладел сначала коляской, а потом и этим? Сколько в нём было силы внутренней, прежде чем он не потух окончательно и не решил умереть?

Дэл глубоко вздохнула.

Она спасла ему жизнь. Второй раз. Если она признавала за собой вину в том, что он остался без ног, то она должна была и понимать, что именно её клинок спас жизнь этому почти погибшему парню. А если бы не её спина, на которой она вытаскивала почти истекшего кровью Лекса, то и это было бы зря.

Она не должна была себя винить. Всё шло по воле Морры. Всё шло правильно. Всё шло правильно всегда, когда она сражалась, когда исполняла неукоснительно волю богини. И сейчас она каждым неуверенным шагом с этим неудобным костылем доказывала, что она может быть полезной, что она достойна была той встречи.

Это был долгий путь. И когда наконец она увидела черепицу крыши его дома, девушка не смогла сдержать облегченного вдоха. Это был финал. Лишь бы только дойти, лишь бы только справиться, она сжала зубы и попыталась шевелить костылём активней.

Она ударила пару раз костылём по двери его дома, да схватилась за перила на крыльце. Глубокий вдох. Всего пару раз она посещала его дом, и то — во времена Академии, когда он жил здесь с родителями, а не с собственной невестой, которая хорошо готовила и искренне его любила. Интересно, каково это — быть невестой Брайса? Она прикрыла глаза и тяжело вздохнула — глупые мысли, выкинуть бы прочь их из головы и не думать о такой чуши.

Дэл активней застучала уже кулаком по двери. Странно, даже невеста не торопилась открывать дверь. Хотя она была постоянно дома, чтобы заботиться о Брайсе как следует... хотя, если он в самом деле приходил к Лексу с перегаром, то вряд ли она хорошо заботилась о нём. Может, просто поссорились?

Она бы не разрешила Брайсу пить. Даже после ссоры.

Кстати, почему он не торопился открывать?

Со злости она толкнула плечом дверь, и та раскрылась слишком легко. За ней скрывалась полутьма комнат, в которые она весьма бодро вошла, да прошла по коридору. Слишком тихо. Слишком. Она переставляла ноги, да внимательно по сторонам смотрела, тщетно пытаясь понять, что произошло.

И наконец в одной из комнат она заметила тело на ковре.

Дэл уронила костыль и рванула к лежащему Брайсу. Так не должно было быть. Нет... они же должны были встретиться, обняться, да... так неправильно. Хлопнула по щекам. В тишине, прерываемой лишь её неровным дыханием, она на шее нашла пульсирующую вену. Живой. Она улыбнулась и снова похлопала по одной, по другой щеке.

— Бес тебя подери... — проговорила Дэл, — Вставай же, дурак!

Он живой. Живой. Просто... в отключке? Она совершенно не представляла, что делать в таких случаях. Если только вылить кружку холодной воды на него.

Дэл попыталась встать, но боль в ноге не давала этого сделать. Она скрипнула зубами с досады. В таких случаях обходились вонючими микстурами, но где их искать в доме Брайса? Она не знала. Бес подери...

— Ты кого дураком назвала...? — пробурчал хорошо знакомый ей голос.

Сердце замерло.

Она медленно обернулась на глупо улыбающегося Брайса. Покрасневшие глаза, пустой

дом, запах спирта, да что-то ещё. Что-то явно произошло.

— Я обещала, и я вернулась.

Он улыбнулся, растрёпанный и совершенно разбитый, но от этой улыбки потеплело как-то. Наверно, Брайс был единственным человеком, которого и в самом деле радовало её возвращение.

— Месяца четыре прошло... — прокряхтел он и попытался подняться с пола.

Дэл удивленно приподняла брови. Так много? Почему она не заметила этого раньше? Впрочем, время никогда её особо не интересовало.

— Что с тобой случилось?

— А с каких пор тебя интересует моё состояние? — ухмыльнулся Брайс.

Она сжала кулаки. Придурок.

А потом она вспомнила собственные слёзы и произнесённое со злости: «я не хочу потерять ещё и его». Наверно, это она была здесь главной душой.

— Лекс мне рассказал. Всё рассказал. Так что не юли тут.

Брайс тяжело вздохнул.

— Всё в порядке. Не забивай голову.

— Бес подери! "В порядке" выглядит совсем не так! — она вспыхнула от его слов, — Не держи меня за идиотку! Что такого произошло, что тебя потянуло рисковать?

В полутьме этой комнаты она плохо видела лицо Брайса. Зато в тишине, повисшей между ними после её слов, она слышала, как капли застучали о крышу дома. Начинался дождь. Кажется, к ним пришла наконец осень.

— Я слишком долго отсиживался в стороне, — наконец тихо проговорил Брайс, — Да и... ты когда-нибудь просыпалась и понимала, что это всё не имеет никакого смысла? У меня это произошло. И... я не знаю... я никогда не был таким смелым как ты, или Лекс. И... я не знаю, правда.

Он схватился за голову.

— Я даже никогда не видел, что там — за этими дурацкими Воротами.

— Ничего интересного, — проговорила Дэл.

— Возможно. Но я боюсь... однажды я умру от старости, ничего толком и не сделавший. Умру одиноким... ведь почти все мои друзья остались в том лесу.

Он опустил голову. Сердце защемило от этого вида, Дэл невольно придвинулась ближе, пытаясь не думать о вновь вспыхнувшей боли в ноге. Она даже и не знала, что она могла сделать.

— Я боялся, что больше тебя не увижу... — Брайс криво улыбнулся, — Я почему-то не верил в твоё возвращение. Хотел верить, но не выходило.

— Я всегда держу обещания.

— Знаю. Но ведь судьбе плевать на наши обещания.

Они снова замолчали, толком даже и не зная, что больше сказать. Дождь стучал по крыше. Смотреть на Брайса в таком разбитом состоянии было подобно пыткам.

— Я тоже боялась, что больше тебя не увижу. И... я не хочу больше... — она долго подбирала правильное слово, но в конце концов сказала первое, что пришло в голову, — Я не хочу больше покидать тебя.

Он поднял голову. Жаль, что в этой полутьме плохо было видно его глаза.

— Звучит как весьма оригинальное признание в любви, — она слышала его усмешку.

Она глубоко вздохнула, лишь бы снова не послать его к чёрту. Впрочем, глядя на этого

уставшего от жизни парня, это желание исчезало. Пусть в очередной раз пошутит плохо.

— Да. Так и есть.

Звучало это как-то слишком жалко. Впрочем, они и были жалкими людьми, сидящими на полу в темноте, пока где-то там шла вечная война, которая началась ещё до их рождения и закончится лишь после них.

— Восхищаюсь твоей смелостью, Дэл. Мне до сих пор страшно сказать такое... — Брайс тяжело вздохнул, — Пока Майя однажды не сказала, что я её никогда не любил, и решил на женитьбу просто потому, что боялся остаться одиноким. Наверно, она была права. Надеюсь, она будет счастлива.

Вот что произошло между ними.

— Мы, наверно, все боимся остаться одинокими. И... ты можешь меня покинуть, но я хочу, чтобы ты всегда возвращалась обратно.

Сердце ёкнуло.

— Звучит, как ещё более оригинальное признание в любви, — проговорила она, улыбнувшись.

— Ну... так и есть.

Глава 12. Сражающаяся

— И кто тебе так рану заматывал... — пробурчал Брайс.

— Ну явно не высококлассный целитель!

— Хотя мне интересней, откуда ты поймала огнестрельное ранение... но ты ж не скажешь, уж я-то знаю.

Она кивнула. Не стоило говорить о всей этой истории с Лексом. Много не стоило бы говорить Брайсу, чтобы он не переживал понапрасну. Она сама могла разобраться со всеми своими проблемами. Только тревога не отступала, пусть и было всё спокойно — на улице до сих пор барабанил дождь, Брайс наконец нашёл чудодейственную мазь, от которой боль почти не беспокоила её, да и она наконец была в безопасном месте. Почему же какое-то странное чувство тревоги не отпускало?

Дэл тяжело вздохнула.

— Больно? — вздрогнул Брайс.

Она резко мотнула головой.

Громкие детские крики раздались за окном. Кажется, они решили побегать под дождём. В детстве Дэл тоже любила такие пробежки, когда капли бьют в лицо, а ты беззаботно смеешься. Пока остальные родители прятали детей по домам, наливали им горячий чай с плюшками, да запрещали им даже на крыльцо выходить, чтобы они не простудились, её дядя иногда забывал о её существовании, так что ей ничего не стоило выбраться и ночью, и в дождливый день на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха и помечтать в очередной раз, как однажды она выйдет за пределы ворот и увидит огромный бескрайний лес, в котором она сможет окончательно почувствовать себя свободной.

Интересно, нынешние дети мечтают оказаться за воротами?

— Ты умеешь готовить яблочные пироги? — вдруг спросила Дэл.

Брайс приподнял на неё удивленный взгляд голубых глаз.

— Ну... Майя показывала пару раз... а что такое?

— Научишь меня?

Он пожал плечами

— Если сможешь устроить перерыв между вечными своими сражениями, то всегда буду рад.

Она усмехнулась, но ничего на это не сказала.

Наверно, в самом деле пора наконец разгрузить своё время.

Крики детей стали громче, да только... она напряглась — крики изменились.

— Что за бесовщина? — проговорила она, — Можешь открыть окно?

Брайс отпустил её ногу, да пошёл в сторону зашторенных окон. Дневной свет ворвался в комнату, пришлось прищуриться — уж слишком неожиданно это вышло.

— Бес подери... там люди бегут куда-то. Кажется, что произошло.

Дэл резко выдохнула. Всё обязательно должно было пойти не так. Она попыталась вскочить, зажмурилась от вспышки боли, но сейчас она могла хотя бы её преодолеть. Спасибо высококлассному целителю.

— Твою мать, Дэл, ты серьёзно...? — и он тут же заткнулся, увидев её красноречивый взгляд.

Серьёзно. Не зря тревога её пожирала. Что-то должно было произойти. И она должна

была с этим разобраться. Она закрепила на поясе ножны, проверила, как меч выходит из них, и улыбнулась плавности движения. В качестве второго сапога она нацепила тапок, который наверняка с неё свалится, но ничего лучше придумать она не могла. Надо было всё-таки забрать его из дома Лекса...

— Ты только вернись, пожалуйста! — проговорил Брайс торопливо.

Она повернулась к нему, сжала губы и проговорила уверенно:

— Я обязательно вернусь.

Виноватая улыбка на прощание, и она вышла из его дома, да пошла быстрым шагом в сторону главной дороги, от которой люди торопливо убегали. Что-то определённо происходило.

На их дорогу выскочил бес. На свету эта тёмная тварь выглядела не так страшно, как во тьме лесной. Она обнажила меч и рванула к нему с улыбкой. Лёгкое движение — и он остался позади неё с перерезанным горлом, истекать кровью. Она улыбнулась чуть шире. Она должна была сражаться — такова воля богини.

И Дэл собиралась её исполнить.

Тапок свалился после первого же рывка. Впрочем, она это почти не замечала — возможно, жажда битвы и победы над тварями была сильнее, чем ноющая боль в ноге. Тем более, Брайс её надёжно замотал, как и полагается высококлассному целителю.

На главной дороге было слишком много крови и... мёртвых тел. Взгляд зацепился за ребёнка с отсутствующими ногами.

Некстати вспомнился Лекс, которого она всё-таки вытащила. Но пульса у этого мальчишки уже не было. Бесполезно. Дрожь пошла по телу. Сколько же тварей? Сможет ли она справиться со всеми? Люди неслись прочь от ворот, бежали по телам своих же и упавших товарищей, они спасались от чего-то страшного и их не в чем винить. Дэл сжала рукоять меча.

И откуда они только взялись? Они разве вообще способны бегать днём? Она подняла голову на небо, спрятанное за тёмно-серыми грозowymi тучами, и вздрогнула. Кажется, они чего-то не знали о тёмных тварях. Однако... это не должно было её останавливать.

Она должна была сражаться за народ свой и бога своего.

— Помоги мне, Морра! — провозгласила она и рванула навстречу толпе.

За людьми обнаружили бегущие лохматые бесы. Она крепче схватилась за меч, да бросилась на них. Несколько взмахов. Она чувствовала брызнувшую на лицо кровь, и вместе с ней — какую-то небывалую лёгкость. Кажется, богиня её услышала!

Некоторые люди затормозили, увидев, как она расквиталась с тварями. Впрочем, сейчас она должна была лишь сражаться. Сражаться с именем Морры на устах.

Благо, тварей здесь много.

Они были везде. И везде их настигала Дэл с окровавленным клинком, которая уж слишком легко резала их. Твари нападали по одной, или по паре, все вместе не решались, и заслуженно получали. Она видела людей краем глаза, но слышала лишь бешенный стук собственного сердца и рык тварей, которым она оказалась интересней, чем простые люди.

Они всегда получали порцию железа в бок.

Глупые тёмные твари.

Дэл носилась по дороге, выкашивая тварей, пытаясь не смотреть на лежащие тела людей. Это пустое. Её задача была сражаться до конца, сражаться с тварями и спасти город.

Ворота оказались прорванными. А палатка Тактического штаба — валяющейся и

окровавленной.

Она резала всех тварей, каких она только могла найти. Она убивала их в пару взмахов. А они снова и снова напирала на неё, надеясь, что смогут победить в этом неравном бою. Однако все знали, что больше всего у Дэл получалось именно махать мечом и убивать тёмных тварей.

И сейчас она это доказывала.

Дождь бил по голове, а она махала мечом, скашивая головы тварей. Они падали с грохотом на землю, а Дэл наносила удар уже следующему бесу по голове. Быстро. Чётко. Без лишних движений. И лишь когда она больше не увидела в зоне видимости хоть какую-то тварь, она смогла опустить меч.

Она стояла возле упавших ворот, возле разорванных тварями стрелков, тяжело дышала, глядя куда-то в лес. Дождь смывал с рук и меча кровь, она с готовностью под него и лицо подставила, да зажмурилась. Силы покинули её, ноги предали — и она рухнула на колени, да руками оперлась на землю. Она не упадёт.

— Спасибо... спасибо... отдаю душу и меч свой Морре, во славу народа своего и бога своего.

Голова шла кругом, устоять сложно было... однако на мгновение ей почудилось лёгкое прикосновение к плечу. Она обернулась и увидела толпу людей, удивленно смотрящих на неё. Наверно, они видели кровь на её руках, или видели, как она убивала этих тварей. Она медленно поднялась с земли, схватила свой меч и крикнула:

— Настоящий бог на нашей стороне! Богиня Морра — а не эти идолы, которым на нас плевать, вроде Ишгы или Таха... богиня на нашей стороне! — она подняла вверх меч и сжала его крепко, — Я сражаюсь с её именем на устах. И побеждаю.

Она заметила вспышку где-то вдалеке. Народ вздрогнул.

И гром стал подтверждением её слов.

Дэл широко улыбнулась. Богиня была с ней. Она всё делала правильно, как и надо. Осталось только довести сражение до конца. Она развернулась в сторону сломанных ворот. Если такое произошло, значит, им пора было наконец перестать прятаться от внешнего мира. Значит, пора наконец было покончить со всеми тварями в этом лесу.

— Мы победим всех тёмных тварей и перестанем прятаться! — крикнула она и в следующее мгновение рванула навстречу лесной тьме, да таящимся в них тёмным тварям.

На той звёздной поляне она и потерялась с концами, вдыхая запах лесной свежести. Стояла слишком долго, чувствуя тяжесть огромную на плечах, что рука онемела, а потом подняла голову на ясные звёзды.

Смертельная усталость. Дэл закашлялась, и почувствовала, как вместо слюны изо рта капли крови выходят. Ситуация выглядела весьма и весьма нехорошо. Но она не могла поступить иначе. Она должна была сражаться, ведь таковой была воля богини Морры.

Кажется, на этой поляне собрались все лесные тёмные твари разом. Травы под мёртвыми телами видно не было. Да и все травинки были в крови бесов. Славная получилась битва... кажется, она стала последней для неё. Дэл рухнула на землю, держась за живот, на котором остался длинный след от когтей твари.

Она толком и не помнила, почему именно это поляна, что такого произошло, что именно здесь собралось столько тварей, и как она могла победить их всех сразу. Она помнила вспышки грозы, да взмахи клинком, и кровь-кровь-кровь. Наверно, это и вправду

была славная битва. В лесу стало совсем тихо, ничьих громких рыков не было слышно, никто не бежал по хрустящим веткам в поисках тварей.

В лесу повисла мёртвая тишина.

Лишь она её нарушала тяжёлым дыханием.

Наверно, она и в самом деле выполнила волю богини Морры. На этом жизнь должна была и закончиться с её историей. Она прикрыла глаза и снова почувствовала лёгкое прикосновение к плечу. Сил обернуться уже не было. Ни на что сил не было, только лишь на прерывистое дыхание.

— Ты хорошо постаралась, милая моя Дэлия.

Наверно, она действительно заслужила таких слов. Но больше она заслужила лишь покоя, уж слишком много сил она отдала в этой последней битве, которую толком и вспомнить не могла.

— В руки твои... боже... передаю душу свою и... — она вдруг запнулась.

Остался Брайс. Тот самый парень, который признался ей, что боялся остаться в одиночестве, и которому она пообещала вернуться. Она смогла поднять голову с земли.

— Я хочу, чтобы ты продолжала бороться, — рука несильно сжала её плечо, — Пусть не с мечом в руках, но боролась. За народ свой и бога своего.

— Во имя народа моего и бога моего, — повторила она и наконец смогла встать.

Она ещё не заслужила отдыха. Только тогда, когда вернётся к Брайсу и в очередной раз пожелает ему доброго утра, только тогда можно будет отдохнуть после сложной битвы.

— На третьей встрече всё и закончится, милая Дэлия, мой молот божий, — рука мягко соскользнула с её плеча.

Дэл развернулась, но никого позади уже не было. В лесу снова стало безжизненно тихо, словно и не было никогда здесь тёмных тварей, убивших слишком многих за все эти годы. И это было волей богини Морры. Однако точку на их существовании поставила девочка, которая просто хорошо махала мечом, и это тоже было волей богини Морры. И воля её была воистину непостижима.

Однако пора возвращаться домой.

И она пошла по телам тёмных тварей, чувствуя их кровь на своих ногах, медленно пошла, не обращая внимание на голову, идущую кругом от этого всего. Лишь когда она вошла в тень деревьев, то вспомнила, что забыла про меч. Она обернулась на поляну, усеянную мёртвыми телами, и глубоко вздохнула:

— Он мне больше не нужен.

Дэл вошла в тёмный пустой лес, где единственным источником шума была лишь она сама, бредущая в сторону своего дома, в сторону города.

Ноги ныли от пройденных кочек и корней, голова временами напоминала о себе и кружилась, идти было тяжело, и даже когда в какой-то момент сквозь деревья она заметила очертания упавших ворот, энергии не появилось. Слишком сложно было идти, но не идти и сдаться она тоже не могла. Каждый шаг был отдельной борьбой, но не с тёмными тварями, а с самой собой и смертельной усталостью.

Шаг. Ещё один. Она наконец вышла к воротам и вдруг заметила возле них какой-то силуэт. Шаг. Второй. Ещё один. Она вышла из-за леса, прищурилась. Светлые волосы трепал лёгкий осенний ветер, и сам он в своём объёмном свитере и в тёмных сапогах, оставшихся с военной формы, выглядел таким... домашним?

Не этот город с солдатами и народом был её домом.

Всё это время её домом был именно светловолосый целитель Брайс, каждый раз принимающий её как близкого человека.

Он удивлённо присвистнул и тут же рванул навстречу ей, чтобы подхватить, чтобы подставить своё широкое и тёплое плечо, чтобы она не упала снова. Впервые за долгое время она почувствовала себя абсолютно правильно. Так и должно было быть.

— Ты справилась, Дэл, всё хорошо... ты дома, — он крепче обхватил её.

С поддержкой Брайса идти было намного легче. Она вернулась домой. Всё правильно шло. Они шли вместе, и взгляды народа, разбирающего завалы и тела, были весьма выразительными. У кого-то на глазах застыли слёзы, кто-то смотрел на неё с... уважением, возможно, ей всегда было сложно разобраться в эмоциях.

— Дэлия Маркина! — кто-то вскрикнул позади.

Она вздрогнула от этого крика, но всё-таки не обернулась, сил на это никаких не было. "Маркина" вроде на древнем языке значило то ли "святая", то ли...

— Молот Божий, — произнёс Брайс, — Я бы назвал тебя скорее мечом, но... народу почему-то понравился именно "молот".

Она усмехнулась, представляя, как они все вместе собираются и решают, как назвать её. А в самом деле, как это произошло? Она помнила, как подняла меч и прогремела гроза. Может, что-то ещё могло произойти?

— Сколько дней прошло? — спросила она.

— Всего пара дней, — Брайс улыбнулся, — Я уж опять подумал, что ты надолго пропадёшь.

— Я больше не уйду, — проговорила она медленно, — И войны больше не будет.

Они прошли мимо пустыря, на котором стояла лишь несколько палаток с красными крестами. Их же было значительно позже... и она вспомнила про сметённую бесами палатку Тактического штаба.

— Ты не слышал, что с... Лайзой? Помнишь, та девочка из нашего выпуска...

— Кажется, я видел её тело. Будь немного времени, я бы успел её спасти, но... — Брайс тяжело вздохнул, — Я, конечно, хороший целитель, но воскрешать людей ещё не научился.

Сердце кольнуло. Да, она оказалась не тем человеком, которым казалась для всех, но от её смерти легче не стало. Всё-таки она пообещала Матфею защитить Лайзу, и не сдержала обещание. Наверно, это было единственным обещанием, которое она за свою жизнь так и не смогла сдержать. Дэл закусил губу.

Матфей тоже был не тем, кем хотел казаться. Он тоже был виновен в смертях простых людей, и вся их дружба, её влюбленность в образ идеального капрала не могла оправдать его. Он тоже был колдуном. Как и Лука. Наверно, колдунов более не осталось на их земли, не считая её и Иванны. А если их не было, то больше некому и создавать новых бесов.

Та битва и в самом деле стала последней жирной точкой во всей этой долгой войне, начавшейся ещё до её рождения. Настало мирное время, только бы завалы и мёртвые тела разгрести, и можно зажить спокойно. Они смогут выходить в лес спокойно, не боясь нападения, даже в самую тёмную ночь. Однажды и стен не станет, потому что они не нужны будут.

И эта точка была поставлена её рукой, её окровавленным мечом, оставшимся где-то в глубине леса. Просто он больше ей не нужен. Дэл подняла голову и заметила толпу людей, разгребающих развалины какого-то дома. И руководил ей какой-то темноволосый капитан в серой гимнастёрке. От взгляда на правый рукав, который слишком свободно свисал и на

ветру болтался, было не по себе. Она прищурилась и...

Стивен без своей правой меткой руки — это как Лекс без ног. Сильный удар. Но он не выглядел поникшим, или расстроенным, командовал спокойно и кобура с хорошо знакомым револьвером висела с левой стороны. Война закончилась. Им больше не придётся брать в руки ружье или клинки.

Она кивнула ему в знак приветствия, и они с Брайсом пошли дальше.

— Сколько лет прошло с нашего выпуска? — спросила Дэл.

Парень ненадолго задумался, после чего проговорил:

— Кажется, лет семь.

Она прикрыла глаза и вспомнила этих ребят, получавших свои клинки на выпускном. Светящиеся радостью глаза шестнадцатилетних ребят, которые искренне хотели послужить народу своему и богу своему, как и клялись ещё в первый день Академии. И почти все они полегли на этой почти вечной войне.

— И с тех пор нас осталось лишь четверо, — глубоко вздохнул она.

Они выжили. Они выиграли. Они положили этому конец. Вскоре последние курсанты получают свои нашивки младших рядовых, и набор в Академию закроют. Ведь войн больше не будет. Пусть Лекс и лишился ног, а Стивен — правой руки, они в итоге выжили и будут жить дальше, пока не умрут своей смертью.

Дэл взяла тогда свой выпускной клинок — настоящий, не деревянный, как на всех контактных тренировках, — и в отражении его увидела горящие глаза человека, готового положить свою жизнь за благополучие родного города, и чтобы увидеть происходящее за воротами. Она подняла глаза от клинка и увидела, как радостно ей улыбалась Лайза, которая уже получила свой клинок.

У Лекса точно также горели глаза — пусть они часто и ссорились, но они были слишком похожи в этом стремлении. Вот у Брайса никогда не было такого стремления, на выпуске из Академии он выглядел скучающим и с выпускным клинком она увидела его лишь однажды, после этого он оставил его у себя дома и ушёл на курсы помощников целителей. Стивен получил клинок и тут же его заложил в ножны, тоже практически не применяя его — всё-таки у него был верный револьвер, который никогда его не подводил.

С тех пор прошло почти семь лет.

Дэл взглянула в лужу, и увидела свои тёмные уставшие глаза с яркими синяками под ними. На лице множество пятен и царапин, как и на руках.

Они родились во время этой войны, они готовились к ней несколько лет, они теряли на ней родных и друзей. Эта война закончилась. А смогут ли они жить без неё?

Они дошли до дома Брайса, он толкнул ногой дверь и... резко подхватил её под колени и поднял её, чтобы перетащить через порог прямо к дивану.

— Какого беса?! Брайс! — вспыхнула она.

Он рассмеялся громко.

— Извини, не сдержался! Хотел посмотреть на твою реакцию... хы-хы...

Глядя на его улыбку, горящие озорные глаза, она и сама не смогла сдержаться и приподняла уголки губ. Пусть раны ныли, и наверняка ещё не скоро они сойдут на нет, но с Брайсом жить было как-то легче. Он аккуратно её положил на диван, как-то непривычно было видеть в нём такую... заботу? Нет, он постоянно заботился о ней, просто она предпочитала этого не замечать.

Он выпрямился, вытер пот со лба и проговорил:

— Ты только не вставай, а то я тебя знаю... я схожу за своей аптечкой, обработаем раны и...

— И что дальше? — Дэл не сдержалась и задала этот вопрос.

Брайс нахмурил лоб, видно, об этом он ещё не задумывался. Как и она. Вся жизнь её была одним сплошным сном между ночными выходами за ворота, где она самозабвенно рубила тёмных тварей. Но теперь не было ни ворот, ни тварей. Она и сама не знала, что делать дальше, как работала простая мирная жизнь, в которой не было места всему тому, чему их учили.

То, что она умела более всего, теперь было просто не нужно.

Брайс глубоко вздохнул и проговорил:

— Дальше мы наконец отдохнём, а потом... мы наконец будем жить. Нормально жить. И... вместе, да?

Не раздумывая, она кивнула. Вместе. И только так.

Всё-таки Брайс был тем человеком, к которому она снова и снова возвращалась. И... наверно, только с ним она бы и смогла жить нормально, а не существовать.

Всё это время они всё-таки сражались, боролись, воевали. Они заслужили право на спокойную и нормальную жизнь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net